

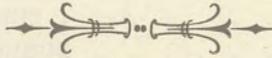
205 с. с илл.
л. 275 - 393.

П. Э. Стьюартъ.

Оглавление.

Сборникъ ОХОТНИЧЬИХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

Уральскаго охотника и рыбака.

ТОМСКЪ.
Типографія К. А. Орлова.
1900.

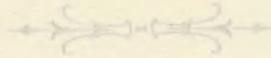
И. А. Гюльке

Сборник

ОХОТНИЧЬИХ РАЗСКЛЗОВЪ

Дозволено цензурою. Сентября, 24 дня г. Москва.

1899 г.

Томскъ.
Типографія Н. А. Овчина.
1900

Оглавление.

	Стран.
1. Краткое предисловіе	V
2. Случайный кабанъ	VII
3. Охота на колпиковъ или колпицъ	XVII
4. Пари или первая охота на фазановъ	XXVI
5. Опытъ характеристики Пермской губерніи въ охотничьемъ отношеніи	1
6. На куренъ	17
7. На Чусовую	33
8. Тяга на Уралъ	46
9. Ловля ершей лѣтомъ при огнѣ и случай- ный олень	59
10. На Палкинскихъ поймахъ	69
11. Охота съ острогой	88
12. На лиственникъ	94
13. Своеобразная ловля налимовъ	104
14. По первой порошѣ съ подъезда	107
15. Зимой на тоню	132
16. Памятная облава	139
17. На память рыбакамъ	148
18. Первая охота на оленей	150
19. Опытъ характеристики охотничьей семьи	173
20. Медвѣдь музыкантъ и памятная встрѣча	181
21. Не помѣсту пришлось	189
22. Отъ Тифлиса до Батума	196

Отдел

1	Охотничья охота	1
17	Их курорт	17
28	На Урале	28
46	Травяная охота	46
59	Новая охота	59
69	На Палеонтологическом	69
82	Охота с острогом	82
94	На птицефабрике	94
104	Судебная охота	104
107	На первой охоте с острогом	107
132	Зимой на охоте	132
138	Пашенная охота	138
142	На охоте с острогом	142
150	Первая охота на оленя	150
173	Охота на хариусов и охотничьи охоты	173
181	Медвежья охота и охотничья охота	181
180	На охоте с острогом	180
196	От Тифлиса до Баку	196

Краткое предисловіе.

ужно сказать, что мой отец родился и выросъ въ Астрахани и тамъ-же подъ руководствомъ опытнаго и страстнаго охотника началъ свои первые шаги на охотѣ, а такъ какъ дѣло это было въ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, то охоты были не далеко отъ города, дичи была масса, а охотниковъ считали единицами, а не десятками или сотнями какъ теперъ, то, само собою, что недостатка въ воспоминаніяхъ объ удачахъ и неудачахъ, а также разныхъ происшествіяхъ изъ охотничьей жизни было немало, и въ зимніе долгіе вечера отецъ не рѣдко переносилъ насъ съ холоднаго сѣвера на далекій югъ, знакомя то съ той, то съ другой охотой.

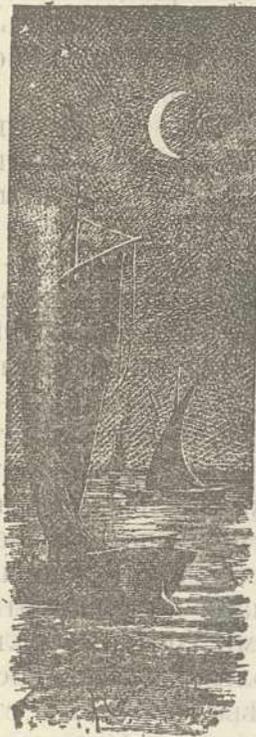
Унаслѣдовавъ отъ него благородную страсть, я положительно заслушивался этими разказами, ибо отецъ, нужно отдать справедливость, крайне образно, увлекательно умѣлъ передать каждый родъ охоты, оттъннить каждую особенность, но все-же не имѣя представленія о жизни, флорѣ и фаунѣ юга нашей родины,—нѣкоторыя особенности охотъ плохо укладываются въ понятіяхъ сѣверянина, можно сказать даже сильнѣе, прямо—недоступны его пониманію; но вотъ судьба забросила меня на югъ и лишь только охватила меня эта южная жизнь, такъ давно минувшее время чудныхъ охотъ, какъ въ волшебной панорамѣ, воскресли въ памяти бывлыя разказы и явилось непреодолимое желаніе подѣлиться ими съ товарищами по страсти, дабы знали они, что еще не такъ давно нашъ югъ изобилывалъ разнородною дичь, былъ богатъ разнообразными охотами и требовалъ отъ охотника опытности и изученія жизни звѣря и птицы; а также, къ слову, подѣлиться и своими собственными наблюденіями и впечатлѣніями по охотамъ на Уралѣ, прося при этомъ товарищей по страсти не судить слишкомъ строго мои слабыя строчки, ибо — „чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ“, а принять ихъ по пословицѣ:—„полюбите насъ черненькими, а бѣлинькими-то насъ всякій полюбитъ“.

Засимъ, выражаясь слогомъ истаго канцеляриста, если чтеніе этихъ разказовъ дастъ вамъ хоть часъ отдыха или принесетъ пользу на охотахъ, то я почту себя вознагражденнымъ, а цѣль достигнутой.

Случайный кабань.

Рассказъ Э. Я. С.

Н

еудержимо давно горю
рѣль я желаніемъ
поохотиться по круп-
ному звѣрю,—въ
серьезъ, основатель-
но, да не имѣя на-

дежнаго штуцера, не рисковалъ
поѣхать, а тутъ, какъ на зло:
Крестьянъ изо-дня въ день со-
вѣтуетъ предпринять вылазку и
дать капиталную трешку свиному
семейству, усмотрѣнному имъ на
одномъ маленькомъ островкѣ, въ
какихъ нибудь, пятнадцативерстахъ
отъ Астрахани.

Нѣсколько дней подъ рядъ моя
квартира служила сборнымъ пунк-
томъ г. г. заговорщикамъ по свин-
скому дѣлу. Вопросъ—какъ взять
кабановъ—обсуждался всесторонне
и, наконецъ, человѣкъ семь жаждущихъ сильныхъ
ощущеній положительно сплотились, назначили день
и часъ выѣзда. Штабъ квартирой осталось мое же
помѣщеніе.

Веденіе охоты, конечно, осталось за Крестьяномъ,
котораго мы въ шутку и по заслугамъ, называли
отцемъ нашихъ охотъ, за его глубокое знаніе дѣла

и умѣніе поставить его къ общему удовольствію. Въ помощь къ нему были приставлены еще трое людей охотниковъ, тоже мастеровъ своего дѣла.

Въ назначенный день все товарищи собрались у меня къ 9 часамъ утра; выѣздъ былъ предположенъ часовъ въ 10¹/₂—11 не позже. То былъ все народъ молодой, энергичный, хорошіе стрѣлки, и почти исключительно воспитанники по охотѣ того же Крестьяна. Я ѣхать не думалъ, но видъ товарищей и веселое ихъ настроеніе подкупили меня—не выдержалъ: какъ угорѣлый, бросился въ свою спальню и, не прошло пятнадцати минутъ, былъ уже готовъ.

— Буду, друзья, но непосредственного участія въ охотѣ принимать не буду, на номеръ ни съ кѣмъ не пойду, а буду благороднымъ свидѣтелемъ охоты, удачи и вашего счастья.

Трогаемся. Лодка уже ждетъ и все готово.

Утро было на славу,—тепло, чуть замѣтный ветерокъ тянулъ со взморья.—Да, южная осень поистинѣ чудное время года! Въ воздухъ и на землѣ все отдыхаетъ отъ палящихъ лучей знойнаго лѣтняго солнца;—укрѣпляющая, бодрящая сила вносится во все существо при каждомъ вдыханіи, и кажется, что легкія какъ бы малы для принятія живительнаго воздуха,—такъ бы и набрался его какъ можно больше.

Бодро въ самомъ веселомъ настроеніи вся наша компанія шагала къ берегу. Большая четырнадцати весельная косная лодка, съ удалыми гребцами калмыками, величаво чуть замѣтно, колыхалась у пристани. На высокой ея мачтѣ развѣвался флагъ съ инициалами владѣльца и тихо вздымался, лѣниво пощелкивая нѣсколько отрепавшимися концами; паруса были свернуты и подобраны, тентъ былъ обтянутъ бѣлою, какъ снѣгъ, парусиной и красиво подобранъ съ боковъ.

Съ лодки до насъ доносилась гортанная перебранка гребцовъ, что то дѣлившихъ и о чемъ то спорившихъ съ нашей прислугой; но лишь только мы

очутились на пристани—все смолкло; вышколенные гребцы браво съ нами поздоровались, взявши весла къ плечу, послѣ чего мы усѣлись и двинулись къ хатѣ Крестьяна.

Крестьянъ насъ уже поджидалъ.

Минутная остановка, и мы, при дружномъ усилии гребцовъ, не идемъ, а лѣтимъ стрѣлой, по указанному Крестьяномъ направленію, внизъ по матушкѣ Волгѣ.

Отдѣлявшее насъ разстояніе, до мѣста охоты, мы прокатили менѣе, чѣмъ въ часъ.

Островъ, на которомъ предполагалась охота, былъ очень небольшой, но съ обрывистыми крутыми берегами, мѣстами возвышавшимся сажени на полторы и болѣе. Лодка наша подошла вплотную къ самому берегу—стала на якорь, и гребцы тотчасъ же выбросили трапъ, по которому всѣ застрѣльщики, за исключеніемъ Крестьяна, меня и его помощниковъ, вышли на берегъ, напутствуемые наставленіями Крестьяна, какъ себя держать и оградить отъ случайностей, мы же должны были обогнуть островъ и сесть остальныхъ.

Не успѣли отплыть нѣсколько саженей, какъ на островѣ характерно затрещалъ подожженный камышъ, змѣйкою побѣжалъ по сухимъ его стебелькамъ огонекъ и сразу охватилъ мохнатая верхушки; столбомъ поднялась темно-сѣрая, густая масса дыма, которую подхватилъ вѣтерокъ, и лентою вытянулъ надъ нами.

Охотники принялись за очистку себѣ мѣсть, чтобы было удобнѣе при стрѣльбѣ и дальше подзорить звѣря. Этотъ пріемъ обезпокоилъ нѣсколькихъ пріютившихся по близости фазановъ; коломъ порвались красавцы, блеснули своимъ золотистымъ опереніемъ сквозь этотъ дымъ и съ крикомъ направились на другіе острова.

Мы медленно поднимались вверхъ по теченію, для того, чтобы закончить миссію и высадить Кре-

стьяна съ подвѣтренной стороны. Во время этого обхода Крестьянъ раздобрился и разсказалъ мнѣ планъ охоты, а именно: по высадкѣ на берегъ, онъ съ тремя людьми займетъ весь островъ, и всѣ они, по данному имъ сигналу, подожгутъ камышъ, сразу въ четырехъ мѣстахъ: конечно, высохшій камышъ вспыхнетъ какъ порохъ, и огненной стѣной пойдетъ на охотниковъ, вынуждая все живое уходить каждому присвоеннымъ его натурѣ способомъ; такимъ образомъ все свиное семейство и кумушки будутъ у ногъ охотниковъ! Охотники же будутъ въ безопасности, такъ какъ, пустивши контръ-пожаръ, очищая мѣсто, они тѣмъ себя обезпечили отъ огня.

Высадивши Крестьяна, я поѣхалъ обратно тѣмъ же путемъ къ линіи стрѣлковъ, пробираясь саженяхъ въ двухъ—трехъ около самаго берега и всего лишь на двухъ парахъ весель, такъ что лодка едва едва двигалась. На случай вылета фазана или выхода лисички, ружье свое я зарядилъ крупной дробью и, удобно помѣстившись подъ тентомъ,—терпѣливо ожидалъ своего счастья.

Скоро раздался зычный голосъ Крестьяна и вслѣдъ за нимъ поднялся ужасный шумъ и свистъ:—то камышъ загорѣлся стѣною. Высоко, къ безоблачному голубому небу, въ нѣсколько языковъ поднялась густая масса дыму, красиво клубясь и мѣняя цвѣта на солнцѣ; весь островъ принялъ мрачную, дымчатую окраску; вѣтромъ погнало всю эту массу дыма на охотниковъ и широкою лентой потянуло далеко за ними.

Мы не прошли еще и полъ пути, какъ по линіи стрѣлковъ раздалось два три рѣзко выдѣлившихся въ этомъ хаосѣ выстрѣла, почти слившихся;—значить, звѣрь вышелъ, смертельный огонь открытъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого, выстрѣлы послѣдовали одинъ за другимъ безъ остановки.

Радостно затрепетало сердце чужому счастью.— Кто изъ нихъ счастливчикъ? Но нѣтъ, на первыхъ

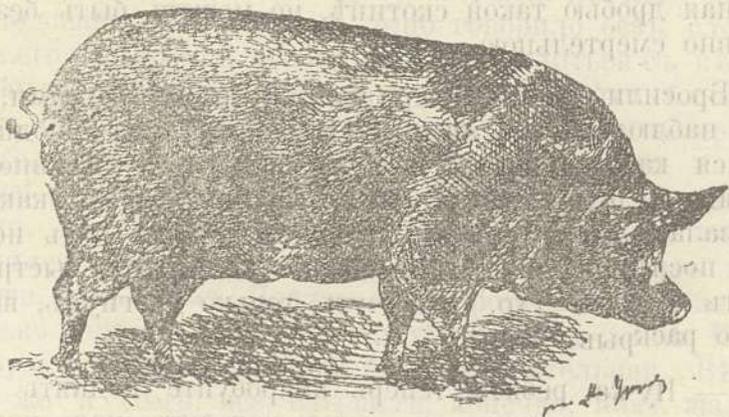
номерахъ выстрѣловъ больше!—Такъ бы и выпрыгнулъ изъ лодки да посмотрѣлъ на нихъ!

Нѣсколько фазановъ пронеслось надо мною, но о выстрѣлѣ нечего было и думать: отъ дыма, огня и шума они поднимались на недосыгаемую высоту и летѣли съ быстротою молніи и, характерно покрякивая, перемѣщались на другіе острова.

Вдугъ гребцы сразу оборвали греблю, и поднявши весла, въ нѣсколько голосовъ шопотомъ возвѣстили мнѣ.

— „Баринъ, смотри, чужка!“

Бросивъ взглядъ по тому направленію, куда показывали мнѣ гребцы, я глазамъ своимъ не вѣрилъ. По самому краю обрывистаго крутого берега, тихо труся и похрюкивая, догонялъ насъ громадный съкачъ; на его темной мордѣ красиво бѣлѣлъ серпомъ загнутый бивень, вершка полтора величиной.

Что дѣлать?—Пропустить безъ выстрѣла,—какъ то уже жаль... Стрѣлять дробью,—даже при одной мысли объ этомъ смѣшно становилось... Но раздумывать долго не пришлось: кабанъ показался надъ лодкой и, видимо, не замѣчая насъ, шелъ шагомъ, важно переступая.

Эта картина затмила все,—всякія за минуту, казалось, здравыя размышленія куда то улетучились и.... эхъ, была не была!

Взвелъ я оба курка своего добраго Мортимера, и выждавъ моментъ, когда сѣкачь переставилъ правую ногу, открывъ такимъ образомъ для выстрѣла полое мѣсто подъ лопаткой,—нажалъ оба спуска и ахнулъ съ обоихъ стволовъ....

Оглушительно раздался двойной выстрѣлъ, страшно отдавъ, но...и результатъ былъ изумительный—сѣкачь, какъ громомъ пораженный, оборвался съ кручи и грузно шлепнулся въ воду, забившись въ предсмертной агоніи, и все время нароя веко-чить, приподняться...

Калмыки гребцы круто повернули лодку и схватились за багры, желая вытащить тушу, но я имъ этого сдѣлать не позволилъ, боясь, что рана, нанесенная дробью такой скотинѣ, не можетъ быть безусловно смертельною.

Бросили якорь и придержали лодку баграми, я же наблюдалъ за агоніей. Нѣсколько разъ поднимался кабанъ, но сейчасъ же падалъ; я уже вновь зарядилъ ружье, взялъ самую крупную дробь, какая оказалась въ патронахъ и, спустя минуту пять послѣ послѣдней попытки кабана подняться, выстрѣлилъ ему въ ухо. Онъ чуть только дрогнулъ, широко раскрывъ пасть.

— Ну-ка, ребята! теперь попробуйте поднять на баграхъ, но тащить въ лодку погодите, надо хорошенько убѣдиться, умеръ-ли онъ или нѣтъ.

Одинъ моментъ—и лодка подведена такъ, что уперлась носомъ въ берегъ; четверо калмыковъ ловко зацѣпили баграми тушу и подняли надъ водой. Кабанъ былъ безъ признаковъ жизни, но еще очень сильно текла кровь изъ подъ лопатки.

Втащивъ задъ кабана на бортъ лодки, мы такъ продержали его довольно долго, давъ вытечь крови, а затѣмъ и совсѣмъ водворили на дно нашей лодки, прикрывъ тушу брезентомъ.

Пока мы были заняты и возились, оказалась, что огонь опередилъ насъ, выстрѣлы прекратились и охота должна быть окончена.

Гребцы дружно налегли на весла и, радуясь вмѣстѣ со мною случайной добычѣ, видимо жаждали поскорѣе пристать къ берегу и подѣлиться съ остальными нашимъ приключеніемъ.

Прибыли къ мѣсту первой высадки. Я вышелъ на берегъ, сказавъ гребцамъ, что если бы кто изъ охотниковъ подошелъ къ нимъ, то про кабана не говорить не слова.—„Я самъ скажу, когда будетъ нужно, а ужъ вы тогда доскажете остальное.“

Первымъ номеромъ стоялъ сынъ богатаго рыбопромышленника, Александръ Александровичъ, мой лучший другъ и товарищъ по охотамъ. Къ нему то я и подошелъ. Его сіяющее лицо говорило безъ словъ объ его настроеніи: онъ жаждалъ подѣлиться съ кѣмъ либо своей удачей, и я не успѣлъ подойти близко, какъ онъ заговорилъ:—Другъ! такой удачи я не предвидѣлъ.... Ты посмотри вотъ—разъ, два, три и четыре!... Тутъ на мѣстѣ... Каждый стоитъ одной только пули. Да еще по тремъ стрѣлялъ,—немножко погорячился,—не далъ выйти какъ слѣдуетъ изъ камыша, какъ этимъ. Должно быть промазалъ, а можетъ только задѣлъ... Побочили и ушли вдоль линіи. Кто, нибудь уложилъ. Стрѣльба была основательная... Вѣдь ты же и самъ все слышалъ, конечно. Какъ жаль, что ты не принялъ активнаго участія. А посмотри-ка это что?—Не правда-ли хороша?

Онъ показалъ при этомъ чудную лисичку, которую, какъ оказалось, онъ убилъ самымъ первымъ выстрѣломъ.

Въ это время раздался призывной рогъ Крестьяна, бившій сборъ.

— Идемъ! Только подожи минуточку. Я скажу, чтобы пришли гребцы, и взяли твой трофей и ѣхали вдоль берега до того мѣста, гдѣ мы соберемся.

Вернуться нѣсколько десятковъ шаговъ было дѣломъ минуты. Сдѣлавъ распоряженіе, мы уже вмѣстѣ двинулись на рогъ. Во время этого перехода Александръ Александровичъ передалъ мнѣ самымъ подробнымъ образомъ о каждомъ своемъ выстрѣлѣ.

Проходя линію, мы другихъ стрѣлковъ на номерахъ не нашли: все уже утянулись на рогъ.

Впереди скоро показались охотники и мужички, что были съ Крестьяномъ, сбившіеся въ кучку. Слышны были шумные разговоры, смѣхъ и надъ всеѣмъ этимъ крѣпкое слово Крестьяна, которое, къ слову сказать, нашъ отецъ часто любилъ употреблять, увѣряя, что съ нимъ рѣчь душевнѣе и куда много понятнѣе.

— Чего шумите, что случилось?—спросилъ я, приближаясь.

— Случилось то, что вотъ нѣтъ здѣсь одного кабана,—говорилъ сильно волнуясь Крестьянъ, и найти его не можемъ.—А былъ! Самъ я видѣлъ его своими глазами... Хотѣлъ даже стрѣлять, да было неловко.—Скрылся куда-то, пропалъ! А какой же здоровый!... Да нѣтъ, голубчикъ! Отъ меня ему не уйти! Коли только не сжарился, то будетъ нашъ.

— Ну, брось.... Его ты не найдешь, и своего мѣткаго штуцера по немъ не разрядишь... Онъ уже убитъ.

— Ужь не тобой-ли! досадливо усмѣхнулся Крестьянъ.—Скажи-ка лучше намъ, по комъ ты рѣшетилъ изъ обоихъ стволовъ разомъ... Нѣтъ на тебя управы! Не я ли тебя подлеца ругательски ругалъ за такіе выстрѣлы? Тебѣ что стѣнѣ. Кого рѣшетилъ-то?

— Да сѣкача твоего наповаль убилъ... А если тебѣ больше нравится слово срѣшетилъ, то значить срѣшетилъ...

— Не угодно-ли? Полюбуйтесь... Прислушайтесь... убилъ... Сръшетилъ... У тебя съ языка, какъ горохъ съ рѣшета, вранье-то сыплется... А на шутки, да на вранье надо знать и время, и мѣру... Дураковъ нашелъ, шутки шутить!... Дробью сѣкача убить... Сейчасъ и повѣрили... уже съ сердцемъ заговорилъ отецъ, все повышая и повышая голосъ.

— Постой, постой, отецъ, не горячись и не волнуйся! Не вѣрь... Зачѣмъ вѣрить на слово, тамъ, гдѣ можно видѣть... Дай лодкѣ подойти и увидишь!... А пока скажи намъ: сколько твоей скотинки ты еще не досчитываешься? А то еще со счета собьешься.

— Нѣтъ, братъ, и самъ не собьюсь, да и тебѣ меня не сбить... Шалишь... Было всего двѣнадцать штукъ; на лицо имѣется шесть поросятъ и маменька въ придачу. Нѣтъ, значитъ, четырехъ поросятъ и самого старика.

— Вѣрно. Всѣ недостающіе будутъ на лицо сейчасъ-же. Александръ Александровичъ убилъ четырехъ, а я сръшетилъ сѣкача. Вотъ кстати и лодка. Пожалуйте смотреть.

Мы всѣ двинулись къ берегу, куда причалила лодка. На лицахъ товарищей играла болѣе чѣмъ двусмысленная улыбка: моему разсказу очевидно не вѣрилъ никто, кромѣ Александра Александровича, упрекнувшаго меня, въ томъ, что я не подѣлился съ нимъ своею удачею.

Когда мы подошли къ лодкѣ, брезентъ былъ сброшенъ, и глазамъ удивленной компаніи представился во всей красѣ сѣкачъ, пудовъ на десять, и съ нимъ четыре поросенка.

— Волоки, ребята, сѣкача сюда на берегъ! раздался зычный голосъ Крестьяна.—Надо его осмотрѣть... Что за диво, чтобы такую скотину можно было свалить дробью!... Не вѣрю. Навѣрно пріятель стрѣлялъ его пулями, а насъ морочить. Вотъ—посмотримъ.

Вытащили сѣкача. Подъ непосредственнымъ наблюдениемъ Крестьяна туша была освѣжевана и только

тогда былъ вынесенъ мнѣ отраднѣйшій вердиктъ—фактъ былъ установленъ и споръ прекратился.

Рана, сдѣланная дробью почти въ упоръ и по полому убойному мѣсту, была, по мнѣнію Крестьяна, изумительна: никакая пуля того бы не сдѣлала.

Начались поздравленія и было рѣшено объявить меня королемъ сегодняшней охоты, причемъ послѣдовала принятая церемонія и было основательно выпито и закушено.

Шумя, болтая, безконечно довольные, мы только къ вечеру подумали о возвращеніи.

Намъ везло въ этотъ день положительно, ибо легкой вѣтерокъ съ утра окрѣпъ и далъ намъ возможность полюбоваться ходомъ лодки подъ парусами.

Красавица косая, оснащенная по всеѣмъ правиламъ искусства—дрогнула, чуть замѣтно накренилась, гордо выпятила бѣлоснѣжную грудь и понесла насъ къ дому. Освободившіеся и угощенные нами гребцы лихо грянули поволжскую пѣсню; широкіе, что рѣка, и вольные, что птица, тѣ звуки родные и полные гармоніи, увлекли насъ своею чарующею прелестью... Хороши и памятны такіе не только часы но и минуты, ихъ не забудешь до гробовой доски.

Солнце еще не закатилось, какъ мы бросили якорь у нашей пристани.

Охота на колпиковъ или колпицъ.

Разсказъ Э. Я. С.

е разъ доводилось читать описанія охотъ на разную дичь, но объ охотѣ на колпицъ или, какъ ихъ называютъ около Астрахани—колпиковъ, не приходилось встрѣчать въ литературѣ этого спорта. Между тѣмъ охота на нихъ въ высшей степени интересна и своеобразна.

Вотъ какъ отецъ разсказывалъ о ней:—дѣло было въ концѣ юля; жара стояла невыносимая, не знаешь, что съ собою дѣлать, куда дѣваться, и ждешь не дождешься конца докучливыхъ, однообразныхъ и въ тоже время строго опредѣленныхъ, отъ 9 до 3 часовъ, дневныхъ конторскихъ занятій.

Желанный часъ насталъ. Не идешь, а летишь въ свою уютную квартиру, гдѣ, благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ, нѣтъ того удушья и гдѣ уже чувствуешь себя безусловно свободнымъ.

Но на этотъ разъ мнѣ не пришлось порядкомъ отдохнуть: лишь только я успѣлъ окончить обѣдъ и взяться за № газеты, какъ въ комнату вошелъ слуга и пріятнымъ баритономъ отрапортовалъ, что меня спрашиваетъ какой-то баринъ изъ нѣмцевъ.

— Чего ему нужно? а впрочемъ—тащи его сюда!

Въ этотъ моментъ въ полуоткрытую дверь бокомъ вваливается знакомая и во всякое время же-

ланная мощная фигура друга, учителя и страстного охотника Крестьяна.

— Вотъ такъ сюрпризъ! дружище, какіе вѣтры занесли?... Здорово, дорогой, садись, сюда, поближе.

— Здорово-то, здорово, а сидѣть, другъ, не время. На охоту поѣдемъ? и не дождавшись отвѣта, но какъ-бы уже заручившись моимъ согласіемъ, продолжалъ: —завтра, такъ подъ вечеръ, часамъ къ 4, будь въ лодкѣ, противъ моей квартиры; захвати дробь № 4, поѣдемъ на ночь. Собаки брать съ собой ненужно. Жду, а теперь досвиданія,—тороплюсь.

— Постой! скажи, куда, за чемъ же ѣд...?

— Сказано—тороплюсь и нечего приставать, не хочешь—не ѣзди. Поклонъ и былъ таковъ.

Что подѣлаешь съ такимъ словоохотливымъ товарищемъ, онъ свой разговоръ цѣнить чуть-ли не на вѣсъ золота. Пришелъ, задралъ, взбудилъ дремавшую охотничью страсть и правъ. Ругнешь его въ догонку, но тѣмъ не менѣе навѣрно знаешь, что поѣдешь или пойдешь съ нимъ, хоть на край свѣта, ибо, что касается охоты, онъ зря слова не скажетъ и съ нимъ проведена такая масса отрадныхъ дней, что вотъ и теперь, вспоминая давно минувшее, съ особенною благодарностію шлешь ему сердечное спасибо за тѣ сладкія минуты, тѣ совѣты и уроки.

Такъ, бывало огорченный, пошагаешь изъ угла въ уголъ, перебирая, какую бы это охоту Крестьянъ выдумалъ и, конечно, ничего не рѣшивъ, начинаешь лихорадочно собираться къ завтрашнему дню, куда-то торопясь и суетясь безъ толку, усталости какъ-бы не бывало. На повѣрку оказывается, что надо купить пороху и дробь, почистить безъ того чистое ружье, ну, словомъ,

привести все въ тотъ образцовый порядокъ, которымъ отличался нашъ отецъ учитель Крестьянъ, ибо не разъ приходилось чуть не плакать на охотѣ за

свою забывчивость или неаккуратность. Крестьянъ, нѣмчура наипаккуратнѣйшій и главное суевѣрнѣе, какъ всякій почти охотникъ, а потому на охотѣ вы у него ничего не допросите, и обругаетъ онъ такъ, что въ жизнь не забудешь. Еще разъ все перебралъ и успокоившись отправился на покой, чтобы заснуть и подкрѣпитесь къ

предстоящей охотѣ.

Сонъ между тѣмъ отлетѣлъ далеко, жара томитъ хуже прежняго, вертишься съ боку на бокъ, чего только не передумаешь за эти нѣсколько часовъ и только подъ утро, измученный забываешься тѣмъ особенно—чуткимъ тревожнымъ сномъ, при которомъ малѣйшій шорохъ тебя будитъ, а вставши, тебѣ кажется, что ты лишь забылся на время, а не спалъ; та укрѣпляющая и бодрящая сила отсутствуетъ.

На другой день, къ счастью, въ конторѣ работы было немного, и я могъ уйти, когда вздумалось. Не торопясь, закурилъ, собрался и удобно помѣстившись въ легкомъ челнокѣ, ровно въ 3 часа—отчалилъ. Бѣды до квартиры Крестьяна было около часа, слѣдовательно въ условленное время я буду на мѣстѣ.

Еще издали замѣтилъ я знакомую фигуру своего друга, видимо поджидавшего меня у раскрытой двери, своей хатки.

Его могучая фигура была облечена въ охотничій костюмъ, нехватало только ружья и переметной сумы. Широкая, добродушная улыбка разлилась по его симпатичному лицу, лишь только вступилъ я на берегъ,

видно было, что моя аккуратность пришлась ему по сердцу.

— Не могъ я удержаться, чтобы не спросить его: ксажи-же на милость, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ? — На колпиковъ. Нужно немедленно ѣхать, дорога вереть 12—15, а вечеръ ужъ близко, а тамъ, что будетъ,—увидишь.

Зайти въ хату и забрать ружье и суму было дѣло минутное, и мы забравъ все, воротились къ берегу, забрались въ лодку, удобно расположились и тронулись внизъ по одному изъ рукавовъ матушки Волги. Бойко шелъ нашъ легкій челнъ по теченію, подгоняемый опытной рукой гребца калмыка и мы быстро удалились, отдѣлившись стѣною высокаго камыша, отъ шумнаго, пыльнаго и душнаго города съ его радостями и горемъ,—на привольный просторъ.

Часто намъ попадались на пути рыбаки въ своихъ лодочкахъ, сѣдившіе разставить свои снасти или уже осмотрѣть поставленныя ранѣе.

Мало по малу начали попадаться отлогія песчанья отмели, расположенныя параллельно берегу, довольно широкими полосами или же уходящія въ рѣку узкими длинными логами. Къ нѣкоторымъ изъ отмелей крестьянъ распорядился приставать, безмолвно выходилъ на берегъ, шелъ вверхъ по теченію и внизъ, производи тщательный осмотръ прибрежной полосы, возвращался, что-то бурчалъ себѣ подъ носъ и мы шлыли далѣе. На мой вопросъ, что значать эти остановки, чего онъ ищетъ,—получалъ лаконическій отвѣтъ,—такъ нужно, ничего интереснаго нѣтъ. День склонялся къ вечеру; солнце своими косыми лучами жгло ужъ не такъ невыносимо, чуть замѣтная волна притока свѣжаго воздуха со взморья обдавала насъ пріятной прохладой. Вдали чуть замѣтной

полоской, по ровному плесу, выступала значительная отмель, отъ края обрывистаго и непокрытаго камышемъ берега мы круто повернули вправо, вошли въ маленькій заливъ и скрылись въ густомъ камышѣ, еще нѣсколько сильныхъ взмаховъ веселья и наша лодка ударила носомъ объ илистый берегъ— и встала; путь нашъ на сегодня оконченъ.

Мы вышли, втащили лодку нѣсколько на берегъ и принялись за расчистку мѣста для костра и ночлега. Крестьянъ тотчасъ-же приказалъ нашему гребцу наломать камыша, совѣтуя выбирать молодяжничъ средняго размѣра. Въ самое короткое время около лодки образовалась порядочная козна этого камыша, и Крестьянъ принялся за оснастку ея. Ловко втыкая камышъ подъ второе днище лодки пускалъ его по борту то вверхъ, то надламывалъ черезъ бортъ въ воду и чрезъ какихъ нибудь полчаса, наша лодка представляла изъ себя прехорошенькій плавучій островокъ или лучше ладбу.

Окончивъ работу и осмотрѣвъ свою затѣю, Крестьянъ промолвилъ—готово! можно и чаишкомъ побаловаться.

За чаемъ, такъ послѣ пары—другой стаканчиковъ, мой угрюмый товарищъ наконецъ разговорился и сказалъ слѣдующее:—колпикъ—птица крайне осторожная, а потому на почъ выбираетъ открытое мѣсто, которое затѣмъ и становится имъ излюбленнымъ. Въ такихъ мѣстахъ надо его умѣть взять, такъ сказать, перехитрить, для чего я выдумалъ такую оснастку лодки, чтобы скрыть наше присутствіе. Мы, сидя въ лодкѣ, будемъ скрыты, ихъ же увидимъ отлично, подберемся къ нимъ, пока они еще будутъ спать, постараемся безшумно поставить лодку на якорь, на вѣрный выстрѣлъ, да и будемъ дожидаться свѣта. Стрѣлять надо будетъ

вмѣстѣ разъ по сидячимъ, второй на взлетѣ, больше едва-ли удастся, а потому не горячись, жди сигнала, который я дамъ рукой; разговаривать, курить и не думай, словомъ, тишина должна быть невозмутимая, иначе охота будетъ испорчена.

—Послѣднее въ особенности попомни.—Затѣмъ еще нѣсколько словъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ охотѣ—и мой Крестьянъ отошелъ въ объятія морфея, посовѣтовавъ и мнѣ сдѣлать тоже.

Какой тутъ сонъ, когда душа горитъ страстью, переживая часы ожиданія. Меня до глубины души возмущало нѣмецкое хладнокровіе моего товарища: могутъ-же, подумаешь, люди при всей своей страсти къ охотѣ, такъ управлять собой. Что онъ былъ охотникомъ и охотникомъ, если можно выразиться, до мозга костей, и знать охоту такъ, какъ зналъ онъ, трудно представить, это цѣлая сложная наука, изученіе жизни птицъ и звѣрей, ихъ привычекъ, особенностей и проч. т. п., просто пораженіе. Я, можетъ быть, нѣсколькими примѣрами его наблюдательности еще подѣлюсь съ вами. Теперь же скажу одно, что второго Крестьяна не только не было въ Астрахани, но, пожалуй, и во всей губерніи не нашлось-бы.

Тихо монотонно тянулась та южная темная ночь, безъ жизни и радостей дня; не мало прошло какъ-бы въ панорамѣ отраднѣхъ воспоминаній объ удачныхъ охотахъ въ сообществѣ этого угрюмаго, но добрѣйшаго товарища и учителя охоты, теперь сладко спавшаго около меня...

Вотъ гдѣ-то далеко протяжно и глухо завывала стая голодныхъ шакаловъ, имъ вторить съ воды, Богъ знаетъ, чѣмъ возбуженный выпь и эхомъ подхвачены тѣ звуки унылые, морозомъ по кожѣ пошли и больно отозвались на сердца; вновь все тихо, лишь вода

въ камышѣ поетъ своею однообразную тихую пѣсню, перебирая его стебельки,—тоскливо въ этомъ безмолвіи такъ что и сказать трудно... но часъ уже близокъ къ разсвѣту. Крестьянъ, потянувшись всѣмъ тѣломъ, руками протерши глаза,—воспрянулъ и совершенно спокойно промолвилъ:—А никакъ ужъ цора? вставай-же! этихъ словъ я только и ждалъ, а услыша въ какую-то нервную дрожь меня бросило и я точно пьяный побрелъ за нимъ къ лодкѣ.

Лишь только мы тронулись, онъ еще разъ напомнилъ вчерашній разговоръ—быть осторожнымъ. Гребца, какъ чловѣка лишняго, съ нами не было и Крестьянъ правилъ лодкою самъ, какимъ то особеннымъ образомъ, изобразивъ весломъ нѣчто въ родѣ винта—совершенно безшумнаго, но въ тоже время очень сильно подававшего лодку впередъ. Бѣхали, какъ мнѣ, показалось, болѣе полчаса, но, наконецъ, лодка встала на якорь, который былъ снушенъ до того умѣло, что я, будучи такъ близко къ Крестьяну, положительно не слышалъ ни звука, ни всплеска воды.

Утренняя заря не заставила себя долго ждать; красно-огненная полоса свѣта черкнула по горизонту неба и придала всему окружающему розовато-золотистой колоритъ, взбудивъ спавшее пернатое царство. Вотъ, близехонько, подалъ свой голосъ сторожевой колпикъ, екнуло сердце, рука инстинктивно сильнѣе сжала ложу ружья, зорко всматриваешься сквозь дымку легкаго тумана въ прибрежную отмель, до которой, между прочимъ, едва-ли было 25—30 шаговъ, такъ ловко умѣло мы подобрались къ спящей стаѣ, но ничего еще разобрать нельзя, освѣщеніе недостаточно. Снова, еще разъ, но громче, повторилъ свой окликъ сторожевой, зашевелилась стая, ожила, такъ сказать, вся прибрежная отмель, что у самой воды.

Посвѣтлѣло. Колпики граціозно поднялись на своихъ длинныхъ ногахъ, отряхнулись, защелкали своими лопатообразными клювами, оциповая перышки или перебирая прибрежную гальку; ихъ стройныя фигурки отражались въ зеркальной поверхности воды. Движеніе въ стаѣ все росло и росло; красиво перекатывались бѣлые и свѣтло-сѣрые клубочки по темной отмели, я нѣкоторое время, какъ бы замеръ очарованный невиданной доселѣ картиной и забылъ о стрѣльбѣ. Не то чувство задерживало моего товарища подать знакъ къ стрѣльбѣ, онъ, какъ оказалось, не менѣе моего зорко слѣдилъ за всеми движеніями птицы, но ожидалъ момента, когда стая достигнетъ большей скученности, и дѣйствительно какъ только стая сбилась грудно—сигналъ былъ поданъ.

Дуплетъ по сидячимъ и слѣдомъ на взлетѣ—второй, произвели въ стаѣ свое дѣйствіе; мы подобрали убитой и подраненной дичи, что-то штукъ до 20.

Цѣлыя тучи поднялись разнаго рода дичи послѣ нашихъ

выстрѣловъ и засновали надъ камышами. Охота наша за колпиками кончилась, ибо днемъ по-добраться къ нимъ уже нѣтъ возможности и если случалось убивать, то, какъ говорится, шальнаго, съ плоха налетѣвшаго.

На обратномъ пути, пробираясь камышами, мы положили не одну штуку отборныхъ молодыхъ кракушъ и нѣсколько кроншнеповъ,—такъ закончили мы эту охоту. Я, хотя страшно утомленнымъ, но тѣмъ не менѣе очень довольнымъ возвратился въ свою квартиру.

Пари или первая охота на фазановъ.

Разсказъ Э. Я. С.

спытавъ разнагорода охоты, мнѣ какъ-то все не удавалось поохотиться за фазанами; но вотъ наступило самое лучшее осеннее время и для этой охоты. Мы бесѣдуя тѣснымъ кружкомъ, рѣшили взять такую, обусловили, какъ говорится, день, часъ и мѣсто охоты, предоставивъ, какъ и всегда, руководство охотой все нашему отцу—Крестьяну.

Вдругъ Александръ Александровичъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: послушай, вѣдь ты, кажется, первый разъ выступаешь на охоту за фанзами?

— Да, отвѣтилъ ему я.

— Ну, такъ знаешь, что я тебѣ скажу;—ты первого фазана не убьешь, да мало этого—даже не выстрѣлишь по немъ.

— Это ты, другъ, чепуху несешь, возразилъ я ему, потому что на охоту вообще я иду не первый разъ, стрѣляю не хуже тебя, хотя, положимъ, отъ промаховъ не гарантированъ, какъ нашъ отецъ Крестьянъ, но чтобы не выстрѣлить—это, ужъ извини, не согласенъ, выстрѣлю.

— Что тутъ намъ спорить, охота покажетъ, подождать не долго, а чтобы тебя за такое бахвальство

наказать, давай, английская душа, подержимъ пари, хотя на одну бутылочку шипучки, которую пріятно будетъ раздавить послѣ охоты. Идетъ, что-ли?

Само собою, пари было принято и мы рѣшили, что каждый изъ спорящихъ беретъ по бутылкѣ съ собою, потому что не посылать-же съ мѣста охоты за нею проигравшему.

Въ условленный день всѣ мы, т. е. Александръ и Алексѣй Александровичи, Крестьянъ и я, прибыли къ пристани. Погода стояла чудная, день обѣщаль быть прекраснымъ, а охота удачной. Часа черезъ 2 мы пристали къ одному изъ острововъ и вскорѣ заняли линію. Меня, какъ виновника, братья поставили между собой.

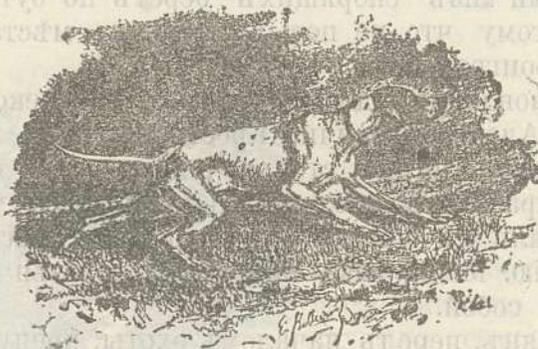
Крестьянъ, передъ началомъ охоты, предупредилъ насъ, что впередъ забѣгать изъ линій отнюдь воспрещается, просилъ насъ, чтобы мы смотрѣли за собаками и не позволяли забѣгать имъ впередъ или бросаться на сосѣдніе выстрѣлы.

Когда послѣдній изъ насъ занялъ линію, Крестьянъ далъ позывъ трогать и наша небольшая линія двинулась въ камыши.

XXVIII. ПАРИ ИЛИ ПЕРВАЯ ОХОТА НА ФАЗАНОВЪ.

Мнѣ, какъ говорится, повезло, едва едва я сотню шаговъ, какъ замѣтилъ, что собака жарко прихватила и сильно безпокоится, порываясь замереть

на стойкѣ, но всякій разъ тянущая далѣе, — ясно было, что птица близко и бѣжить.

Вы поймете, друзья, безъ особаго описанія, что творится въ это время съ охотникомъ, которому предстоитъ вотъ сей часъ, сію минуту, быть свидѣтелемъ чего-то невиданнаго еще въ свою охотничью жизнь, а потому, обходя молчаніемъ это состояніе, скажу, что я весь ушелъ въ созерцаніе моего милаго Гектора, работавшаго какъ никогда. Еще минута, другая и песикъ замеръ въ очаровательной позѣ мертвой стойки. Захолонуло ретивое, какъ-то глухо, словно изъ подъ земли, сорвалось „пилъ!“ собака двинулась впередъ и изъ подъ самой ея морды съ шумомъ и коканьемъ, коломъ взвился красавецъ золотой фазанъ.

Его опереніе, отливающее всеми цвѣтами радуги очаровало меня, я какъ вкопанный заглядѣлся на эту дивную птичку, забывъ про пари и свое упорное — выстрѣлю.

Фазанъ быстро взвился кверху, на секунду замеръ на одномъ мѣстѣ и какъ стрѣла бросился въ

сторону Александра Александровича—грохнулъ выстрѣль, красавица птичка безпомощно взмахнула крылышками и турманомъ повалилась на землю, а до меня долетѣлъ голосъ друга—„бутылка за тобой“.

Только тутъ я очнулся, такъ сказать, пришелъ въ себя и теперь, господа, я съ увѣренностію скажу и буду держать пари самъ, что кто идетъ на охоту за фазанами первый разъ, то тотъ по поднявшемуся изъ подъ собаки золотому пѣтуху навѣрно не выстрѣлитъ, а zalюбуется на него, какъ школьникъ ротозей,—это вѣрно.

Пошли дальше, скоро фазаны стали порываться то у одного, то у другого охотника, и вы-

стрѣль слѣдоваль за выстрѣломъ; настрѣлялись за нѣсколько часовъ до сыта и взяли десятка полтора этой чудной дичи.

Стрѣльба фазановъ, на первое время кажущаяся простой, на самомъ дѣлѣ требуетъ навыка, слѣдуетъ приемотрѣться и приноровиться къ полету и ловить моментъ для выстрѣла. Самый лучший моментъ нужно признать, когда птица съ подъема идетъ свѣчей къ верху и бить, не дожидаясь остановки ея въ воздухѣ, ибо уловить этотъ моментъ и можно, но слѣдуетъ помнить, что старый фазанъ дѣлаетъ ее въ то время, когда находитесь почти уже внѣ выстрѣла, или на случайный выстрѣль, что почти одно и то же, потому что ранить и потерять такую дичь обидно, послѣднее-же бываетъ часто. Убить-же фазана въ то время, когда онъ бросается стрѣлой въ сторону очень и очень трудно, даже отличному стрѣлку.

Описать характеристика Пермской губернии въ охотничьемъ отношеніи.

Достаточно взглянуть на подробную, хорошо составленную географическую карту Пермской губернии и исполнить ей притому характеристическіе по своему употребленію географіи, чѣмъ затрещала восточное сердце отъ изобилія богатствъ въ этихъ мѣстахъ. Да и то правда, едѣ, нѣтъ не въ Пермской губ., можно встрѣтить самыя разнообразныя охотничьи угодья: ропотинное рѣчное лѣса, то хвойное, то лиственничное, между ними не мало также, гдѣ еще человѣческой еще не бывали; чуждыя долины рѣкъ и рѣзекъ такъ и издаютъ слышныя бархатистой зеленыя и въ этой землѣ, въ потныхъ мѣстечкахъ, такъ и кажется на нихъ смотреть невидящею глазо действительности. А громады озеръ, что необъятныи зеркалами самыхъ причудливыхъ очертаній, съ островами и камышами, растущими въ глухихъ дремучихъ лѣсахъ или въ альпійскихъ горахъ, или же вблизи хлѣбныхъ полей—съ чѣмъ граничить чухъ? Да и горы эти, то покрыты сплошь лѣсомъ, то вѣчная голыя, съ обрывчатой уступами, доступная лѣсъ быстротой лѣтъ,—да лихорадочную бурю, какъ составляетъ необычайную красу. Гдѣ есть еще такое разнообразіе, такъ роскоши?

Или эти угодья не обременя еще и поднесъ ветромъ, цуной и рыбой, самыми разнообразными видами, какъ выдромъ, лосемъ, олкомъ, соболемъ, медвѣдемъ, рысью, волкомъ, лисицей, стуромъ, соболемъ, бѣлой, тучастикой, зайцемъ и многими другими; птицъ вѣстныи—глухаремъ, тетеревомъ, рябиномъ, переплатной стрѣлой и бѣ-

Помня съ стару, мы съ приставленомъ, распели
програду мномъ буславику шинуемъ, до, ласки,
со удачною полк, притвятии и втвдети и ула, мольно
вечеромъ возвратились по Доманъ.

Опытъ характеристики Пермской губерніи въ охотничьемъ отношеніи.

Достаточно взглянуть на подробную, хорошо составленную географическую карту Пермской губерніи и вспомнить ея краткую характеристику по сжатому учебнику географіи, чтобы затрепетало охотничье сердце отъ желанія побывать въ этихъ мѣстахъ. Да и то правда, гдѣ, какъ не въ Пермской губ., можно встрѣтить самыя разнообразныя охотничьи угодыя: роскошныя вѣсковыя лѣса, то хвойныя, то лиственничныя, между коими не мало такихъ, гдѣ нога человѣческая еще не бывала; чудныя долины рѣкъ и рѣчекъ такъ и ласкаютъ глазъ своею бархатистою зеленою, а изъ этой зелени, изъ потныхъ мѣстечекъ, такъ и кажется на васъ смотрятъ бойкіе глаза долгоносиковъ... А громадныя озера, что необъятными зеркалами самыхъ прихотливыхъ очертаній, съ островами и камышами, раскинулись въ глухихъ дремучихъ лѣсахъ или на высокихъ горахъ, или-же вблизи хлѣбныхъ полей—съ чѣмъ сравнишь ихъ! Да и горы эти, то покрыты сплошь лѣсами, то мрачныя голыя, съ обрывистыми уступами, доступными лишь быстроногой козѣ,—да легкрылому беркуту, сами составляютъ необычайную красу. Гдѣ есть еще такое разнообразіе, такая роскошь?!

Всѣ эти угодыя не обижены еще и поднесъ звѣремъ, птицей и рыбой, самыхъ разнообразныхъ видовъ, какъ напримѣръ, лосемъ оленемъ, козломъ, медвѣдемъ, рысью, волкомъ, лисицей, куницей, сободемъ, бѣлкой, горностаемъ, зайцемъ и многими другими; птицей мѣстной—глухаремъ, тетеревомъ, рябчикомъ, куропаткой сѣрой и бѣ-

лой; перелетной—вальдшнепомъ, дупелемъ, гаршнепомъ, бекасомъ, массой другихъ породъ куликовъ, уткой разнообразныхъ видовъ, гагарь, чаеть, гусемъ, журавлемъ и пр. и т. п., всё онѣ здѣсь не только какъ временные гсти, но останавливаются для вывода потомства.

Озера и рѣки своимъ разнообразіемъ и обиліемъ рыбы мало чѣмъ отличаются отъ лѣсовъ: въ нихъ попадаются нельма, бѣлорыбица, стерлядь, таймень или красуля, харіузь, голавль, язъ, подъязокъ, окунь, чебакъ, ершь, щука, карась, щекля, пескарь, гальянъ и много другихъ.

Этотъ краткій, сравнительно, перечень, полагаю, не мало скажетъ истинному охотнику. Въ Пермской губерніи есть надъ чѣмъ поработать и есть гдѣ разгуляться, ибо какъ оружейная охота, такъ и рыбная ловля крайне разнообразны и, въ силу особыхъ мѣстныхъ условій, подчасъ своеобразны, а потому волей или неволей приходится изучать, наблюдать, приспособляться къ нимъ и въ тоже время отдыхать душой, упиваясь истинной охотой.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію моихъ охотъ и подѣлиться бѣдными наблюденіями, я скажу нѣсколько словъ мало относящихся собственно къ охотѣ, но, по моему мнѣнію, необходимыхъ, дабы не повторялись впоследствии: это, такъ сказать, маленькая общая характеристика Пермской губ., и ея мѣстоположенія. Для чего придется вспомнить старое когда-то здорово зубренное по исторіи. Средняя часть Уральскаго горнаго хребта, съ его высшею сѣвornoю точкою—горою Печерь-Ятоляхъ-Чатль и южною—Уроташъ раздѣляетъ на двѣ не равныя части одну изъ обширнѣйшихъ губерній Европейской Россіи—Пермскую, граничащую съ сѣвера и сѣвера-запада съ губерніею Вологодскою, съ запада—Вятскою, съ сѣвера и сѣвера-востока—Тобольскою и съ юга—Уфимскою и Оренбургскою.

Такимъ образомъ, Пермская губ. расположена по западному и восточному склонамъ Урала и одной частью лежитъ въ Европѣ, а другою въ Азіи.

По климату она причисляется къ умѣренно-холодной полосѣ, а потому ее можно будетъ раздѣлить на сѣверную и южную, отнеся съ 55° по 59° с. ш. къ умѣренной, а съ 59° по 62° къ холодной полосѣ, ибо уже въ сѣверномъ районѣ Верхотурскаго округа, къ Богословскимъ и Туринскимъ горнымъ заводамъ замѣтна разница въ климатѣ, отъ района Тагильскаго заводскаго округа, не говоря объ Екатеринбургскомъ уѣздѣ или мѣстностяхъ, лежащихъ южнѣе. Въ общемъ—зима ранняя, суровая, съ глубочайшими снѣгами; лѣто короткое, иногда очень жаркое, съ рѣзкими переменами; мѣстная флора бѣдна и однообразна—исключительно хвойные лѣса, расположенные по мшистымъ и болотнымъ долинамъ и только кое-гдѣ по уваламъ стоятъ одиноко пирамидальныя лиственницы да низкорослые приземистые кедръ; но чуть еще сѣвернѣе—и эти послѣдніе лѣса смѣняются сплошнымъ угрюмымъ чернопольсьемъ, переходящимъ въ низкорослый болотный карандашникъ, сквозь который то тутъ, то тамъ видны каменные голыя громады, прорѣзанныя крутыми болотистыми рвами съ торфяными днами. Въ нѣдрахъ торфяныхъ болотъ нерѣдко находятъ кости допотопныхъ животныхъ—мамонта и большаго сѣвернаго оленя, а также окаменѣлыя пни громадныхъ деревьевъ. Лиственничный лѣсъ: береза, липа и др. попадаютъ лишь въ южной части, какъ исключеніе, сплошныхъ зарослей нѣтъ.

Въ Верхотурскомъ округѣ, Екатеринбургскомъ уѣздѣ около Богословскихъ заводовъ немало ископаемыхъ богатствъ, какъ-то: золотыхъ росыпей, кварцевыхъ жилъ, желѣзной и мѣдной руды, посяѣдняя по богатству—единственная въ Россіи, а также платина.

Тщательнаго геологическаго изслѣдованія сѣверный Уралъ еще ждетъ и что можетъ подарить новаго—рѣшить, конечно, трудно, а что дастъ—то почти вѣ сомнѣнія. Взять хотя-бы для примѣра пронесшійся слухъ, что въ верховьяхъ Печеры найдены громадныя залежи нефти. Если слухъ этотъ подтвердится и на дикомъ сѣверѣ забьютъ такіе-же фонтаны, какіе бьютъ въ Гроз-

номъ, Терской области, или Кудакъ-Кубанской, то какой переворотъ вызоветъ это въ нефтяномъ дѣлѣ, и какое получится подспорье горнозаводскому дѣлу, уже начинающему бѣднѣть однимъ изъ главныхъ продуктовъ,—топливомъ, сколько можетъ быть сохранено лѣсовъ, благодаря этому новому горючему матеріалу—сказать опредѣленно трудно, но во всякомъ случаѣ не мало, ибо теперь уже есть попытки къ замѣнѣ древеснаго топлива торфомъ, но безъ удобренія такое примѣняется плохо; имѣя-же такое удобреніе, какъ нефть,—пропитанный ею торфъ получить громаднѣйшій перевѣсъ надъ другими родами топлива, не исключая и каменнаго угля, который на практикѣ при употребленіи хотя-бы въ тѣхъ-же паровыхъ котлахъ, имѣетъ массу неудобствъ, потому что Уральскій уголь содержитъ значительный $\%$ сѣры, вредно вліяющей на стѣнки котловъ.

Средній Уралъ или, какъ его называютъ еще, рудноносный, не такъ давно еще обогатился новымъ ископаемымъ—алмазомъ, который на первое время отмѣченъ, какъ спутникъ другихъ драгоценныхъ камней, ибо слишкомъ мелокъ; тѣмъ не менѣе, это дало толчекъ впередъ, и изысканія мѣсторожденій алмазовъ начались уже частными предпринимателями, да, вѣроятно, и горное вѣдомство не оставитъ своимъ вниманіемъ это вновь нарождающееся дѣло, ибо имѣющіяся до сего времени геологическія изысканія средняго Урала слишкомъ бѣдны или односторонне направлены, а потому, казалось-бы, что громадный интересъ къ полному ознакомленію съ нѣдрами земли долженъ разбудить Уральскихъ горнопромышленниковъ отъ спячки и не дать возможности ворваться въ ихъ, имъ по праву принадлежащую сферу, иностранному капиталу и предприимчивости, а затѣмъ охатъ да вздыхать.

Немалымъ, конечно, препятствіемъ къ прогрессу всего горнозаводскаго дѣла и изысканій богатствъ Урала служитъ отсутствіе самихъ владѣльцевъ этого дѣла и спеціально образованныхъ руководителей—горныхъ инженеровъ. Петербургъ слишкомъ далекъ для выпуска потреб-

ныхъ научныхъ силъ для быстро за послѣднее время растущей горнопромышленности Россіи вообще.

На моей памяти десятки заводскихъ управляющихъ составляли люди изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, окончившихъ свое образованіе въ уѣздномъ, заводскомъ и ужъ очень много—въ Уральскомъ горномъ училищѣ, да и въ данное время не мало еще отвѣтственныхъ постовъ заводской службы остается за ними, и только въ послѣднее время выбывающіе самородки (такъ называютъ здѣсь вышеупомянутыхъ управляющихъ и проч.) замѣняются лицами со спеціальнымъ образованіемъ.

Народонаселеніе губерніи состоитъ изъ самаго разнообразнаго пришлаго люда Европейской Россіи да немало и иностранцевъ, преимущественно-же англичанъ, привлеченныхъ на Уралъ открытіемъ и организаціей горнаго и механическаго дѣла. Старожилами-же должны считаться Пермьки, вогулы, чуваша, мордва, зыряне, башкиры и нѣкоторые другіе сравнительно малочисленные и живущіе самостоятельно лишь въ сѣверной части губерніи, въ остальной—смѣшавшіеся съ пришлымъ людомъ.

Густотою населенія отличается южная часть губерніи и въ особенности юго-восточной склонъ Урала, гдѣ сосредоточилась кипучая дѣятельность такихъ заводскихъ округовъ, какъ Нижне-Тагильскій, Верхне-Исетскій, Алапаевскій, Невьянскій, Кыштымскій, Сысертскій, Сергинскій и др., и города: Екатеринбургъ, Шадринскъ и Долматовъ, послѣдніе два съ ярмарками—Крестовско-Ивановской (30 верстъ отъ Шадринска) и Долматовской.—Кромѣ того нельзя обойти молчаніемъ еще одну ярмарку—Ирбитскую, которая служитъ единственнѣйшимъ крупнымъ рынкомъ для обмѣна товаровъ Европейской Россіи на пушнину, да въ ней же производится самая крупная продажа чаевъ, слѣдующихъ изъ Кяхты грунтовыми до-рогами.

Не такъ давно Ирбитская ярмарка давала стомилліонные обороты, но съ проведеніемъ Великаго Сибирскаго пути и безпрепятственнаго обмѣна товарами Сибири

и Россіи значеніе рынка годъ отъ года падаетъ и можетъ быть въ самомъ непродолжительномъ времени ярмарка прекратится совсѣмъ или же превратится въ тотъ-же торжекъ, съ какого сто лѣтъ начала жить.

Экономическій строй жизни губерніи, не смотря на сильно развивающуюся капиталистическую промышленность, не можетъ быть названъ царствомъ исключительно капитала, ибо рядомъ съ крупной производительностію уживается кустарный промыселъ, мелкая фабричная дѣятельность, съ массою специальностей; не мало населенія занято также хлѣбопашествомъ, табаководствомъ, скотоводствомъ и охотою, какъ рыбною, такъ и за звѣремъ и птицею.

Подъемъ заводской промышленности особенно рѣзко выдѣлился было въ 60 и 70 годахъ, затѣмъ какъ-бы замеръ на одной точкѣ и только по прошествіи десятка годовъ вновь замѣтно стремленіе къ подъему, что совпало съ постройкою и открытіемъ Уральской-Горнозаводской желѣзной дороги и продолженіемъ ея до Тюмени, открывшимъ болѣе свободный доступъ производствамъ горнозаводской промышленности на рынки Сибири чрезъ первый водный путь по Турѣ. Въ настоящее время, къ этимъ путямъ прибавилась еще желѣзнодорожная вѣтвь отъ Екатеринбурга—до Челябинска, связавшая Уральскую желѣзную дорогу съ Великимъ Сибирскимъ путемъ и всей внутренней сѣтью желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи при посредствѣ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, обративъ такимъ образомъ Екатеринбургъ—этотъ центръ всей горнозаводской дѣятельности—въ желѣзнодорожный узелъ.

Въ промежутокъ времени подъема всего горнозаводскаго дѣла, сильно пошатнулось лѣсное хозяйство. Порѣдѣли чудные лѣса, миллионы деревъ пали, давъ свободу полотну желѣзной дороги, не мало пошло ихъ на постройку той-же дороги, да сильно возросло требованіе на лѣсной строительный матеріалъ въ городахъ и заводахъ, ожившихъ подъ благотворнымъ вліяніемъ народившагося пути. Масса новыхъ домовъ, разныхъ фа-

брикъ, вальцовыхъ многоэтажныхъ мельницъ и проч. т. п. сооруженій, какъ грибы послѣ дождя, выросли въ Екатеринбургѣ, Тагилѣ, Чусовой, Перми и др., да не въ обиду будетъ сказано, что и заводоуправлющіе неосторожною эксплоатаціею лѣсовъ—этого важнаго продукта для фабричнаго производства, въ виду подъема цѣнности рабочихъ рукъ, съ одной стороны, и съ другой—въ погонѣ за удешевленіемъ чугуна и выходовъ изъ него, погубили лѣса не мало, выхватывая все то, что было ближе къ заводамъ, чѣмъ подготовили себѣ немалый ударъ въ близкомъ будущемъ самому дѣлу, да, пожалуй, наживуть не мало хлопотъ при выдѣлѣ крестьянъ, которые, къ слову сказать, до сего времени не надѣлены ни пахотными землями, не лѣсными участками.

За примѣромъ, по первому случаю, ходить далеко не надо: нѣкоторые заводы уже теперь нуждаются въ топливѣ и строевомъ лѣсѣ, которые и пополняются путемъ прирѣзокъ и обмѣновъ изъ другихъ заводскихъ площадей или казенныхъ дачъ, получая иногда необходимое за 70—100 верстъ отъ мѣста заводскаго производства. Можно безъ преувеличенія сказать, что многіе заводы наканунѣ пріобрѣтенія лѣсовъ съ далекаго сѣвера.

Для вывоза этихъ матеріаловъ, само собою, является необходимость имѣть вполне провозоспособные пути, коими, не въ укоръ будь сказано, Уралъ далеко похвалиться не можетъ, а потому такой начинъ, какой сдѣлало управленіе Нижнетагильскихъ заводовъ по постройкѣ собственной желѣзной дороги между своими заводами общедоступнаго типа ширококолейной, который нельзя не привѣтствовать, какъ примѣръ, достойный подражанія, въ огражденіи себя отъ будущихъ невзгодъ.

Казалось-бы, чѣмъ скорѣе заводчики сплотятся и примкнутъ къ почину Нижнетагильскихъ заводовъ, тѣмъ ближе будутъ къ цѣли, и, можетъ быть, даже теперь-же найдутъ возможность воспользоваться выгодами, добывая лѣсной матеріалъ съ далекаго сѣвера и мѣщая его съ

близнезаводскимъ, укрѣпить надолго среднія нормальныя цѣны на матеріалъ первой важности при горнозаводскомъ дѣлѣ, а тѣмъ временемъ поднимется молодой лѣсъ, могутъ быть обмѣнены громадныя пустоши и пр., словомъ—поправится ошибка прошлаго, благо ее еще возможно поправить...

Виновать, каюсь, далеко уклонился отъ цѣли моей замѣтки, а причина тому одна: любовь къ роднымъ излюбленнымъ мѣстамъ... Какъ вспомнишь, что было 25—30 лѣтъ тому назадъ и что стало теперь, такъ и защемишь невольное сердце и хочется говорить и говорить...

Итакъ, лѣсное хозяйство сильно пошатнулось, а съ нимъ тѣсно связано и наше охотничье. Былыя, незабвенныя охотничьи угодыя во многихъ мѣстахъ изсякли, какъ оголенные лѣсные ключи, настоящая привольная охота исчезнетъ, останется лишь охота промысловая на дальнемъ сѣверѣ.

О послѣдней охотѣ, какъ мало мнѣ знакомой, а тѣмъ паче и не особенно интересной для охотника, я говорить не буду, что же касается охоты въ среднемъ Уралѣ, то, не смотря на упадокъ, она и до днесь еще порядочно и Пермская губернія, по отношенію многихъ губерній Европейской Россіи, все еще можетъ считаться охотничьимъ Эльдorado, съ которымъ развѣ могутъ поспорить Кавказъ да глухая Сибирь съ ея Алтаемъ и другими далекими угодыями; о нихъ я скажу ниже, отмѣтя охоты мои или хорошо мнѣ знакомыхъ.

Мои охоты и связанныя съ ними наблюденія относятся къ Среднему Уралу и Зауралю въ уѣздахъ Верхотурскомъ, Пермскомъ, Екатеринбургскомъ и частью въ Камышловскомъ, въ предѣлахъ мѣстности, соприкасающейся съ бывшею линіей Екатеринбургско-Тюменской ж. д. и за границею Пермской губерній—въ Тюменскомъ и Ялуторовскомъ округахъ.

Въ этомъ районѣ встрѣчается дичь, какъ мѣстная, такъ и пролетная, почти всѣхъ перечисленныхъ выше видовъ, а также и звѣрь, кромѣ развѣ мелкаго пушнаго

соболя да куницы, которые встрѣчаются лишь какъ исключеніе.

О жизни мѣстной осѣдлой дичи и звѣря, ихъ видахъ, характерѣ и пр., разъ они не являютъ какихъ-либо особенностей, присущихъ каждому изъ нихъ, я, въ виду капитальнаго труда профессора Мензбира, повторяюсь не рискую, ибо каждому изъ насъ, охотниковъ, они должны быть знакомы, а потому удѣлю нѣсколько словъ началу токовъ, выводу птенцовъ и отмѣчу прилетъ и отлетъ дорогихъ лѣтнихъ гостей.

Первые и самые ранніе глашатаи весны—рябчики, ибо уже съ первой половины февраля они отзываются на пищикъ, а во второй отлично идутъ на него; затѣмъ начинаютъ вылетать на токовища косачи, а съ первыхъ чиселъ марта начинается щелкать глухарь; послѣдній нрѣдко играетъ на столько хорошо, что по насту на лыжахъ, 8—9 числа, можно уже производить на него охоту. Бѣлая куропатка начинаетъ свой токъ одновременно съ глухаремъ; касачъ-же разыгрывается, самое раннее, въ концѣ марта, а по большей части въ первой половинѣ апрѣля; такимъ образомъ, средній срокъ токовъ будетъ для глухаря не позже 15 марта, а для тетерева—10 апрѣля.

Продолжительность токовъ всецѣло находится въ зависимости отъ весны, а потому конецъ можетъ быть опредѣленъ такъ: глухарь—послѣднія числа апрѣля, и рѣдко одиночные глухари токують до Николина дня; тетерева—конецъ мая, хотя попадаются ярые одиночки, токующіе и въ первыхъ числахъ іюня; куропатки заканчиваютъ вмѣстѣ съ глухаремъ, рябчикъ перестаетъ идти на пищикъ въ половинѣ мая, хотя отзывается на пищикъ до конца мѣсяца; при этомъ нельзя не отмѣтить благотворнаго дѣйствія закона объ охотѣ, на манку этой чудной дичи; теперь преумноженіе ея замѣтно; рябчикъ появился тамъ, гдѣ о немъ не было слышно уже десятки лѣтъ. Такіе результаты неволью наводятъ на мысль, отчего-бы не запретить весеннюю охоту повсемѣстно и на всякую дичь разъ на всегда и, если уже

нельзя, то хотя-бы время отъ времени и на извѣстное число подвергать такому запрещенію извѣстную мѣстность, дабы давать возможность размножаться дичи безъ помѣхи. Ужасающая повсемѣстная убыль дичи, казалось-бы, достаточно убѣдительно говоритъ, что весенняя охота очевидное зло. Причемъ, конечно, слово „весной“ должно-быть понимаемо не примѣнительно къ существующимъ календарямъ, а фактически отвѣчающимъ климатическимъ условіямъ мѣстности даннаго періода, ибо весна на югѣ Россіи и въ Закавказьи начинается въ февралѣ, тогда какъ вся средняя и сѣверная часть нашего обширнаго отечества спитъ еще мертвымъ сномъ подъ хладнымъ саваномъ зимы. Если такого ограниченія не будетъ, то южане очутятся въ наипривилегированнѣйшемъ положеніи и, встрѣчая дичь въ пути, дадутъ ей такую трепку и настолько поубавятъ, что сѣверяне не нанесутъ ей такого урона въ теченіи даже всего года.

Нужно видѣть, что дѣлается въ Закавказьѣ. въ особености по берегамъ Каспія, Чернаго моря, по долинамъ большихъ рѣкъ и въ Муганской степи во время валоваго хода птицы на сѣверъ—это что-то невѣроятное и словамъ повѣрить трудно.

Прилетные весенніе гости къ намъ идутъ въ такомъ порядкѣ,—(первое число—самый ранній прилетъ, второе—поздній) съ 25 марта по 8 апрѣля—утки чернеть и нырковыя, вальдшнепъ, чибисъ, журавль и гуси, съ 3 по 12 апрѣля—бекасъ, а съ 20 апрѣля по 5 мая—дупель, кряковыя утки и чирки, съ 8 по 21—гаршнепъ (на гнѣздованіе не останавливается); въ это время-же идутъ разныхъ видовъ кулики. Въ общемъ, сборъ прилетныхъ птицъ (дичи) можетъ быть опредѣленъ такъ: самый ранній—съ конца марта, полный—въ половинѣ мая.

Тяга вальдшнеповъ начинается самое раннее 30 марта и не позже 15 апрѣля, дупелинныя тока, самое раннее,—20 апрѣля, позднее 10 мая; бекасъ токуетъ черезъ нѣсколько дней послѣ открытія тяги и заканчи-

ваетъ токь нерѣдко въ концѣ іюня; въ тотъ-же срокъ, какъ и тяга.

Слѣдуетъ оговориться, что все вышесказанное нѣсколько измѣняется и идетъ съ опозданіемъ на 10—15 дней, когда приходится охотиться въ горахъ, т. е. дачахъ Верхъ-Нейвинскихъ, Нижнетагильскихъ, Алапаевскихъ и Невьянскихъ заводовъ.

Гнѣздованіе и выводъ птенцевъ, какъ мѣстной, такъ и прилетной дичи, совпадаетъ по времени, а потому могутъ быть опредѣлены такъ: тетерева, глухари, куропатки, рябчики, а вальдшнепы—ранѣе во второй половинѣ Мая, позднѣе въ началѣ Іюня, причемъ послѣднія выводятъ птенцевъ дважды; дупель и бекасъ во второй половинѣ Іюня и началѣ Іюля; утки всѣхъ породъ, кромѣ крикушъ, къ Петрову дню или въ первой половинѣ іюня, крикуши-же въ концѣ Іюля и очень рѣдко раньше. Причемъ дѣло не обходится безъ исключеній. Въ виду разныхъ неожиданныхъ варіантовъ весны, выводъ запаздываетъ на цѣлыя недѣли, и случается встрѣчать въ половинѣ Іюля глухарей и тетеревей чуть-ли не съ воробья и скворца величиной.

Въ силу этого лучшей порой для лѣтнихъ охотъ нужно считать 15 Іюля, хотя и то вѣрно, что въ Петровъ день можно взять прекрасное поле по глухарямъ, которые въ это время бываютъ хороши, но вести охоту приходится крайне осторожно, и человѣку плохо владѣющему собой, лучше не ходить, ибо соблазну много: изъ выводка первую поднимается старка, нерѣдко отводя собаку отъ выводка, и горячій охотникъ можетъ не воздержаться отъ выстрѣла, и тѣмъ погубить семью глухарей или тетеревей, иногда въ 10—12 штукъ, едва-едва оперившихся.

Дупель и бекасъ до 15 Іюля держится исключительно въ крѣпяхъ и только съ этого времени перебираются на излюбленныя мѣста. Охота по дупелямъ очень хороша и добычлива; дупелиныхъ угодій много.

Отлетъ мѣстныхъ гостей начинается съ Августа. Первыми уходятъ дупеля около 15 Августа и не позже 1-хъ

чиселъ Сентября; послѣ 5 числа можно встрѣтить лишь одиночекъ; самыя лучшія высыпки въ 20-хъ числахъ Августа до конца мѣсяца.

Высыпки дупелей попадаютъ не на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и всецѣло находятся въ зависимости отъ сухости и сырости лѣта и самаго времени пролета; на примѣръ, въ дождливое лѣто дупель минуетъ болото и низины, а идетъ покосными, по уваламъ мѣстамъ; не рѣдкость найти его даже въ горахъ по мелкому березнику; въ сухое лѣто онъ держится кромкѣ бекасиныхъ болотъ, сырыхъ кочковатыхъ покосовъ и по волглымъ берегамъ озеръ и прудовъ.

За нимъ идетъ вальдшнепъ, начиная попадаться высыпками уже съ первыхъ чиселъ сентября, и окончательно покидаетъ насъ въ послѣднихъ числахъ того-же мѣсяца; случалось встрѣчать одиночекъ въ первой половинѣ Октября, но это какъ исключеніе. Лучшей охотой на высыпкахъ слѣдуетъ считать съ 5 сентября по конецъ отлета, причемъ мѣста остановокъ, такъ же какъ и дупеля, мѣняются въ зависимости и исключительно отъ осени; такъ, на примѣръ, осень сухая—вальдшнепъ будетъ около болотистыхъ лужковъ и покосовъ, по кромкѣ лѣса, по ивовымъ кустамъ рѣчекъ и ключей; сырая осень—ищите его по уваламъ въ верховникахъ или мелкомъ соснякѣ, по куренямъ, около вспаханныхъ полей и даже по пустошамъ.

Гаршнепъ показывается одновременно съ дупелемъ и, какъ замѣчено, идетъ вмѣстѣ съ другими породами куликовъ; держится исключительно по берегамъ прудовъ и озеръ, въ кочковатыхъ сырыхъ болотинахъ; гаршнепъ у насъ только пролетный, а потому спеціальной охоты на него нѣтъ; его случается взять одновременно съ какимъ либо другимъ изъ его спутниковъ.

За этой красной дичью или, лучше сказать, съ нею вмѣстѣ идутъ кряковые утки; тѣ держатся открытыхъ прудовъ и озеръ и крайне сторожки; охоты, кромѣ какъ на перелетахъ, вечерней и утренней зорями, нѣтъ, да и

та крайнѣ недобычлива, потому что первые два—три выстрѣла на излюбленныхъ кормовыхъ мѣстахъ поднимутъ все пернатое населеніе и утки, не взирая на вечеръ, перелетятъ на чистины или измѣнятъ летъ. Затѣмъ начинаютъ табуниться остальные породы утокъ и громадными стаями вылетаютъ на корма по зорямъ; для любителей утиной охоты наступаетъ обильная жатва, ибо мѣста вылетовъ опредѣлить легко—они безизмѣнны и у каждаго изъ охотниковъ на перечетѣ; это поймы, поросшія мелкимъ камышемъ, водяной лиліей и водяной „кашкой“ (тоже родъ лиліи, но лишъ съ мелкимъ розовымъ цвѣтомъ) излюбленнымъ утинымъ блюдомъ. Охота въ хорошіе лунные вечера бываетъ очень добычлива, хотя, съ другой стороны, не особенно симпатична, ибо на десятокъ взятыхъ нужно считать столько же подранковъ, кои упадутъ и достанутся хищнику или пропадутъ гдѣ либо, зарывшись въ траву или кочки зря. Утки, пополняясь прилетными съ сѣвера, иногда задерживаются до заморозковъ и только чирки и шилохвостыя уходятъ къ концу сентября. Были примѣры, что нырки оставались на зиму, держась быстрыхъ рѣчекъ или болотъ и около мельничныхъ заводскихъ шлюзовъ.

Съ послѣдними утками трогаются и гусь гуменникъ и казара; начало лета—конецъ первой половины Сентября, конецъ—перваго числа Октября, причемъ путь ихъ лежитъ по восточному склону Урала, изобилующему большими озерами и пахотными полями, удаленными отъ жилья, что въ виду особой осторожности птицы, и понятно. Охота на нихъ во время пролета хороша только на перелетахъ съ воды на корма и обратно, но тѣмъ не менѣе крайне недобычлива. Какъ исключеніе, удобнымъ временемъ для охоты можетъ быть ненастная погода, дождь, вѣтеръ и еще лучше изморозь и туманы; тогда, дѣйствительно, птица подпускаетъ съ подъѣзда, какъ на лошади по полямъ, такъ и въ лодкѣ на водѣ, и при извѣстной жадности къ дичи можетъ быть удачна, но будетъ ли такая охота достойна истиннаго охотника,—оставляю вопросъ открытымъ.

Одновременно съ гусемъ идетъ громадными стаями и журавль, но пути восточнаго склона не придерживается, летя прямо на югъ; остановки на корма менѣе продолжительны, чѣмъ гуся, и кромѣ хлѣбныхъ полей, бывають на открытыхъ болотахъ. Охоты на журавлей нѣтъ, ибо, за обиліемъ всякой дичи, журавль дичью не признается, не смотря на то, что мясо молодыхъ журавлей очень вкусно и мало чѣмъ отличается нѣжностію отъ того-же гуся или глухаря.

Послѣднимъ изъ болотной дичи покидаетъ наши мѣста бекасъ, котораго можно встрѣтить даже во второй половинѣ октября, если осень безъ сильныхъ заморозковъ, и только сильный заморозокъ, лишающій возможности достать пропитаніе въ излюбленныхъ ржавыхъ болотинахъ, вынуждаетъ его покинуть наши палестины.

Вся отлетающая дичь, кромѣ бекаса, сильно жирѣетъ и на подъемъ становится тяжела, а потому и охота за ней болѣе добычлива. Мнѣ кажется, что каждый изъ товарищей по страсти согласится со мной, что осеннія охоты по отлетающей птицѣ есть лучшее время охоты во всѣхъ отношеніяхъ, и только охоты по выводкамъ за глухаремъ и тетеревомъ, когда они въ полной порѣ, могутъ быть сопоставлены съ ними.

Осенняя пора отражается и на мѣстной дичи: съ конца августа начинаютъ собираться въ табуны тетерева и дѣлать довольно правильные вылеты на корма, становясь крайнѣ сторожками; нѣсколько позже, въ первой половинѣ сентября, тоже замѣчается у бѣлыхъ и сѣрыхъ куропатокъ, а еще позже, съ конца сентября и глухари вылетаютъ на листовянки, начиная вести жизнь болѣе табунную, хотя, конечно, ихъ никогда нельзя встрѣтить такими партіями, какъ тетеревей или куропатокъ, но все-же десять и болѣе глухарей—табуны не рѣдкіе.

Съ этого-же времени начинается идти на пиццикъ рябчикъ, а около Покрова ихъ бьютъ на манокъ не мало, затѣмъ уже въ половинѣ октября онъ только откли-

кается на зовъ, но не летить; приходится его отыскивать, что очень и очень трудно.

Съ момента сбора мѣстной дичи въ табуны, охотѣ съ лягавой собакой—конецъ; ей на смѣну выступаетъ лайка и особыя своеобразныя охоты, какъ-то: на тетеревей съ чучелами на вылетахъ или съ загономъ, иногда съ подѣзда, а на глухарей на листовнякахъ съ лайкой или скрадомъ и подходомъ; на рябчиковъ съ пищикомъ и на всякаго рода дичь съ загонщиками; охоты—облавныя хороши до снѣга, но лишь пала хорошая пороша, остается охота съ подѣзда и лучшая съ чучелами—загономъ; только рѣдко, въ мягкія зимы практикуется охота облавная.

На звѣря охота начинается почти всегда лишь съ выпадомъ снѣга; по чернотропу таковыя устраиваются въ рѣдкихъ случаяхъ и то лишь исключительно по волкамъ. Охота съ гончими прививается плохо; да оно и понятно, почему это такъ: гоньба въ сплошныхъ лѣсахъ—дѣло трудное, отъемы и колки—рѣдкость, а потому и все обаяніе такой охоты теряется въ этой лѣсной шири, да и звѣрь такъ далеко заводитъ собакъ, что охотники, стерявъ ихъ, возвращаются домой одни, а за собаками шлютъ за десятки верстъ и нерѣдко находятъ ихъ только черезъ 2—3 сутокъ.

Остаются охоты облавныя и съ подхода—на оленя, козла, сохатаго, волка, лисицу и рысь, да съ лайкой за мелкимъ пушнымъ звѣремъ. Медвѣдя бьютъ на берлогѣ, рѣдко кто изъ охотниковъ выходитъ на овсы или падалъ съ лабазовъ, ибо эти охоты остались исключительно за охотникомъ крестьяниномъ, который также не прочь побаловаться и капканомъ.—Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что звѣровыя охоты между интеллигентными охотниками прививаются туго, чѣмъ объяснить это явленіе, вопросъ пожалуй, открытый, хотя можно допустить одну существенную причину: это дороговизна такихъ охотъ въ одиночку.

Рыбная ловля не менѣе разнообразна, чѣмъ охота; для нея употребляются какъ легкія ручныя снасти, такъ

и много тяжелыхъ; наиболѣе распространенныя изъ по-
слѣднихъ: невода, мережи, волокуши, вентеля, морды и
др.; къ первымъ-же относятся удочки, блесны, остроги,
петли, дорожки и др. Ловля производится круглый годъ
самыми разнообразными снастями и орудіями, смотря по
роду рыбы и мѣсту производства лова.

На курень*).

Въ одно чудное Майское утро, какія нерѣдко бывають въ Уралѣ весной, является ко мнѣ куренной надзиратель Енискаго завода Иванъ Павлинъ, мой товарищ по охотѣ, и приглашаетъ поѣхать на курень, говоря, что тамъ замѣчательная тяга, а неподалеку есть и косачинный токъ, такъ что прекрасно можно поохотиться, да вообще не худо скоротать почку—другую на курень: весело, хорошо тамъ.

Подобнаго предложенія было вполнѣ достаточно не только для меня, но, полагаю, и для всякаго мало-мальски любящаго природу. Провести майскую ночь и день среди оживляющей природы, веселаго гомона возвратившихся и все прибывающихъ къ намъ южныхъ гостей—птичекъ пѣвчихъ и красной дичи, это ли не наслажденіе?!.. Отвѣтъ быть, конечно, одинъ—ѣду.

Только, того, завтра братъ, надо ѣхать пораньше, дорога больше 20 верстъ, частью трактомъ, и версты 3 въ сторону. Умудрись къ 3—3½ часамъ какъ нибудь освободиться, я за тобой заѣду, а теперь пока до свиданія, мнѣ надо кой о чемъ еще похлопотать, проговорилъ мой пріятель, и пожавъ на прощаніе руку, отправился домой.

*) Курень это дѣлянка лѣса, предназначенная для вырубки на дрова, бревна, или выжигъ угля для заводской потребности.

На другой день, какъ было обусловлено, мы около четырехъ часовъ катили уже по роскошному Московскому тракту. Павлинъ рисовалъ картинку тяги, которой мы воспользуемся сегодня-же, говоря, что я, навѣрно, давно уже ничего подобнаго не видалъ, такъ какъ птица не пуганная, летитъ невысоко и нешибко, да и довольно ея тамъ. Онъ уже успѣлъ дня четыре тому назадъ сжечь $\frac{1}{4}$ ф. пороху и посѣять фунта три дрови,—здорово попуделявъ. Надо сказать, что Павлинъ былъ начинающій стрѣлокъ въ летъ, а потому застрѣлить вальдшнепа на тягѣ для него было недосыгаемымъ блаженствомъ.

Дорога за веселой пріятельской болтовней, при добрыхъ, хорошо объѣзженныхъ заводскихъ лошадакахъ, пролетѣла незамѣтно: менѣе чѣмъ въ два часа мы были на куренѣ, подкативъ къ красиво расположенному на порядочной площадкѣ шалапу старшаго полѣсовщика, наблюдавшаго за порубкой лѣса.

Отъ шалаша во все стороны картина была одна: рѣдкій боръ изъ сосноваго строеваго и дровянаго лѣса, бѣжавшаго съ востока на западъ на десятки верстъ, съ южной упиравшагося въ луга, подернутого изумрудною только что пробивающейся зеленью, а на сѣверѣ терявшагося гдѣ-то далеко, далеко, перелѣгалъ съ увала на уваль и время отъ времени открывалъ свои гуши то быстрой рѣчкѣ, то громадному пруду, то моховому болоту, поросшему кривой пороселью, то тихо дремлющему хрустальному озеру.

Люблю я лѣсъ, это царство пернатыхъ и звѣря, благосостояніе края и залогъ его здоровья. Мнѣ всегда жаль, до боли жаль видѣть, какъ эти гиганты-красавцы, десятки и сотни лѣтъ росшіе, окрѣпшіе устоявшіе противъ бурь и непогодъ, обреченные на смерть безпомощно падаютъ подъ острыми ударами топора.... Вотъ, то тутъ, то тамъ видны кучки людей, кажущихся какими-то лилипутами въ этомъ могучемъ бору; они хлопчуть около красиваго, стройнаго, какъ пальма, дерева, равномерно слѣдуетъ ударъ за уда-

ромъ остраго топора, все глубже и глубже становилась зияющая рана у корня и вдругъ раздается зычный голосъ дровосѣка: „Берегись, пошла!“ а въ отвѣтъ на это предупрежденіе раздается страшный трескъ, невольнo заставляющій вздрогнуть, а дровосѣковъ броситься въ сторону, то послѣдній предсмертный вздохъ погибающаго, и дерево, цѣпляясь своими вѣтвями за верхушки сосѣднихъ деревьевъ, накренилось въ сторону и сначала медленно, медленно поползло къ низу, нѣсколько сдерживаемое вѣтвями сосѣднихъ деревьевъ, но за тѣмъ, не встрѣчая опоры, быстро и грузно ударилось о волглую землю.... Какъ то особенно больно сжимается сердце при каждомъ глухомъ ударѣ упавшаго дерева.... Однако, я размечтался... Эй, Павлинъ, не пора-ли на мѣста?

— Да, да, я вотъ сію минуточку, только покончу съ Григорьемъ; а ты тѣмъ временемъ иди до кромки покоса, догони, и онъ махнулъ рукой по указанному направленію.

Не успѣлъ я дойти до покоса, какъ пріятель меня догналъ и проговорилъ: „Ну, братъ, держи лѣвое плечо впередъ и покатимъ вонъ туда въ уголокъ покоса, тамъ то настоящія мѣста и есть; хорошее мѣсто.... да что я хвалю—самъ увидишь, только шагуто надо прибавить, мы вѣдь не на гуляніи, скоро, пожалуй, вальдшнепъ пойдетъ, прошлый разъ ровнешенько въ семь часовъ протянулъ первый.“

— Что-же прибавить шагу—такъ прибавить,—и мы зашагали усиленнымъ шагомъ.

До мѣста оставалось не болѣе $\frac{1}{4}$ версты; мы шли, не проронивъ не слова до самаго пункта остановки. Я издали любовался еще мѣстечкомъ: оно было по всѣмъ примѣтамъ хорошо. Покосъ нѣсколькими рукавами врѣзывался въ смѣшанный молодой лѣсокъ, уходившій къ югу по уваламъ вплоть до тракта, время отъ времени смѣняясь мелочами; ширина его была не болѣе $\frac{1}{2}$ версты, а тамъ опять покосы.

— Вотъ мы и на мѣстѣ, а вонъ мой и диванъ.— проговорилъ Павлинъ, показывая кривую березку. Ты, братъ, на нее и садись, будешь доволенъ.

Я было запротестовалъ, но онъ и слышать нечего не хотѣлъ, мотивирую тѣмъ, что онъ подмѣтилъ еще одно мѣстечко, гдѣ вальдшнепы летать не хуже, а стрѣлять пошире, и такъ какъ я стрѣляю лучше его, то и долженъ остаться здѣсь, а его пустить туда.

Занявъ свою позицію и мысленно опредѣливъ убойныя точки, что-бы зря не ранить дорогую птицу, я закурилъ папирску и, удобно уютившись на импровизированномъ диванѣ, спокойно сталъ ждать. Мнѣ казалось почему то, что Павлинъ увлекается, вальдшнепъ такъ рано не пойдетъ. Солнце стояло еще высоко, хотя и шло быстро къ закату; тѣни замѣтно удлинялись; въ воздухѣ царилъ тишь; съ мохового болота, что за боромъ, чуть чуть вѣяло сыростью; въ чащѣ лѣсной по кустамъ и мохнатымъ верхушкамъ сосны стоялъ неумолчный говоръ разнообразныхъ голосовъ птичекъ и вѣвчихъ, который мнѣ всякій разъ кажется вечерней молитвой и гимномъ Творцу Вселенной безсловесной твари; одиночно доносились удары топора дровосѣка и глухіе, стонущіе звуки отъ валившихся деревьевъ.... Но, чу.... это онъ, красавецъ— лѣсной!.... Гулко несется, хрипкое хорканье, ближе и отчетливѣе раздается циканье.... Вебъ другіе звуки, нарушающіе надвигающіяся сумерки исчезли, ступенчались, какъ будто для охотничьяго уха нѣтъ другихъ звуковъ, кромѣ этого гармоничнаго хорканья и циканья. Наконецъ, вотъ онъ и самъ, виновникъ волненія, отдѣлившись отъ темнаго бора и залитый послѣдними лучами заходящаго солнца, мѣрно помахиывая крылышками, словно плыветъ по нѣжно голубому фону неба. Но, увы, онъ летитъ внѣ выстрѣла.

Послѣ перваго вальдшнепа время тянется еще какъ то медленнѣе, или только это такъ кажется,— право рѣшить трудно. Между тѣмъ солнце скрылось

за лѣсеную горку; тѣни смѣнились мягкими сумерками въ лѣсной гущѣ; небо приняло болѣе густой снѣватый отливъ на востокъ, блѣднѣя все къ западу; самая пора тяги наступила. Чу!... вновь ухо ласкается знакомая пѣсня, учащенно бьется сердце, потому что, кажется, птица идетъ на меня, мурашки ползутъ по спинѣ отъ ожиданія,—и вотъ сквозь верхушки деревъ мелькнулъ знакомый силуэтъ. Въ мѣру! сомнѣнья нѣтъ... Сразу возвращается самообладаніе, еще минута, другая—птица вся на виду, ружье брошено къ плечу, грянулъ выстрѣлъ—и она какъ то безпомощно перевернувшись въ воздухѣ, камнемъ падаетъ почти къ ногамъ... Первый удачный выстрѣлъ великое дѣло на охотѣ, онъ вселяетъ особенную увѣренность, и стрѣльба много отъ этого выигрываетъ.

Векорѣ раздался дуплетъ Павлина, но пронесся онъ рѣзко. Эхъ, братъ, видно пропуделятъ!

Не знаю, обращалъ ли кто либо изъ товарищей по страсти вниманіе на выстрѣлъ и замѣтилъ ли одну особенность, которую я имѣлъ случай неоднократно повѣрять и только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлалъ ошибку? Суть въ томъ, что убойный выстрѣлъ по птицѣ или звѣрю всегда глухъ, безраскатенъ, промахъ-же имѣетъ звукъ рѣзкій, отчетливый, и чѣмъ дальше отъ вая стрѣлокъ, тѣмъ вѣрнѣе можно опредѣлить результатъ выстрѣла. Вотъ опять два такихъ же порошнихъ выстрѣла; жаль пріятеля, поучиться, видно, надо еще!... Въ этотъ моментъ надъ самой головой раздалось задорное циканье двухъ влюбленныхъ вальдшнеповъ, и я, неловко метнувшись въ сторону, дѣлаю два торопливыхъ и, конечно безвредныхъ выстрѣла, послѣ которыхъ вальдшнепы бросаются въ разныя стороны, задорно хоркая и цикая. Какъ были близко!... Вотъ она горячка поганая!! Вновь вложены патроны. Опять вальдшнепъ и летитъ превосходно,—на боковой любимый мною выстрѣлъ. На этотъ разъ я не промахнулся, и вальдшнепъ, послѣ выстрѣла, сложивъ крылышки, умеръ еще въ воздухѣ.

Со стороны Павлина выстрѣлы такъ и сыпались одинъ за другимъ; мало отставалъ и я, но дѣло не обходилось безъ промаховъ. Четыре долгоносика болтались на ремняхъ, когда подошѣлъ ко мнѣ пріятель, говоря, что охоту пора кончить, такъ какъ стрѣлять уже нельзя—темно, а ждать, нечего, ибо леть не прекращается во всю ночь, а лишь промежутки становятся все продолжительнѣе.

Павлинъ убилъ въ этотъ вечеръ первого за всю свою охотничью практику и рассказамъ его не было конца. Это увлеченіе возстановило въ моей памяти картинку моего первого удачнаго выстрѣла по вальдшнепу, а потому я вполне сочувствовалъ, жилъ, такъ сказать, съ нимъ въ этотъ моментъ.

Закуривъ поширосы, мы, тихо болтая, двинулись къ шалашу, гдѣ насъ ждалъ Григорій съ чаемъ и не замысловатой провизіей на ужинъ, который мы должны были еще и приготовить.

Какъ только мы вступили въ рѣдкоборъ и окунулись въ этотъ густой мракъ,—мертвая тишина окружила насъ со всѣхъ сторонъ, лишь наши шаги нарушали этотъ дивный покой; вдали же яркое пламя нѣсколькихъ костровъ красноватыми языками тянулось вверхъ, какъ бы снѣясь лизнуть мохнатые сучья столѣтняго бора, но, не достигнувъ этого, обрывалось, мигало и разысычалось мирадами разноцвѣтныхъ искръ, уносившихся въ безпредѣльную высь.

Мы уже близко: отчетливо слышны отдѣльные голоса рабочихъ и веселое пощелкиваніе горящихъ костровъ, отдѣленныхъ отъ насъ мелкой порослью; наконецъ, мы вступили въ нее, сдѣлали нѣсколько шаговъ и вышли на залитую свѣтомъ костровъ поляну, гдѣ пріютились рабочіе. Около каждаго костра живописными группами расположились усталые, за день рабочіе; нѣкоторые изъ нихъ сидѣли, мирно бесѣдуя и потягивая посогрѣйку или козью ножку изъ заброистаго тютюна, другіе, подбросивъ подъ себя какую-то хламидку, растянувшись ничкомъ и подперши голову

руками, не спускали глазъ съ костра, что-то тихонько мурлыкали; тутъ-же, рядомъ здоровый дѣтина, задравши носъ къ верху, словно созерцалъ небесную высь, а вонъ тамъ, поодаль, въ такой же позѣ, другая фигура, но его усталыя вѣки крѣпко сомкнуты, и здоровый храпъ ясно свидѣтельствуешь, что онъ давно уже спитъ. А эти, что стоятъ у самыхъ костровъ?— это кашевары за своимъ дѣломъ, кормильцы партій; они зорко слѣдятъ за ловко укрѣпленными на сошкахъ объемистами чугунными котлами съ незатѣйливой похлебкой, или кашей и желѣзными чайниками съ завареннымъ чаемъ.

При первомъ взглядѣ на весь этотъ людъ, дѣленье на кучки кажется страннымъ: вѣдь все они у одного дѣла, но, приглядѣвшись и прислушавшись, все становится ясно: рабочіе собрались изъ разныхъ мѣстъ Матушки—Руси. Вотъ у перваго костра что налѣво, собрались вятскіе ребята (хватскіе какъ сами они себя величаютъ, говоря, что семеро одного не боятся); въ ихъ рѣчи только и слышно протяжное гнусливое „но—о“ да „сче—таке“, противъ нихъ, у праваго костра, собралась семья чистокровныхъ россіянь изъ внутреннихъ губерній; ихъ говоръ на „а“ „о“ свысока; за ними подальше семья тюменскихъ татаръ, ихъ гортанная скороговорка, какъ горохъ по полу сыплется; только у двухъ костровъ, что ближе къ шалашу лѣсника, собралась группа побольше, чисто-плотнѣе: то свой народъ ближнихъ деревень и заводовъ; въ этой группѣ и смѣхъ и веселье, да какъ ему и не быть: люди все свои, а остальные рабочіе временные, невольные гости; не радость и счастье, а горе и нужда оторвала ихъ отъ роднаго очага и забросила за сотни верстъ, поставивъ можетъ быть, лицомъ къ лицу съ такой работой, которая имъ чужда и непривычна; до веселья ли тутъ! Одна забота на умѣ: воротиться въ семью не съ пустыми руками.....

При нашемъ приближеніи говоръ нѣсколько смолкъ; нѣкоторые рабочіе покинули свои мѣста и подошли

къ намъ, и какъ только мы остановились у шалаша, — насъ окружила любопытная толпа и обыскала вопросами: какъ и на кого мы охотились, гдѣ и что убили? Удовлетворенные отвѣтомъ приступили къ осмотру дичи; вальдшнепы пошли по рукамъ и вызвали цѣлую серію самыхъ разнообразныхъ названій.

Между рабочими оказалось немало охотниковъ, которымъ нашъ приходъ съ дичью далъ живую тему, разговоры оживились, выступили разсказчики, собравшіе толпу слушателей, и вскорѣ полилась „бывальщина“.

— Пожалуйте чай кушать, господа, — возвѣстилъ Григорій, показываясь въ дверяхъ шалаша.

Мы вошли въ шалашъ, внутренность котораго довольно обширна: въ немъ уже помѣстилось человѣкъ 10, но и половина его еще не была занята. Четыре крѣпкія стойки, аршина $3\frac{1}{2}$ высотой, были схвачены обвязкой изъ тонкихъ жердей, на которую полого положили болѣе тонкія жерди, засыпанныя слоемъ сѣна и хвои, прекрасно защищавшей отъ вѣтра, да пожалуй, и дождя; земля была очищена, какъ на току. Въ серединѣ шалаша, надъ отверстіемъ, пылалъ костеръ изъ мелкихъ дровъ, а нѣсколько поодаль была разостлана наша походная кошма поверхъ толстаго слоя мелкой хвои; на ней то и былъ установленъ чайный приборъ, вынутый изъ погребца, а самый погребецъ обращенъ въ столъ, на которомъ бурлилъ маленькій чистенькій самоварчикъ; все это было такъ хорошо, уютно и такъ манило на отдыхъ, къ тому неизмѣнному кейфу, который понятенъ истинному охотнику и на который нельзя промѣнять никакіе балы, театры и др. т. п. развлечения, воспѣваемые лицами, лишенными этого, можно сказать, дара пониманія истиннаго отдыха на лонѣ природы.

Во время чая Григорій возился у костра, приготавливая румяную яичницу, и какъ только она вздулась на сковородѣ, — онъ съ пылу водворилъ ее рядомъ съ самоваромъ, приглашая выйти по рюмочкѣ

водки и закусить горяченькой. Приглашений повторить не пришлось, такъ какъ рюмка водки и добрый кусокъ горячей яичницы были въ самую пору, и мы съ особеннымъ наслажденіемъ закусили.

Поѣвши вилотную, мы векорѣ улеглись спать на душистой смолистой хвоѣ, точно на пуховикѣ; навѣрно можно сказать, что не прошло 5 минутъ, какъ мой Павлинь уже спалъ, какъ убитый; я же уснуть не могъ, но, не желая нарушать мирную бесѣду рабочихъ, собравшихся у нашего костра и распивавшихъ чай и водку, которую мы-же дали Григорію, дѣлалъ видъ, что сплю, прислушиваясь къ ихъ разговору.

Разговоръ вертѣлся на самыхъ разнообразныхъ злобахъ дня, беспорядочно перепрыгивая съ одного предмета на другой; вдругъ рабочіе смолкли, и до моего слуха ясно донесся протяжный, заунывный вой матераго волка.

— Началось!—сказали почти въ одинъ голосъ рабочіе. Дѣйствительно, материкъ, какъ хорошій дирижеръ, задалъ тонъ, ему тотчасъ-же откликнулась со всѣхъ сторонъ и на разныя голоса волчья семья, и эта пѣсня, подхваченная эхомъ, составила цѣлый концертъ. Волчьи голоса становились все яснѣе и яснѣе; очевидно, что эта „мирная“ семейка собралась на корма и приближалась къ кромкѣ болота. Наши лошади начали сильно фыркать и безнокотиться на привязяхъ; зашевелились и уснувшіе рабочіе.

— Ну-ка, ребятки, —кто поближе подбросьте-ка хвойки въ костры, веселѣе, будетъ, а то эта нечисть—то какъ-бы не подобралась, чего добраго и коней испугаетъ!—послышался чей то сильный спросонья голосъ и велѣдъ за тѣмъ сочный, отъ души, зѣвокъ.

— Тьфу, ты, Господи, поспать-то ладомъ не дадутъ окаянныя!—раздался еще чей то голосъ.

— А и впрямь, ребята, огонь-то надуть усилить,— подтвердилъ еще кто-то.

Еще минута за шалашомъ поднялась суетливая возня: таскали хвою, что то рубили и перебрасывались другъ съ другомъ въ нѣсколько голосовъ,—словами. Къ нимъ на подмогу вышелъ Григорій и нѣсколько человекъ, сидѣвшихъ въ шалашѣ.

— Эй, паря, коней-то поближе приспособь, да всѣ-то не спите, пусть чередной встанетъ къ кострамъ-то.

Дѣло, между тѣмъ, спорилось; костры вновь ярко запылали и далеко освѣтили верхушки деревьевъ, видимыхъ изъ шалаша.

— Теперь ладно!—съ этими словами почти, вся компанія ввалилась въ шалашъ.

— Жаль, что наши господа спятъ,—началъ кто-то,—а то бы ловко можно было пойти на опушку, къ ключику да посидѣть, авось-бы удалось какъ стрѣльнуть въ этихъ шатуновъ окаянныхъ... Ишь че дѣлаютъ, ажъ жутко становится... Сила ихъ надо быть, тутотка, по болоту-то!...

Я не вытерпѣлъ и въ самый разгаръ концерта, толкнулъ пріятеля подъ бокъ и надъ самымъ ухомъ его шопотомъ проговорилъ: „слушай!“

Какъ ужаленный, вскочилъ Павлинъ и въ умерительной позѣ, не то испуга, не то удивленія, застылъ, вслушиваясь въ дикій вой.

— Волки—ц, кажется, близко?... Гдѣ мое ружье?—наконецъ, проговорилъ онъ.

— Да ты проснись сначала, а то „волки; гдѣ мое ружье!...“ Не ѣдятъ вѣдь тебя еще волки-то! Вонъ люди говорятъ, что хорошо-бы было посидѣть у клю-

чика да подождать, не выйдутъ ли волки: пляются они здѣсь почти каждую ночь.... Не пойдѣмъ-ли?

— Конечно, идемъ, идемъ сейчасъ-же!

Взявъ ружья, мы отправились, прихвативъ еще двухъ рабочихъ, просившихся намъ въ спутники, на то-же мѣсто, гдѣ были на тягѣ, лишь нѣсколько въ сторону, въ боръ.

Пришли, заняли позиціи другъ отъ друга шаговъ на 20 и долго ждали сѣрыхъ пріятелей; но прошло добрыхъ часа 1¹/₂—2, а они и не думали выходить къ намъ, видимо, довольные своимъ болотомъ. Дальнѣйшее наше ожиданіе казалось напраснымъ, и мы, перекликнувшись, пошли къ шалашу.

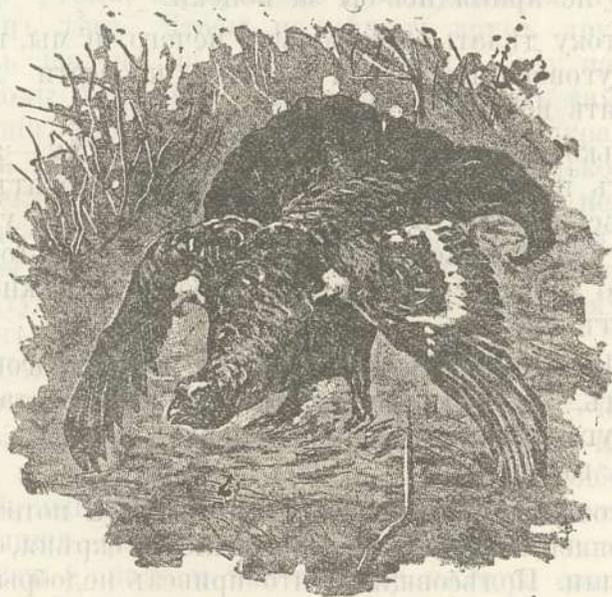
На возвратномъ пути одинъ изъ рабочихъ разсказалъ намъ трагическій случай, имѣвшій мѣсто на охотѣ за волками около Нейво Рудянскаго завода нѣсколько лѣтъ тому назадъ. По его словамъ, дѣло было такъ: „Въ ту зиму волковъ появилось около завода тьма тьмущая, да и дерзкіе такіе, что чуть ли не среди бѣла дня заходили въ селеніе и бросались на скотину, а собакъ по крайнимъ домамъ—начисто всехъ передушили. Охотниковъ изъ господъ у насъ въ ту пору никого не было, ну, вотъ наши доморощенные охотнички и надумали сами снарядиться—хоть поугасть хорошенько, коли не убить... слышали, значитъ, что ѣздить какъ-то съ поросенкомъ, ну, и поѣхали съ нимъ. Сговорились шесть или семь человѣкъ и все народъ молодой, обрядили большія розвальни, запрягли въ нихъ тройку не объѣзжанныхъ лошадей, поросеночка взывали чуть-ли не въ добрую свинью, усѣлись сами и поѣхали. Время вышло самое что ни на есть распрекрасное: ночь лунная, нешибко морозная, хотя и было передъ Рождественскими праздниками, т. е. въ самую, значитъ, волчью свадьбу. Ѣздить это часъ, другой по лѣсу, по покосамъ—нѣтъ ничего; собрались уже обратно и поѣхали по мелкому чахлому березничку близъ золотыхъ розсыпей; дорога по отваламъ дрян-

ная—раскатистая, а лошадки, почувявъ поворотъ къ дому, пошли веселѣе, но, вдругъ: глядѣ впередъ на— дорожкѣ пара полковъ сидитъ, а стрѣлять невозможно: лошади артачиться начали, хранятъ, бьютъ и поровятъ въ сторону броситься; тутъ ужъ не до стрѣльбы, давай ухать, всѣ въ голосъ, волки лѣниво таково поднялись и сошли въ сторону да и взвыли, а кони, какъ только замѣтили, что волки скрылись, подхватили и понесли легкія санки; на ту бѣду испугался-ли поросенокъ воя, аль прижали его ненарокомъ,—только завизжалъ онъ благимъ матомъ на весь лѣсъ,—и откуда не возьмись, пара волковъ да—за санями; паровятъ схватить привязанный на веревкѣ клокъ сѣна, а въ сторонѣ, то тутъ, то тамъ, вой волковъ на разные голоса такъ стономъ и стонетъ. Одинъ изъ охотниковъ въ азартѣ-то и грянулъ по преслѣдователямъ: убить не убилъ, а лишь ранилъ; зашѣлъ волкъ во-всю и сталъ съ товарищемъ пріотставать, на мѣсто же ихъ табунъ вывалилъ позади; а съ боковъ такъ и сыплютъ, такъ и сыплютъ по одиночкѣ и парами; ну, словомъ, вся дорога почернѣла отъ нихъ.... Бросили охотники поросенка, стрѣльнули въ два ружья—и поднялся такой-ли вой, что не токмо шапки съ головы постѣзали, а равно-бы и полушубки съ плечъ постѣзли. Выѣхали изъ лѣсу—пѣтъ за ними стаи, вздохнули было по свободнѣе да, видно, рано порадовались: опять догоняютъ ихъ волки; кони подхватили сильнѣе,—было близко ужъ до селенія, а сани мечутся изъ стороны въ сторону, такъ какъ дорога вся по отваламъ. Только,—надо-же грѣху случиться,—чуть не въ виду уже селенія, на одномъ поворотѣ по ко-согору сани раскатились и, ударившись о пень ли или выбоину, кто знаетъ, но только одного охотника вышибло изъ саней.... Не своимъ голосомъ крикнулъ онъ: „стойте, братцы!“ А гдѣ тутъ стойте: кони ошалѣли—несутъ.... Раздались 3—4 револьверныхъ выстрѣла, взвыли волки, да равно-бы крикнулъ кто.... Погибла душа ни за что....

„Примчавшіеся въ селеніе охотнички ударили тревогу, подняли стараго и малаго на выручку,—и сбился народъ, что на пожаръ и, кто съ чѣмъ, цѣлой гурьбой побѣжали на мѣсто, гдѣ выпалъ чело-вѣкъ... Ну, нашли кровавое пятно на снѣгу да кой-гдѣ ключья одежды.... погоревали и вернулись по домамъ....“

Придя въ шалашъ, мы посидѣвши у лечься, такъ какъ для отдыха осталось 2—3 часа, и на этотъ разъ сонъ не заставилъ себя долго ждать.

Ужъ давно разсвѣтало и по лѣсу неслась любовная пѣснь косачей,—когда мы вскочили; къ стыду нашему было яено, что мы проспали: игра шла во—сю; къ току въ такое время не подберешься. Посѣтовали мы другъ на друга за свою оплошность, что не велѣли себя разбудить, да дѣлать было нечего. Наскоро собравшіеся, все таки рѣшили попытать

подобраться къ току. Току расположился по увалу, за покосомъ, на громадной чистинѣ, на которой кой-

гдѣ стояли одиночныя сосны, живые свидѣтели недавняго прошлаго. Вотъ, мы и на опушкѣ; весь токъ почти на самой серединѣ поляны,—какъ тутъ подобратся? Думали, думали и рѣшили такъ: пойти въ обходъ съ обѣихъ сторонъ, держась подь прикрытіемъ мелкой поросли и надѣясь на счастье. Солнце было уже высоко, и все наши ухищренія не привели ни къ чему: косачи мало по малу снимались и улетали въ разныя стороны, но ни одинъ не подвернулся подь выстрѣлъ. Только вдругъ со стороны Павлина раздался выстрѣлъ—другой; взглянулъ я въ его сторону, смотрю—летитъ на меня косачъ, да такъ низко и ловко для выстрѣла; подпустилъ я его, выдержалъ и свалилъ, упалъ онъ хотя и недалеко, но долго мнѣ пришлось походить за нимъ прежде чѣмъ найти, пожалуй и не нашеть-бы, если-бы товарищъ, видѣвшій все, не пришелъ на выручку, и мы общими силами не принялись-бы за поиски.

На току дѣлать было больше нечего, и мы, возвращаясь, уговорились дорогой, какъ провести день и гдѣ взять вечеромъ тягу.

Только что мы подошли къ шалашу,—явился лѣсникъ и доложилъ Павлину, что его проситъ главный лѣсничій быть сегодня-же въ обѣдъ у него, чтобы ѣхать вмѣстѣ на угольные кучи,—тоже курень, но только совершенно въ противоположной сторонѣ отъ насъ.

— Надо собираться да ѣхать домой!—проговорилъ Павлинъ,—а пока, что,—разопьемъ еще по стаканчику—другому чаю, тѣмъ временемъ заложать лошадей—и въ путь.

До обѣда время было еще не мало, а потому мы, не торопясь, напились чаю, собрались и скрѣпя, сердце, потрусили. Полѣсовщикъ, что привезъ недобрый приказъ, ѣхалъ съ нами-же и дорогой, между прочимъ, сообщилъ, что, проѣзжая на зарѣ черезъ Свѣтлую рѣчку, согналъ цѣлый табунъ утокъ, жировавшихся у

самого тракта и перелетѣвшихъ на нашу сторону къ пруду.

— А что, другъ, не забѣжимъ ли мимоходомъ на рѣчку? предложилъ Павлинъ.

— Не прочь, только какъ мы ихъ возьмемъ? Навѣрное онѣ держатся по срединѣ рѣки.

— Ну какъ возьмемъ?—можетъ какая нибудь разиня попадетъ и поближе!... Трогай поживѣе, дорога добрая! приказалъ онъ кучеру, и мы лихо покатали по прекрасному тракту.

Вотъ и Свѣлая. Маленькая рѣчушка лѣтомъ,—теперь она разлилась сажень на 60—70 около тракту, и больше чѣмъ на версту ближе къ пруду, затопивъ нѣкоторые покосы.

Мы оставили лошадей на трактѣ, а сами въ сопровожденіи полѣсовщика пошли внизъ по теченію. Лишь только мы вошли въ лѣсъ, какъ вспугнули парочку утокъ, съ крикомъ потянувшихся куда то прямо въ лѣсъ. Чтобы не мѣшать другъ другу, разошлись шаговъ на сто. Въ рѣдкомъ бору на низинахъ воды было вдоволь. Вскорѣ Павлинъ замѣтилъ жирующій табунъ чирковъ и, ловко подкравшись, вышибъ трехъ штукъ; поднялъ и я нѣсколько паръ, одиночекъ и небольшихъ табунковъ, но мнѣ не везло. Павлинъ-же стрѣлялъ и стрѣлялъ. Побродивъ часа два, мы сошлись; мой пріятель былъ въ восторгѣ; 6—7 штукъ утокъ болтались у него на ремняхъ, да пару онъ потерялъ,—ушли на рѣку.

— Вотъ такая охота—по мнѣ, тутъ я хозяинъ!—говорилъ Павлинъ,—а то эти вальдшнепы,—ну ихъ! тычешь, тычешь, пока онъ летитъ,—хлопъ—и нѣтъ ничего, а эти плаваютъ себѣ въ лужицѣ, подберешься на вѣрный выстрѣлъ да, неторопясь прицѣлишься,—выстрѣлишь—разъ! и получай! Однако, часовъ то скоро ужъ 8, надо и ѣхать: часа полтора еще пути, какъ-бы не опоздать къ начальству.

Я не возражалъ пріятелю, потому что особенной прелести въ утиной охотѣ не видѣлъ вообще, а вес-

ной въ особенности, и согласился только ради его слабости къ этого рода охотѣ, какъ и всякаго начинающаго охотника.

Скоро выбрались мы на трактъ, вновь усѣлись въ спокойный коробокъ, и около 10 часовъ я былъ уже въ кругу своей семьи.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли. Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

Мы оставили трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли, и поехали въ сторону трактъ, въ которомъ мы сидѣли.

На Чусовую.

(За харіузами).

Юнь, за-
тишье охоты съ
добрый собакой и
ружьемъ, а погода
роскошь; не сидятъ
дома, такъ и тянетъ въ
лѣсъ, въ дуга на чистыя
воды тихихъ прудовъ или
быструю рѣчку.

Въ одинъ изъ такихъ дней,
часа за два до окончанія сво-
ихъ повседневныхъ занятій,
получаю записку отъ товарища
по страсти Петра Харитоновича
Климова, приблизительно слѣд-
ующаго содержания:

„Тройка есть, поѣдемъ въ
три.

Ты пораньше, другъ, сбѣ-
ги...

И отвѣтъ мнѣ свой при-
шли“...

Эта записочка сразу возста-
новила въ памяти разговоръ,
имѣвшій мѣсто нѣсколько дней
тому назадъ, по поводу поѣзд-

ки на Чусовую за харіузами; тогда мы говорили,
что какъ-нибудь-де нужно собраться на рыбалку, и

самое лучшее, когда подойдутъ два праздника; а тутъ именно такъ и было: Троица и Духовъ день,— Браво, вотъ это отлично, что Петруша вспомнилъ! Отвѣчаю: ѣду, жду, а пока что—руку жму.

Сейчасъ-же всякія занятія по боку; дѣло въ шкафѣ на замокъ, начальству поклонъ и вонъ. Дома жена оказалась уже предупрежденною объ этой поѣздкѣ.— Петруша былъ у ней около 12 часовъ и сказалъ, что мы ѣдемъ на Чусовую за харіузами и что я прошу ее озаботиться о снабженіи меня разнаго рода снѣдью, конечно, въ размѣрахъ меньшихъ, чѣмъ. Но! запасался передъ потопомъ, но всетаки въ достаточномъ на двое сутокъ, 6 часовъ, сколько-то минутъ и секундъ. Она хорошенько не припомнитъ, чего-чего онъ ей только не говорилъ, и усиленно звалъ ее ѣхать съ нами-же, намская, что она своимъ присутствіемъ можетъ избавить своего благовѣрнаго отъ нѣкоторыхъ непріятностей, которыя кто знаетъ, какъ-то мнѣ сойдутъ безъ нея, потому-де, что деревенскіе парни свои интересы блюдутъ строго, а кулачищи у нихъ здоровые. „Такъ Вы, добрѣйшая Елизавета Алексѣевна, говоритъ онъ, подумайте хорошенько и, пока не поздно, предотвратите, очень это хорошо, если что можно еще предотвратить“. И наскоро выпивъ стаканъ кофе, онъ убѣжалъ хлопотать на счетъ лошадей, да собрать Володю Тюшина; а то вѣдь онъ безъ него да Миши погибнетъ.

Къ тремъ часамъ я былъ готовъ; все собрано, удочки осмотрѣны, уложены въ ящикъ, только осталось уложить снасть въ экипажъ и самому забратъся туда-же.

Аккуратно, какъ всегда, подкатили мои пріатели, въ удобномъ троечномъ тарантасѣ, съ непремѣннымъ спутникомъ Мишей, егеремъ Володи, на козлахъ, и моментально очутились въ комнатѣ. Миша-же повзился что-то у экипажа и велѣдъ за ними вошелъ принять мои вещи.

Прошло какихъ-нибудь пять десять минутъ, и мы уже выѣхали, держа путь на Макаровую, что отстоитъ отъ Екатеринбурга на 40 верстъ.

Добрыя лошадки, хорошая погода, тѣсная задумчивая компанія, роскошная обстановка окружающей насъ природы и полный отдыхъ отъ всякихъ повседневныхъ мелочей,—вотъ тѣ дорогіе спутники охотника, которые оцѣнить и пойметъ только онъ, этотъ истинный сынъ природы.

Часа черезъ три съ половиной сквозь порѣдѣвшій сосновый боръ показались чистенькіе домики небольшой деревни Макаровой, расположенной по правому берегу рѣки Чусовой. Заѣхали мы къ знакомому мужику Михаилу Ивановичу Макарову, домъ котораго стоялъ послѣднимъ въ концѣ селенія и всѣми своими пятью окнами, съ раскрашенными ставнями выходилъ на рѣку.

Домъ и въ особенности чистая половина содержались въ замѣчательномъ порядкѣ и опрятности: не было тутъ ни клоповъ, которыми такъ богаты деревенскія избы, ни бойкихъ прусаковъ или шустрыхъ мышей и надоѣдливыхъ сверчковъ.

Хлопотливая и услужливая хозяйка подала намъ самоваръ. Мы наскоро закусили и поспѣшили къ рѣкѣ, полюбоваться ея чистыми и быстрыми водами, а главное—навести справки объ уровнѣ воды для того, чтобы рѣшить, откуда начать завтра охоту.

Красива Чусовая въ это время года. Шумно, бурливо вьющейся лентой несетъ она свои чистыя воды въ крутыхъ берегахъ, поросшихъ рослымъ тальникомъ или черемушникомъ, и, какъ рамкой, окаймлена сосновымъ строевымъ лѣсомъ; есть и такія мѣста, гдѣ она перерѣзываетъ пороги. По тому и другому берегу, въ отлогихъ мѣстахъ, масса попадаетея стариць, поросшихъ мелкимъ зеленымъ камышемъ и водяными лиліями, и только незначительная ихъ часть имѣетъ зеркальное плесо и всѣ на виду; большинство-же, какъ и рѣка, заключены въ густую поросль

все изъ того-же черемошника или ивняка. Последнія старицы—настоящее утиное Эльдорадо, кипящее молодяжникомъ, спокойно растущимъ и крѣпнущимъ. Охота въ этихъ мѣстахъ крайне неудобна: сквозь чащу птицы не видно, а подобраться къ ней безъ шума немислимо.

Названіе рѣчки Чусовой есть передѣлка: правильное ея названіе Часовая, что прямо отвѣчаетъ ея характеру. Она рѣка горная, и какъ поднимаются, такъ и падаютъ ея воды замѣчательно быстро; какой-нибудь часъ времени, и, если можно такъ выразиться, фізіономія ея неузнаваема. Интересно наблюдать это явленіе весной, въ половодіе, когда тысячи нагруженныхъ барокъ заводскихъ каравановъ ждуть и не дождутся подъема воды до необходимаго уровня, и, лишь только желанная высота наступила, съ шумомъ рубятся канаты, скрипятъ ворота, вынимающія якоря, и барки, какъ вольныя птицы, вылетаютъ на средину рѣки и несутся за водой. Горе тому, кто прозѣваетъ или пропуститъ этотъ, въ данномъ случаѣ, великій моментъ; тотъ рискуетъ не добраться до Камы, такъ какъ вода, скоро поднявшаяся, еще скорѣе скатывается.

Въ лѣтнее время рѣка очень мелководна и имѣетъ массу роскошныхъ перекатовъ, какъ песчаныхъ, такъ и каменныхъ; мѣста эти излюблены хариузами, головлями и другими породами рыбъ, берущихъ искусственную мушку. Самыя замѣчательныя изъ нихъ по изобилію рыбы—это каменный, находящійся версты на двѣ выше деревни, и песчаная отмель или мысъ на такомъ-же разстояніи отъ деревни, но только внизъ по теченію рѣки.

Я предпочиталъ ловить рыбу вверху, исключительно на каменномъ переборѣ, какъ болѣе замѣчательномъ стоящей на немъ рыбой, такъ и красотой своего положенія, да къ тому-же и рыба на немъ была крупнѣе, чѣмъ на прочихъ переборахъ.

Вдоволь пошлявшись по берегу, выбрали мы мѣста, гдѣ-бы поставить жерлицы и бросить подпуска на ночь и отправились за снастями.

Лѣтняя бѣлая ночь уже тихо спустилась на землю, когда мы вновь пришли къ рѣкѣ, чтобы разставлять снасти. Хорошо въ такую ночь около воды, тепло и тихо, такъ тихо, что малѣйшій звукъ принимаетъ особый рѣзкій оттѣнокъ, котораго днемъ не уловишь за массою другихъ. Теперь-же металлическимъ колокольчикомъ переливается быстрая вода, перепрыгивая по камешкамъ, или она-же, пробираясь въ молодомъ зеленомъ камышѣ, какъ-то зловѣще шипитъ или свиститъ, оmyвая случайно упавшую надломленную вѣтку прибрежныхъ кустовъ, снѣся ее оторвать... и масса другихъ тому подобныхъ звуковъ живутъ этою ночью. А тотъ лѣсъ и кустарникъ, что хранитъ эти чудныя воды отъ палящихъ лучей знойнаго солнца, ожилъ жизнью иной, чѣмъ днемъ; льются пѣсни малютки дрозда, а его заглушаетъ пѣ-

вѣць всѣмъ пѣвцамъ—соловей, котораго, кажется, близъ Екатеринбурга только и можно слышать здѣсь. Несутся его могучія рулады одна за другой, къ нему присоединяются еще и еще новыя пѣвцы; наступаетъ какъ-бы соревнованіе, льется не только единичная могучая пѣснь, а цѣлый симфоническій концертъ

оглашаетъ долину рѣки—и внемлетъ природа той пѣснѣ свободы, любви, примиренья... Кажется, такой концертъ не пересталъ-бы слушать, да и трудно что-нибудь лучше придумать,—и какъ не любить природу.

Заслушались и мы, забывъ зачѣмъ пришли, этихъ чарующихъ пѣвцовъ, но Миша, какъ менѣе чувствительный къ эстетическимъ наслажденіямъ, заставилъ насъ очнуться, требуя выброса рыболовныхъ снастей,—слушать де соловьевъ не помѣшаетъ и работа.

Лѣниво пошли мы по берегу, поставили болѣе 20 шт. жерлицъ и въ двухъ мѣстахъ перехватили рѣку съ берега на берегъ переметами. Окончивъ работу, не снѣша побрели къ квартирѣ, все подъ тѣ же волшебныя пѣсни соловьевъ, вдыхая полную грудью насыщенный ароматомъ душистой травы воздухъ.

Добравшись, слегка закусили и легли спать, чтобы завтра подняться пораньше для осмотра снастей.

Солнышко было уже высоко, хотя часовая стрѣлка показывала лишь 5 часовъ, когда мы бодрые, въ самомъ благодушномъ настроеніи, шли берегомъ рѣки къ снастямъ. Я и Володя взялись осмотрѣть жерлицы, а Петруша съ Мишей принялись за переметы. Мы съ Володей сняли со всѣхъ жерлицъ только одного щуренка, вершковъ 6-ти да окуня въ четверть, остальные жерлицы хотя были и размотаны, по рыбы на нихъ не оказалось, что насъ нисколько, однако, не повергло въ уныніе.

Петруша былъ еще менѣе счастливъ, такъ какъ на двухъ переметахъ, по 150 крючковъ въ каждомъ, оказался одинъ около фунта вѣсомъ подъязокъ, а на остальныхъ крючьяхъ не тронута насадка.

Охота эта была, такъ сказать, между прочимъ, отъ нечего дѣлать, цѣль-же нашей поѣздки была ловля харіузовъ на англійскую удочку нахлыстомъ съ искусственной мушкой, къ которой можно приступить не ранѣе, какъ часовъ въ 8—9 утра, а потому

Петруша первый-же началъ острить надъ нашей неудачей, хотя ему досталось на орѣхи куда больше нашего: вѣдь онъ все время былъ въ водѣ почти раздѣвшись и его комары допекали исправно какъ во время заброса переметовъ, такъ и во время снятія.

Собравъ снасти, передали ихъ Мишѣ, а сами отправились на квартиру пить чай, да потихонку собираться на настоящую охоту. Время за дѣломъ летитъ незамѣтно, вотъ уже близкокъ девятый часъ, мы съ собранными удилищами пробрались къ первому перекату—„бродъ“ и, пробуя ловъ, вытащили 2—3 небольшихъ харіузовъ, вынуждены были бросить ловлю, такъ какъ масса мелкой рыбешки положительно отравляла всякое удовольствіе лова, ежесекундно теребя мушку и портя ее, но не попадаясь на крючекъ. Подвинувшись выше къ плотбищу и заняли позиціи, шаговъ на 30 другъ отъ друга. Петруша давно уже путешествовалъ въ водѣ выше колѣна, но ловилъ крайне неудачно, въ силу своей малоопытности.

Часамъ къ 10^{1/2}, то есть къ началу самаго лучшаго клева на мушку, мы подошли къ каменному перебору; еще издали доносился сердитый рокотъ быстрой рѣчки, прокладывающей себѣ путь между большими глыбами камня. Паденіе воды въ этомъ мѣстѣ значительное, да и разливаеся она широко, дѣлая уголъ, такъ что, при глубинѣ воды выше колѣна, трудно долго время простоять въ водѣ и въ особенности на строжнѣ, по самой срединѣ рѣчки: вода сердито бьетъ по ногамъ, и чрезъ нѣсколько минутъ чувствуется страшное томленіе, и они начинаютъ дрожать.

Раздѣливъ переборъ, какъ выше, на участки, размѣстились и принялись сосредоточенно ловить; послѣ первыхъ-же двухъ-трехъ нахлыстовъ, рыбка не замедлила объявиться и первый вершковъ на 6-ть

хариузъ былъ вытащенъ Петрушей, а за нимъ такой-же мной и Володей; такъ, чередуясь, вытаскивали мы все ровняка, потомъ начали попадаться и крупнѣе. Опять-таки на долю Петруши, перебравшагося на ту сторону рѣки, вышло счастье вытащить хариуза въ полъ-аршина, съ которымъ онъ провозился добрыхъ минутъ двадцать и чуть-чуть было не упустилъ интересную добычу. Къ 12 часамъ дня въ нашей корзинѣ въ нѣсколько рядовъ красовалось порядочное количество серебристой рыбки. Клевъ нѣсколько утихъ, охоту приостановили, и тутъ-же на берегу, подъ руководствомъ опытнаго повара Миши, нѣсколько хариузовъ были водворены на сковородку, и скоро запахъ жареной рыбки пріятно разжигалъ нашъ аппетитъ.

Отдохнуть и закусить на вольномъ воздухѣ при очаровательной погодѣ и въ сосѣдствѣ съ клокочущей рѣкой и при разнообразныхъ рѣзвыхъ голосахъ пернатыхъ пѣвуновъ—это-ли не наслажденіе, которое, къ несчастію, многимъ недоступно и непонятно.

Сколько найдется такихъ людей, которые осмѣиваютъ охотниковъ и рыбаковъ, называя ихъ идеалистами, врунами и прочими подчасъ далеко не лестными эпитетами, но благо имъ, пусть будутъ здоровы и счастливы за зеленымъ столомъ въ душной комнатѣ такъ, какъ счастливъ истинный охотникъ въ минуту общенія съ природой, вдали отъ дразгъ, заботъ, непріятностей и проч. житейской мудрости: я, покрайней мѣрѣ, не завидую имъ, а жалѣю и жалею душой, что они не принадлежатъ къ категоріи этихъ всесвѣтныхъ вруновъ и идеалистовъ.

Проблагодушествовавъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, часа 2—3, принялись вновь за ловлю, поднялись на другіе переборы, но рыба бралась плохо.

Вторично размѣстились по камешному, но и тутъ плохо; становится скучно, невольно начинаешь раз-

влекаться и смотришь—прозѣвалъ, ну, не везетъ да и только. Къ слову сказать, послѣобѣденный клевь хариуза много хуже утренняго, я давно уже подмѣтилъ эту особенность, неоднократно подтвердившуюся въ мои предшествовавшіе выѣзды, а потому я предложилъ товарищамъ на сегодня охоту кончить и пойти къ дому.

Товарищи согласились и мы приступили къ разборкѣ удочекъ, рѣшивъ идти къ деревнѣ дорогой. Первымъ разборку окончилъ Петруша и, пока мы возились со своими, онъ отправился гулять по рѣкѣ, тщательно осматривая большіе камни; какъ вдругъ раздается его голосъ.

— Эй, други, налима нашелъ, да не знаю, какъ-бы его взять.

Мы смѣхомъ ему отозвались, почти все въ одинъ голосъ, рекомендуя тащить налима за хвостъ, такъ какъ онъ, Петруша, не даромъ зовется бойкимъ, да шустрымъ.

— Нѣтъ, это шалишь, сами идите, да и тащите, а я посмотрю. Эврика! Нашелъ! Миша, дай-ка сюда вилку, я его сейчасъ, какъ острогой приколю, заключилъ уже радостно нашъ другъ отвѣтную свою рѣчь, на наше предложеніе.

Миша моментально досталъ требуемое изъ охотничьей сумки и, задравши невыразимья, отправился къ Петрушѣ для врученія таковой.

О, молодчина, Мишель! Смотри, гдѣ стоитъ налимъ,—видишь? говорилъ Петя, показывая рукою мѣсто около громаднаго камня.

— Какъ-же вижу, вижу, шъ какой славный!

Наклонившись близко къ водѣ, Петруша старался вѣрно направить вилку въ налима, но игравшая около камня вода давала сильное преломленіе свѣ-

товыхъ лучей, и онъ, ткнувши вилкой въ налима,— промахнулся, но тѣмъ не менѣе, должно быть обезпокоилъ его, такъ тотъ моментально исчезъ, а Петруша обругалъ себя за промахъ.

Вглядываясь вновь около камня, онъ увидѣлъ, что налимъ опять стоитъ на томъ-же мѣстѣ. Это обстоятельство невольно вызвало изумленіе и возгласъ, обращенный къ Мишѣ:— „смотри смотри, этотъ скользкій дуракъ опять явился. Ну, пусть пеняетъ на себя, теперь шалить, постараюсь,—и будетъ онъ у меня на вилкѣ“. Еще тщательнѣе, осторожно опускается вилка въ воду и, ловко направленная, дѣлаетъ свое дѣло: налимъ болѣе полъ-аршина на вилкѣ, а Петруша, обратившись къ намъ съ улыбающимся лицомъ, говоритъ, что терпѣніе и трудъ все перетрутъ, а налимъ—это все-таки дуракъ не проходимый.

Остатокъ дня и вечеръ провели, гуляя въ окрестностяхъ деревни. Бодрствование съ ранняго утра, солидный моціонъ и пребываніе на вольномъ воздухѣ скоро сказались—и мы рано легли спать и моментально уснули тѣмъ хорошимъ, подкрѣпляющимъ сномъ, который присущъ истинному охотнику.

На другой день съ утра отправились прямо къ каменному перебору и начали ловлю въ 9 часовъ. До 11 часовъ рыба бралась также хорошо, какъ и наканунѣ; уже болѣе пятидесяти штукъ хариузовъ были пойманы, какъ вдругъ клевъ почти совершенно прекратился: не беретъ рыба, да и только. Володя бросилъ ловить, скоро надоѣло и мнѣ пустое перелбрасываніе мушки: что думаю, за чудо, куда дѣвалась рыба? Петруша былъ нѣсколько ниже насъ и я не утерпѣлъ, чтобы не спросить его, беретъ-ли рыба у него, и получаю отвѣтъ: нѣтъ, или очень плохо.

Тогда, обратившись къ Володѣ, предложилъ заняться приготовленіемъ завтрака, такъ какъ безъ дѣла скуч-

по, да и поѣсть уже хочется; пусть за насъ Петруша ловитъ одинъ, а какъ будетъ все готово, позовемъ и его. Предложеніе было принято, позвали на подмогу Мишу и приступили къ разжиганію костра и проч. Не прошло и полчаса, какъ вдругъ гдѣ-то далеко и глухо пронесся рокотъ громоваго удара; все стало ясно, вотъ она—разгадка, почему рыба перестала брать. Вскорѣ подулъ вѣтеръ, зашумѣли верхушки сосноваго бора, рѣчка рябью покрылась, смолкли голоса рѣзвыхъ птичекъ, все сильнѣе, порывистѣе становился вѣтеръ и, окрѣпнувъ, завылъ, засвисталъ по кустамъ и лѣсу; полетѣли оторванные листы, защелкали сосновыя шишки, еще уцѣлѣвшія отъ прошлаго года, падая на сухую землю. Какое-то щемящее чувство безпомощности и своего ничтожества удручаетъ душу въ такія минуты ожиданія стихійнаго явленія... Съ запада межъ тѣмъ, надвинулась грозовая туча, яснѣе становятся удары... Вотъ, закрыла она яркое солнышко, сразу все потемнѣло: трава, кусты и сосновый боръ; сдѣлалось невыразимо душно; и вотъ первыя крупныя капли дождя рѣзко упали въ воду, издавъ металлическій звукъ.

Скрыться было негдѣ... да и бѣжать некуда, а потому наскоро изображаемъ изъ короткаго непромокаемаго плаща Володи нѣчто въ родѣ тента и, забравшись подъ него, смирно ожидаемъ что-то будетъ.

Такая гроза и дождь обыкновенно какъ скоро приходятъ, такъ и уходятъ.

Дождь усиливается, переходитъ въ ливень, ослѣпительно сверкаетъ молнія красноватымъ огнемъ, и почти одновременно раздаются оглушительные удары, одинъ за другимъ. Жутко, но въ тоже время и хорошо, во благовремени такая Божья благодать: отдохнуть горныя покосы, оживятся зеленѣющія нивы.

Добрыхъ полчаса слѣдуютъ ударъ за ударомъ, дождь то усиливается, то стихаетъ... Но вотъ, солнце

опять озарило омывающуюся землю. Гроза прошла, прокатилась; по небу лентой цвѣтной изогнулась радуга, все вновь ожило; что за воздухъ, какъ весело все кругомъ, ярче изумрудный цвѣтъ травы и листы кустовъ; на нихъ брилліантами горятъ капли дождевой воды, и дышутъ дуга и лѣса неизъяснимымъ ароматомъ. Лишь быстрая рѣчка представляетъ полнѣйшій контрастъ: въ ней вода замутилась, къ ней несутся съ горъ цѣлые потоки дождевой воды и, шумно спадая съ крутыхъ береговъ, еще больше прибавляютъ мутн.

Прикрытіе насъ на спасло, мы были мокры до нитки; о дальнѣйшей охотѣ всякіе помыслы были оставлены, такъ какъ въ мутной водичкѣ рыбку ловить, говорятъ, хорошо, но рыбка эта не та, что для нашего брата, охотника, создана, а потому, собравъ пожитки и удочки, мы прямой дорогой пошли къ деревнѣ, а тамъ, наскоро пообѣдавъ, рѣшили возвратиться по домамъ.

Лошади скоро были готовы и мы, напутствуемые всякими лучшими пожеланіями добрѣйшаго хозяина Михаила Ивановича, выѣхали.

Все было-бы хорошо, но одно обидно, что наша рыба, которую мы наловили и самымъ тщательнымъ образомъ оберегали на охотѣ, то есть немедленно потрошили, слегка солили и перекладывали крапивой, а по прибытіи на квартиру отдавали на храненіе въ ледникъ,—тѣмъ не менѣе не убереглась. Вся рыба, что была поймана наканунѣ, испортилась, и только штукъ 20 изъ утренняго лова оказалось хорошей.

Вообще всякая рыба, ловленная лѣтомъ въ жару, долго не можетъ быть сохранена, а если къ тому же попадешь въ выше описанную погоду, то еще труднѣе сохранить рыбу, а хариуза и тайменя почти невозможно довести домой черезъ 6—10 часовъ послѣ лова—до того нѣжны эти породы,—что, конечно, не мало отравляетъ дорогихъ охотнику минутъ.

Этихъ неприятностейъ я избѣгалъ такъ, что принялъ за правило такъ-же, на мѣстѣ готовить консервы и пойманную рыбу мариновать или-же заливать хорошимъ прованскимъ масломъ. Въ этомъ и дугомъ видѣ рыба замѣчательно вкусна и сохраняется долго. Правда, возиться приходится со всякими баночками, скляночками и проч. т. п., но по крайней мѣрѣ не портишь напрасно рыбы и тѣмъ не отравляешь себѣ удовольствія.

Тяга на Уралъ.

I.

Да не посѣтуютъ на меня товарищи по страсти, что я святотатствую, ставя такое заглавіе, и осмѣливаюсь своимъ слабымъ перомъ сказать нѣсколько словъ о всѣми излюбленной истинными охотниками охотѣ, но прошу маленькаго вниманія и снисхожденія: можетъ быть, изъ дальнѣйшаго обрѣтутся, такъ сказать, нѣкоторыя смягчающія вину обстоятельства, а потому приступаю къ моему разсказу.

Въ весну 18** года, въ первыхъ числахъ мая совпали три дня праздниковъ, что мнѣ, служащему, дало, наконецъ, возможнымъ исполнить завѣтную мечту: прокатиться къ моему крестному брату Сережѣ Запчевскому, служившему въ то время въ Верхъ-Нейвинскомъ заводѣ припаснымъ надзирателемъ или что-то въ этомъ родѣ, и ознакомиться со всѣми восхваляемой тягой.

Верхъ-Нейвинскій заводъ—это имѣніе графини Стенбокъ-Ферморъ; въ немъ, въ горахъ Урала,—железодѣлательный заводъ и золотые промысла; тамъ же около селенія и того-же наименованія находится станція Уральской ж. д. отъ Екатеринбурга къ Перми, 3-ья по счету.

Дача Верхъ-Нейвинскаго завода обширна и полна самой разнообразной дичью, роскошными мѣстами для охоты. Живя тамъ цѣлое лѣто еще въ 70 годахъ, я успѣлъ ознакомиться со многими охотничьими мѣстами, но на тягѣ не былъ; судить-же о ней по разсказамъ не хотѣлось, такъ какъ убійства десятками вальдшнеповъ за вечерней летъ стрѣлками, далеко не первой руки, невольно внушали сомнѣнiе, а поэтому эти вѣсти, какъ и многія другія принимались съ осторожностiю, а подь часъ пропускались мимо ушей, какъ охотничье увлеченiе: „заврался, другъ, хотя и складно, ну, пусть повретъ, за это никакого взысканiя не полагается, потому вреда нѣтъ никому, а вотъ мы возьмемъ да какъ нибудь, непарокомъ, тебя и провѣримъ.“

Лиха бѣда рѣшиться, а сборы недолги, да и откладывать также резона не было, уже по одному тому—когда-то дождешься еще свободныхъ дней, а въ весеннее время надо этимъ пользоваться. Къ 4 часамъ наканунѣ 9 мая я былъ на вокзалѣ ст. Екатеринбургъ; народу немного или онъ уже попрятался въ вагоны, что поспѣшилъ сдѣлать и я; чрезъ 15—20 минутъ поѣздъ тронулся, унося и меня къ назначенной цѣли.

Замелькали въ окнахъ вагоновъ знакомыя мѣста: покосы, просѣки, озера и рѣчки—все это воскрешало то одну, то другую охоту, лаская натосковавшуюся за зиму душу отрадными воспоминашiями. Вотъ тутъ, около Исетскаго желѣзнодорожнаго моста былъ роскошный глухариный токъ, оставшiйся лишь въ воспоминашiяхъ немногихъ старожиловъ, благодаря тому, что линiя желѣзной дороги какъ разъ перерѣзала его на двѣ части, а открывшееся движенiе и постоянный шумъ паровозовъ и вагоновъ далеко отогналь эту птицу, а тутъ вотъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ст. Тарасково, была прелестнѣйшая тяга, гдѣ не одинъ

памятный вечерокъ проведенъ въ кругу задушевныхъ пріятелей—охотниковъ: версты же 3—4 въ сторону отъ станціи, въ дачѣ Билимбаевскихъ заводовъ, бывало, до пресыщенія охотишься на молодыхъ тетеревей, глухарей или дупелей въ обществѣ дорогого товарища Гриши, теперь уже отошедшаго въ иной миръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій... Его уже нѣтъ, но онъ живъ въ воспоминаніяхъ, какъ истинный охотникъ и товарищ, какихъ теперь день отъ дня становится меньше и меньше. Миръ праху дорогого друга!

Нѣсколько веретъ далѣе поѣздъ лѣтитъ около знаменитаго рыбнаго озера Таватуй, расположеннаго съ правой стороны пути и протянувшагося верстъ на восемь или болѣе; памятно оно удачными охотами на утокъ, да не разъ на немъ встрѣчалось раннее солнышко съ удочкой въ рукахъ за ловлей ершей.

Недалекъ уже путь—еще 20—25 минутъ и—станція Верхъ Нейвинскъ; невольно мысленно переносишься на предстоящую охоту: видимо, похвалы дѣйствуютъ и то веришь имъ, то не вѣришь—и, все таки, рѣшаешь на томъ, что, во всякомъ случаѣ, охота будетъ много лучше, чѣмъ подь Екатеринбургомъ, гдѣ тяги сильно потревожены, а мѣстами, по близости и совсѣмъ прекратилась велѣдствіе неустаннаго избіенія долгоносиковъ или отъ грома десятковъ ружей городскихъ и заводскихъ охотниковъ, а еще больше палилъ въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копѣчку, стрѣляющихъ во все и вся безъ стѣсненія—временемъ и мѣстомъ... Гдѣ тутъ мысли о правильной охотѣ,—мотивъ одинъ: мы де вырвались на вольную волюшку и нашему брату и здраву нѣтъ препятствій: жарь, бей сороку и ворону, а тамъ глядишь и до яснаго сокола доберешься... А и сколько же еще на Руси такихъ охотниковъ! куда только не кинься—вездѣ то они есть, какъ грибы послѣ дождя, и пока то они додумаются,

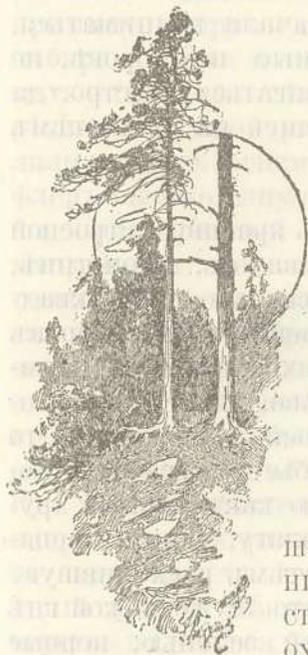
дожить до полного пониманія охоты не какъ злой забавы, шального разгрома и даже подъ часъ безобразій, а какъ дѣла серьезнаго, цѣлой глубокой науки,— много воды утечетъ. А наука эта нужна и дорога, намъ, а еще болѣе будущему поколѣнiю, какъ тотъ оздоравливающий элементъ, который укрѣпляетъ душу и тѣло, вырабатываетъ людей, полныхъ энергiи, и главное цѣльнаго—человѣка, въ полномъ смыслѣ этого слова, котораго въ нашъ вѣкъ золотого тѣльца и неусыпной погони за призраками—приходится встрѣчать въ жизни все рѣже и рѣже. Да оно и понятно, ибо цѣльная душа не можетъ избрать своимъ пребыванiемъ развалины, храмину хилую, ибо только въ здоровомъ тѣлѣ живетъ добрая душа. Охота и тутъ незамѣнимый помощникъ; пусть молодое поколѣнiе, при всякой возможности, всей душой рвется къ общенiю съ природой, полюбитъ ее и познаетъ въ ней Того, Кого никто ему не укажетъ, кромѣ матери природы; пусть она чистая, ясная будетъ его первою страстью, эта страсть благотворная, облагораживающая душу, а не то, что другія страсти, которыя ведутъ лишь къ пагубѣ, растлѣнiю правовъ и проч. Въ истинномъ сынѣ природы—охотникѣ, все другія страсти не могутъ имѣть мѣста, ибо она чистая охватила и заполонила все его существо любовью, правдой и добромъ ко всемъ и ко всему. Въ убѣжденiи лицъ, не принадлежащихъ къ средѣ охотниковъ, сложилось понятiе объ охотникахъ, какъ о какихъ то мясникахъ, живодерахъ и пр. т. п.; ошибка эта—заблужденiе жестокое, я знаю массу охотниковъ, которые во всю свою жизнь не зарѣзали себѣ курицы къ обѣду и никогда рука у нихъ на это не поднимется, между тѣмъ эти же лица прикалываютъ или прирѣзываютъ на охотѣ подраненнаго тетерева или зайца,—дѣлая это единственно изъ чувства сожалѣнiя, чтобы прекратить подранку мученiя. Охота, если вникнуть въ нее—глубже, есть завѣтъ Господнiй еще первому человѣку, а потому приписывать ей звѣрскiя наклонности, ставить укоръ

тому, кто ей увлекается, нѣтъ достаточнаго *raison d'etre*...

— Куда бы я забрался, фантазируя на эту тему,—рѣшить трудно, но пронзительный свистокъ паровоза, возвѣстившій близость станціи, прервалъ мои мысли; я высунулся въ окно вагона и, вглядываясь въ ожидавшую публику, отыскивалъ знакомое лицо брата Сережи; онъ былъ почти постояннымъ посѣтителемъ вокзала къ приходу и отходу поѣздовъ и—я не сомнѣвался, что его встрѣчу. Ожиданія мои увѣичались успѣхомъ; Сережа былъ тутъ и, конечно, меня не ждалъ. Наконецъ, поѣздъ остановился и я, захвативъ незамысловатый багажъ и выскочивъ на платформу, очутился лицомъ къ лицу съ Сережей, который такимъ сюрпризомъ былъ пораженъ и обрадованъ. Облобызавшись по родственному и болтая о томъ о семъ, потолкались между публикой тѣ шесть минутъ, что стоитъ поѣздъ,—и, проводивши его, усѣлись въ удобный легонькій коробокъ и покатали къ квартирѣ Сережи, бесѣдуя о всякихъ злобахъ дня и новостяхъ города.

Вечеръ этотъ былъ посвященъ семьѣ, такъ какъ въ этотъ день было рожденіе жены Сережи. Къ вечеру собрались заводскіе гости, всегда милые, веселые, дружные, не то, что наши городскіе; со многими я былъ знакомъ, но нашлись и такіе, которыхъ пришлось видѣть первый разъ и съ которыми меня познакомили,—и странно: въ этой семьѣ черезъ часъ, другой чувствуется такъ легко, какъ будто прожилъ съ ними цѣлый вѣкъ. Въ числѣ новыхъ знакомыхъ оказался одинъ страстный охотникъ, учитель заводской школы, Михаилъ Ивановичъ Пономаревъ, пресимпатичный молодой человекъ, перебравшійся еще въ прошломъ году изъ города, попустякъ мѣстомъ учителя уѣзднаго училища, благодаря только страсти къ охотѣ и рыбной ловлѣ. Къ концу вечера мы настолько съ нимъ сошлись, что порѣшили эти два дня провести на охотѣ вмѣстѣ, для чего онъ завтра

придетъ обѣдать къ Сережѣ, а затѣмъ мы ѣдемъ въ лѣсъ на тягу, и послѣ завтра на глухарей и тягу.

II.

а другой день, во время ранняго заводскаго обѣда, семья Сережи надумала присоединиться къ намъ, охотникамъ, и справить маевку. немедленно было рѣшено пригласить еще двѣ-три семьи, такъ что мы неожиданно, негаданно очутились въ компаніи человѣкъ пятнадцати, хорошо еще что это были любители природы, а то-бы все удовольствіе отравилось. Я врагъ большихъ компаній на охотѣ: нѣтъ въ нихъ долженствующаго порядка, стройности и той поэзіи, которая въ охотѣ выше всего. Начались суетливые сборы, такъ какъ рѣшено было ѣхать сейчасъ-же и пробыть въ лѣсу до заката солнца, послѣ чего дамамъ и дѣтшкамъ оставаться было дѣломъ рискованнымъ: весна въ Уралѣ сырая и съ очень рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду. Сборы кипѣли, всякій старался быть чѣмъ нибудь полезень, а потому все спорилось и не прошло полчаса, какъ наша компанія была готова. Веселы такіе сборы и мнѣ кажется, не любить ихъ нельзя.

Разсѣвшіеся въ экипажи самыхъ непряхотливыхъ формъ,—заводскія долгуши, допотопные тарантасы и шегольскіе коробки,—двинулись вверхъ по рѣчкѣ Бунаркѣ къ какому то холоднымъ ключикамъ. Сверхъ всякаго чаянія дорога оказалась превосходная, ѣзды было всего три—четыре версты, которыя мы прокатили не выдаючи за веселой болтовней.

Цѣль нашихъ странствованій—ключики находились въ полугорѣ, куда въѣхать нечего было и думать, поэтому у подножья горы мы сошли съ экипажей и, пустивъ ихъ впередъ, начали подниматься. Пеня, корни и камни, разбросанные по дорогѣ, не позволяли нашимъ экипажамъ двигаться быстро, да и мы, пѣшіе, помянуто спотыкались на пути, тѣмъ не менѣе опередили экипажи.

Въ скоромъ времени порѣдѣлъ красивый строевой сосновый боръ, впереди открывалось, попетинѣ, чудное мѣстечко: лужайка въ нѣсколько сотъ квадратныхъ сажень, съ кущею лиственничныхъ деревъ по срединѣ, только что одѣвающихся нѣжною изумрудною зеленью, а нѣсколько влѣво, къ вершинѣ горы нагромоздилась громада камней, образуя что то въ родѣ воротъ, и вотъ тутъ то бьетъ нѣсколько холодныхъ ключей, съ водою чистою какъ горный хрусталь, выбрасывая живительную влагу, звонко падающую на каменистое ложе, а затѣмъ расходившуюся по низу лужка, образуя болото. Лужокъ кой гдѣ начиналъ покрываться изумрудной зеленью; первые цвѣты поденѣжника высоко поднимались изъ сухой прошлогодней травы, да кой гдѣ начинала показываться едва распутившаяся душистая фіялка. Роскошный строевой лѣсъ, кольцомъ охватившій лужокъ, стоялъ, какъ изваяніе: ни одна игла не шевелилась, но онъ жилъ, обладавая захватывающимъ смолистымъ ароматомъ и былъ притономъ цѣлаго сонма веселыхъ гостей: вѣстниковъ вѣсны—птичекъ пѣвчихъ, неумолкаемо перекликавшихся. Солнце обладало своими теплотворными лучами этотъ лужокъ и лѣсъ, вызывая все къ новой жизни и бросая такія краски, оттѣнки которыхъ не передать, ихъ надо только видѣть, уииться ими и тогда они будутъ понятны. Охваченные этой волшебной картинкой, мы нѣкоторое время, такъ сказать, жили каждый своей внутренней жизнью, любуясь ею...

Но вотъ Михаилъ Ивановичъ призвалъ насъ къ дѣйствительности, проговоривъ: „Господа, какъ хорошо-то!... давайте будемъ костеръ палить“. Мы не приминули присоединиться на зовъ и отправились набирать хвою, которой въ нашихъ лѣсахъ не занимать: жги мѣсяца, такъ всей не сожжешь. Векорѣ, при дружной работѣ, два громадныхъ костра пылали яркимъ огнемъ, черный дымъ, какъ траурный флеръ высоко тянулся къ безоблачному небу и, какъ бы придавленный сверху, расплзался въ стороны вычурными зигзагами, блѣднѣя, исчезалъ беслѣдно, точно таялъ въ воздухъ. Не замедилъ появиться и самоварчикъ, добрыя барыни живо распорядились около него, и душистая влага пріятно задымилась въ стаканахъ и чашкахъ. За такимъ милымъ занятіемъ время летитъ незамѣтно, а такъ какъ было не болѣе пяти часовъ, то объ охотѣ рано было еще и думать. Къ моему удивленію, Михаилъ Ивановичъ вдругъ спросилъ: кончилъ ли я чаепитіе и если нѣтъ еще, то не мѣшаетъ поторопливаться, такъ какъ пора двигаться къ мѣсту, до котораго еще нужно четверть версты подняться въ гору. Я былъ увѣренъ, что пріятель шутить, торопя забраться на мѣсто такъ рано, а потому отвѣтилъ, что готовъ идти, но не раньше, пока онъ объяснитъ, что это за вальдшнепы, которые такъ рано начнутъ тянуть.

— Если хотите знать—какіе, то пойдѣте, сами увидите,—и сталъ собираться.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, развѣ пора уже?

— Право же пора, и то мы, кажется, замѣшкались, мнѣ даже показалось, что одного я слышалъ вонъ тамъ,—и онъ указалъ рукой на гору.

Послѣ этого сомнѣваться было нельзя, такъ какъ ни по тону голоса, ни по выраженію лица Михаила Ивановича о шуткѣ нельзя было думать. Распрощавшись съ компаніей, мы зашагали по едва замѣтной дорожкѣ къ вершинѣ горы.

По мѣрѣ того, какъ мы двигались, лѣсъ становился рѣже, начинала попадаться молодая поросль хвойнаго и лиственничнаго лѣса, да и строевой лѣсъ былъ ниже; векорѣ впереди лѣсъ прекратился, и мы вошли на чудный покосъ десятины въ двѣ, растянувшійся какъ просѣка, прямо, упираясь въ красивый смѣшанный лѣсъ; слѣва онъ примыкалъ къ молодому лѣсу, круто взбиравшемуся въ гору, а справа къ куреню,—такъ здѣсь называютъ мѣсто послѣ порубки лѣса,—уходившему круто подъ гору и уже мѣстами покрытому молодымъ лѣсомъ; нѣсколько дальше за этими мелочами возвышалась другая гора, много солиднѣе той, на которой были мы; она была сплошь покрыта строевымъ лѣсомъ, а тамъ внизу, гдѣ онъ сходилъ, образовался крутой логъ, въ немъ царилъ уже глубокий мракъ и кой гдѣ мѣстами лежалъ еще снѣгъ.

Мѣсто для тяги по всеѣмъ примѣтамъ должно быть недурное, и я имъ залюбовался, какъ вдругъ надъ нами раздался желанный по еще отнюдь нежданной хрипѣ и свисту лѣснаго красавца, тихо летѣвшаго кромкой покоса, но вѣвъ выстрѣла.

— А что? я вамъ говорилъ,—замѣтилъ Михаилъ Ивановичъ,—навѣрно, уже опоздали, и это не первый.

Что будешь говорить противъ очевидности, нужно было согласиться, что вальдшнепы здѣсь особенные и не признаютъ всего того, что о нихъ пишутъ и говорятъ, отступая или извращая свою жизнь и привычки,—но почему? нѣтъ дѣйствій безъ причины, а поискать ее не было времени, одно лишь ясно, что мы еще жизни и привычекъ вальдшнепа не знаемъ.

— Посмотрите, что будетъ дальше,—говорилъ Михаилъ Ивановичъ,—какъ только солнце закатится, они прекратятъ летъ и часа полтора снуется пойдутъ снова, да такъ до бѣла свѣта и жарятъ. Станемъ, однако, по мѣстамъ.

Я остаюсь здѣсь, мѣсто это мнѣ нравится, да и первый вальдшнепъ прошелъ тутъ, а я люблю становиться тамъ, гдѣ прошелъ первый вальдшнепъ.

— Ну и хорошо, будьте же счастливы, ни перети, ни пера!

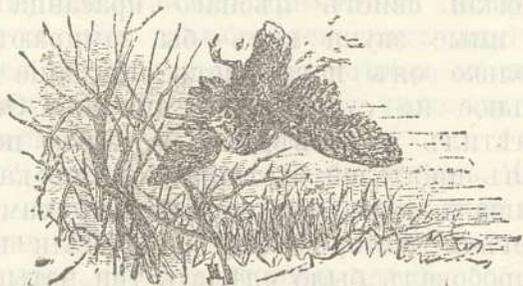
— Вамъ того-же и также. И Михаилъ Ивановичъ размашистой походкой зашагалъ къ мѣсту противъ меня. Ему на перерѣзъ, рѣзко хоркая, быстро летѣлъ вальдшнепъ; Михаилъ Ивановичъ призадержался на секунду, взмахнулъ было ружьемъ, но видя, что онъ летитъ не въ мѣру, ткнулъ пальцемъ въ высь, обернулся ко мнѣ и крикнулъ: „Видите, другой уже жарить, теперь пойдутъ,—успѣвайте только затворомъ хлопать да патроны мѣнять!“ и зашагалъ еще поспѣвшиѣ.

Солнышко стояло еще высоко, и въ воздухѣ царила невозмутимая тишина, прерываемая говоромъ мелкихъ птичекъ и заливистой пѣсней малютки дрозда; эти звуки мѣшали сосредотиться, и уловить желанное хорканье; но что значитъ охотничье ухо: лишь только легкій свистъ лѣснаго красавца коснулся его—все иные звуки какъ—бы замираютъ, онъ и одинъ только онъ поглощаетъ вниманіе охотника, все остальное не существуетъ для него. Особенность эту я замѣтилъ и провѣрилъ за собою не разъ, да спрашивалъ пріятелей охотниковъ и отъ cadaго изъ нихъ слышалъ тоже, что испытывалъ самъ. Вальдшнепы летѣли часто, но все время были внѣ выстрѣла; я пробовалъ было сдѣлать три, четыре выстрѣла только въ тѣхъ, что были надъ самой головой, но видя безрезультатность, призналъ себя побѣжденнымъ и, сложивъ оружіе, ждалъ, когда вальдшнепу заблагоразсудится летѣть нѣсколько ниже, ибо послѣднее должно наступить и по мѣрѣ того, какъ въ лѣсу темнѣетъ, птица спускается ниже.

Пришлось несказанно пожалѣть, что не взялъ я своего старика Лебеду, для котораго кажется не существовало выстрѣла не въ мѣру, разъ птица видна и взята на цѣль вѣрно, для новички-же, даже и съ чокомъ, выстрѣлъ не въ мѣру, какъ видно, существуетъ.

Михаилъ Ивановичъ со своей фузеей—передѣлкой изъ стараго солдатскаго ружья, время покоренія

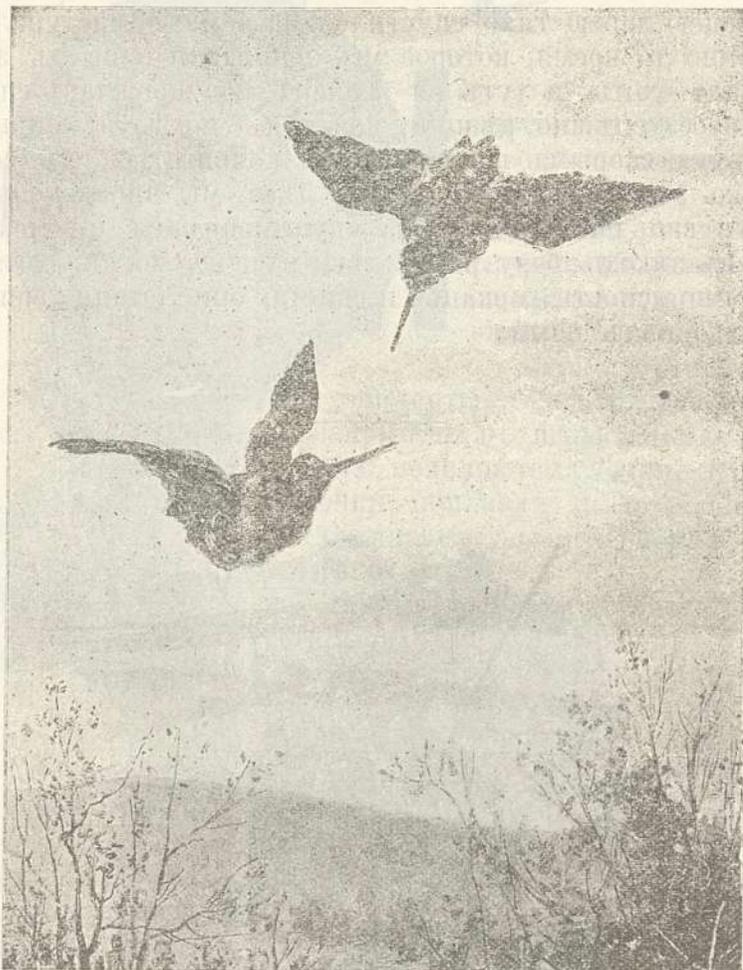
Крыма—быль счастливѣ меня: его выстрѣлы, гулко раздавались по лѣсу и повторялись эхомъ въ горахъ, были безвредны для птицы. Но вотъ онъ что то особенно тщательно и долго заряжаетъ ружье, отмѣривая зарядъ на глазъ и, окончивъ операцію, грозитъ кулакомъ влѣдъ улетѣвшему вальдшнепу. Въ это время у меня черезъ голову идетъ вальдшнепъ, тихо помахивая крылышками и какъ-то особенно звучно выводитъ свой храпъ и посвистъ, но, кажется, съ бекаса. Эхъ куда его нелегкая занесла! невольно подумалъ я,—а какъ бы снятъ то хорошо!... Погоди-же, вотъ тебя угоститъ Михайль Ивановичъ. Дѣйствительно, выстрѣлъ ахнулъ, иначе выразиться не могу, потому что послѣдовалъ такой громъ, отъ котораго, по моему, барабанная перепонка у стрѣляющаго была въ опасности. Птичка, какъ-бы подброшенная кверху,

перевернулась и турманомъ полетѣла внизъ, но не устоялъ на ногахъ и Михайль Ивановичъ: шлепнулся, бѣдняга, на спину,—здорово, видно, отдало ружье. Медленно поднявшись, Михайль Ивановичъ пощупалъ правое плечо, видно удостовѣряясь, цѣла-ли ключица, потеръ щеку, махнулъ разъ, другой рукой и приступилъ вновь къ зарядженію фузеи.

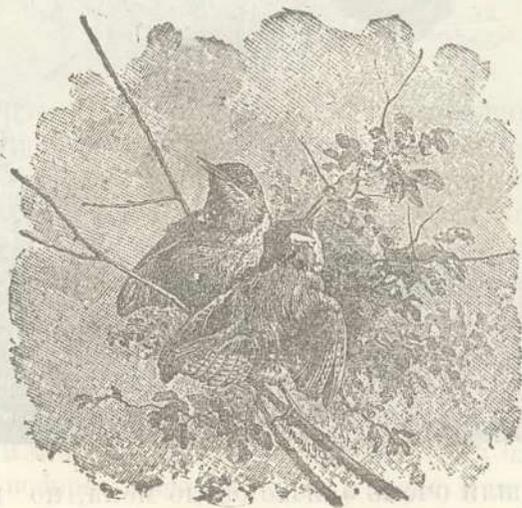
Мнѣ жалъ было товарища, но въ то-же время и смѣшно; вотъ, вѣдь, подумаешь, до чего доводитъ желаніе не острамиться, показать, что и мы де не лыкомъ шиты и можемъ, хотя-бы учинивъ себѣ членовредительство, возвратиться домой съ птицею и не ударить въ грязь лицомъ передъ товарищемъ по страсти.

Солнышко быстро склонялось къ западу; вотъ скрылось оно за вершиной горы, легкія тѣни легли на покосъ и стволы деревъ, повѣяло сыростью, тѣмъ не менѣе, до поэтическихъ сумерекъ было далеко, но зато вальдшнепы пошлі много ниже, и все чаще и чаще раздавался ихъ любовный призывъ; двѣ три

штуки прошли очень близко около меня, но нѣсколько кромкой высокого бора, и я никакъ не могъ уловить

момента для выстрѣла; но вотъ отъ лѣса, что былъ влѣво отъ меня, отдѣлился красавецъ и вышелъ на боковой выстрѣлъ; взятый вѣрно на мушку, онъ сложилъ свою буйную головушку, грузно упавъ на четый покосъ; велѣдъ за нимъ мнѣ еще удалось взять четыре штуки. Затѣмъ летъ вдругъ почти сразу прекратился. Солнце закатилось, и роскошный вечеръ съ горящею зарею тихо спустился на землю. Наступало именно то время, которое мы привыкли считать за начало охоты, а тутъ ей—конецъ, ибо прождавъ еще часъ безуспѣшно, рѣшили пойти къ дому, и, мирно бесѣдуя, скорымъ шагомъ стали подвигаться къ селенію. Уже выходя почти изъ лѣса, мы вновь услышали вальдшнеповъ, но за спустившимися сумерками въ такомъ бору разглядѣть ихъ не могли, хотя, судя по ясности хорканья и свиста, они летали очень близко надъ нами.

Ловля ершей лѣтомъ при озхѣ и случайный олехъ.

Каждому истинному охотнику, во время весенняго затишья по отношенію къ охотѣ на звѣря и птицу, свойственно увлекаться инымъ спортомъ—рыбной ловлей.

Ружья вычищены, вытерты и до Петрова дня запрятаны въ шкафъ. На смѣну имъ появляются удочки, лески, крючки, поплавки и другія принадлежности рыбной ловли. А тамъ и за дѣло.

Начну съ того, что мѣсто дѣйствія находится въ серединѣ Урала. Къ сѣверу отъ г. Екатеринбургa на 22-й верстѣ ключеваго заводскаго тракта и двадцатой верстѣ Верхотурскаго тракта. Отъ перваго вправо, а отъ втораго влѣво, лежитъ родниковое озеро Балтымъ, занимающее площадь около шести квадратныхъ верстѣ, при средней глубинѣ до трехъ аршинъ и только мѣстами глубже, но не болѣе пяти-шести аршинъ. Изъ этого озера проведена искусственная канава къ деревнѣ Балтымъ, первой почтовой станиціи на Верхотурскомъ трактѣ. Канава эта въ настоящее время представляетъ довольно порядочный цстокъ, несущій свои чистыя воды частью по покое-

60. ЛОВЛЯ ЕРШЕЙ ЛѢТОМЪ ПРИ ОГНѢ И СЛУЧАЙНЫЙ ОЛЕНЬ.

нымъ мѣстамъ, частью же строевымъ сосновымъ лѣсомъ, всего-же около десяти—двѣнадцати верстѣ и затѣмъ впадаетъ съ лѣвой стороны въ рѣку Пышму, служа первымъ ея притокомъ.

Тотъ берегъ, который ближе къ ключевскому тракту, гористъ и покрытъ чуднымъ и чудомъ сохранившимся отъ расхищенія лѣсомъ, противоположный-же отлогій и покрытъ прекрасными покосами, отдѣленными другъ отъ друга смѣшанными перелѣсками.

Мѣсто это и до настоящихъ дней настоящее Эльдorado глухариныхъ и тетеревиныхъ выводковъ.

Въ то время, а это, пожалуй, нужно уже десятками лѣтъ считать назадъ, озеро Балтымъ славилось изобиліемъ рыбы и въ особенности были хороши ерши и окуни; щука, карась, чебакъ и налимъ попадались сравнительно рѣдко, да и то только шли въ снасти; на удочку же превосходно ловились ерши и окуни. Послѣдніе не въ рѣдкость были по 2—3 фунта.

Конецъ мая стоялъ чудный! Земля, какъ говорятъ у насъ, распалилась т. е. оттаяла, и весна вступила въ свои права окончательно; воздухъ чистъ, прозраченъ и напоенъ ароматомъ цвѣтовъ отъ душистой фіялки, ландыша и нашей сѣверной розы—шиповника включительно. Самые послѣдніе заморскіе наши гости, пѣвчія птички въ сборѣ и уже огнѣздились. Лютуютъ ихъ звонкія пѣсни во всю ширь цѣлые дни и ночи.

При такой обстановкѣ провести день и ночь на лонѣ природы, отдохнуть отъ заботъ и волненій житейскихъ есть высочайшее благо, а, принимая во вниманіе, что къ этому можно еще ожидать значительнаго улова,—то и весело.

Мы съ отцемъ, какъ люди служилые, располагающіе свободнымъ временемъ лишь по праздникамъ,

порѣшили воспользоваться первымъ свободнымъ отъ занятій днемъ и поѣхать на озеро.

Желанный день насталъ. Парочка добрыхъ лошадокъ, запряженная въ помѣстительный охотничій коробокъ, терпѣливо ожидала насъ у подъѣзда. Сборы наши нѣсколько замѣшались отъ того, что матушка почти въ самый моментъ нашего отъѣзда рѣшила присоединиться къ намъ, такъ какъ, будучи страстной любительницей природы, она не въ состоянн была оставаться дома въ это по истинѣ лучшее время года. Но вотъ мы уже размѣстились.

Кучеръ молодцевато подобралъ возжи, свистнулъ, хорошо объѣзжанныя лошадки съ мѣста ровно понесли нашъ легкій коробокъ по широкой и ровной заводской улицѣ. Путь мы избрали по ключевскому тракту, имѣя въ виду сдѣлать версты двѣ—три лишнихъ, но зато выгадать отличное помѣщеніе на ночь и быть на берегу самаго озера. По эту сторону озера, какихъ нибудь тридцать шаговъ отъ крутого обрывистаго берега, съ роскошнымъ видомъ на озеро, находится заводскій кордонъ (лѣсной обрешной домъ), въ которомъ жили полнымъ хозяйствомъ давно знакомые намъ полѣсовщики Иванъ и Тома со своими женами, люди до безконечности симпатичные и услужливые.

Отдѣлявшее насъ двадцативерстное разстояніе мы проѣхали въ самомъ веселомъ настроенн; тѣ неровности, которыми отличаются проселочные заводскіе тракты, сглаживались умѣніемъ кучера управлять лошадками и удобнымъ экипажемъ. Еще часа два до заката солнца свернули съ торной дорожки на едва замѣтный колесный путь въ густомъ сосновомъ лѣсу и чрезъ какихъ нибудь десять минутъ были у кордона.

Насъ встрѣтила жена Ивана обычными при встрѣчѣ старыхъ знакомыхъ привѣтствіями и немедленно предложила свои услуги по разгрузкѣ нашего экипажа.

Кромѣ ея, на площадкѣ передъ кордономъ, подѣ кривой раскидистой сосенкой, мы замѣтили челоуѣкъ пять или шесть рыбаковъ,—то были крестьяне деревень: Балтыма, Пышмы и Мостовой, нѣкоторые изъ нихъ были знакомы мнѣ или отцу, какъ спутники по охотѣ или рыбной ловлѣ или же какъ бывшіе работники на нашихъ старотагильскихъ золотыхъ приискахъ.

Къ нимъ то мы и обратились за свѣдѣніями, какъ идетъ рыбная ловля.

— „Ну, господа, коли рыбачить пріѣхали, то не приказывайте лошадей откладывать, а напившись чайку, да погулявши, тѣмъ-же разомъ поѣзжайте назадъ. Мы вотъ, почитай, что съ недѣлю здѣсь околачиваемся, такъ и то не каждый день ушку ѣдимъ, не то, что продать,—нѣтъ рыбы и ни во что то она нейдетъ, ровно сошла куда и Господь ея вѣдаетъ, погода на удивленіе—нигдѣ то ни облачка, ни вѣтерка, озеро что зеркало, непогодь-ли, несчастья ждать не откуда, а рыбы все-же нѣтъ и нѣтъ,—хоть реви!“

Нельзя сказать, чтобы эта вѣсть была намъ по душѣ. Да и впрямь, ну, что если и завтра рыба устроить намъ такую-же штуку; вѣдь будетъ обидно, охотничья страсть и надежда останутся безъ удовлетворенія, это во первыхъ, а во вторыхъ, знакомые, узнавъ про нашу поѣздку, просили подѣлиться съ ними уловомъ, зная, что съ Балтыма безъ рыбы не возвращаются, и мы пообѣщали. Просмѣютъ ни за грошъ: не каждый въ душѣ охотникъ и пойметъ, посочувствуетъ неудачѣ, а до насмѣшки куда охотъ всякій!

Любилъ я отца безгранично и вѣрилъ въ его опытность и знаніе охоты во всѣхъ ея видахъ, такъ что и въ данномъ случаѣ, я почему то былъ убѣжденъ, что что-нибудь да есть у него завѣтное, когда на жалобу онъ совершенно спокойно замѣтилъ:—все

это хотя и нехорошо, но не такъ ужъ важно,—надо провѣрить, а тамъ уже видно будетъ.

Скоро зашумѣлъ пузатый самоваръ, принесенный гостепрѣимной хозяйкой и водворенный на разостланномъ коврѣ не далеко отъ берега; появилась чистенькая чайная посуда, закуски, чай и вино; все это пріятно манило насъ въ общество мѣднаго рыцаря, злобно клокочущаго и выбрасывающаго клубы пара, а послѣ совершеннаго нами пути чувствовалась настоящая потребность какъ въ чаѣ, такъ и въ закускахъ.

Пригласивъ въ свою компанію двухъ—трехъ мужичковъ, болѣе намъ знакомыхъ, весело болтая, принялись за вечернюю трапезу и долго засидѣлись.

Давно уже солнце скрылось за густымъ сосновымъ боромъ, окрасивъ его курчавыя верхушки въ послѣдній разъ какъ заревомъ. Исполдволь бѣлая ночь вступала въ свои права, на безоблачномъ небѣ, словно брилліанты, сіяли одна за другой звѣздочки, тонувшія въ куполообразной выси. Замолкли одна за другой пѣвчія птички, лишь одинъ пѣвчій дроздъ, забравшійся еще засвѣтло на самый верхній сучокъ гигантской листвянки, надрывался въ изліяніяхъ предъ своей подругой, переходя изъ трели въ трель или обрывалъ пѣсни рѣзкимъ соловьинымъ посвистомъ и тотчасъ же начиналъ вновь.... Гдѣ то уныло и глухо ухнулъ филинъ, безшумно, почти надъ нашими головами, пронесся сычъ и скрылся въ густомъ лѣсу.

Съ зеркальной поверхности озера легкой волной ползла на берегъ вечерняя сырость, заставившая плотнѣе застегнуть пальто.

Наступившая тишина озера нарушалась лишь время отъ времени легкимъ шуршаньемъ молодаго зеленого камыша, рѣзко прорѣзаннаго шмыгнувшею въ него рыбкою, или гдѣ нибудь рыбка, всплеснувшия

64. ловля ершей лѣтомъ при огнѣ и случайный олень.

по чистому плесу, булькнетъ водой однозвучно, слово по кто камешекъ бросилъ и вновь тишина....

Разговоръ нашъ вертѣлся все около одного предмета, обсуждавшася на всѣ лады со всевозможными быточными или несбыточными предположеніями,—какъ бы завтра наловить рыбы хоть немного.

Въ это время отцу пришла фантазія испробовать лѣтомъ способъ ловли ерша, употребляемый зимою очень успѣшно—это при огнѣ. Сообщивъ мнѣ объ этомъ вполголоса, просилъ подумать, какъ бы его примѣнить.

Будь у насъ коза съ собой, что употребляется при лученіи, дѣло бы упростилось: пристроилъ бы ее къ лодкѣ да и въ путь, а тутъ безъ этого пришлось приспособиться, приискать иной выходъ. Тѣмъ не менѣе, исходъ былъ найденъ, правда, нѣсколько сомнительный, но во всякомъ случаѣ въ то время единственный; рѣшено было такъ: разложить большой костеръ изъ сушника, на самомъ краю обрывистаго берега, вродѣ маяка, и, когда онъ разгорится, выѣхать по снопу лучей въ болѣе освѣщаемое имъ мѣсто.

Черезъ $\frac{1}{4}$ часа костеръ горѣлъ на славу,—широкая полоса свѣта ложилась по зеркальной поверхности озера на значительное разстояніе, было свѣтло, какъ днемъ. Мы, соблюдая возможную тишину, отплыли отъ берега саженой пятнадцать—двадцать и стали на два якоря, повернувъ лодку поперекъ свѣтлой полосы. Начали приготовляться, причемъ оказалось, что мы попали на песчаное дно, любимое мѣстопробываніе ерша, и не болѣе аршина съ четвертью глубиной. Удилье пришлось на донную, такъ какъ поплавковъ не было бы отчетливо видно; имѣя же въ виду, что ершь беретъ замѣчательно хорошо, безъ обмана, мы съ отцемъ даже предпочитали ловить его именно этимъ способомъ, потому что имъ не такъ и утомляешься, а, главное, удовольствіе получается какъ то полнѣе.

Направивъ по одной удочкѣ, мы имѣли намѣреніе бросить и еще двѣ, три, но наше намѣреніе пришлось отложить, такъ какъ въ это время спущенныя удочки дрогнули, ихъ тонкіе концы окунулись въ воду и еще моментъ—онѣ были бы переброшены за бортъ. Рыба беретъ. Подсѣчь и достать смѣльчака—дѣло минуты. Закидывая удочки, казалось, что насадка попадаетъ прямо въ ротъ рыбѣ,—такая масса ея подошла къ нашей лодкѣ.

Клевъ былъ по истинѣ замѣчательный, удивленію нашему не было границъ. Случалось мнѣ десятки разъ бывать до и послѣ этого на озерѣ, ловить ершей пудами, но такого жаднаго клева при обыкновенныхъ условіяхъ я положительно не помню. Повторя же ловлю при огнѣ, гдѣ позволяло мѣстоположеніе, результаты были схожи.

Ловя такимъ образомъ добрыхъ часа два, дно нашей лодки было сплошь покрыто не въ одинъ рядъ трепещущейся рыбкой. Охотничья страсть удовлетворена. Костеръ начиналъ тухнуть и рыба какъ будто не такъ ужъ охотно брала, а потому мы прекратили ловъ, снялись съ якорей и двинулись къ берегу, желая немедленно же попотчевать мать свѣжей ухой изъ ершей,—которую она любила до безумія и приготовляла восхитительно.

Пріѣздъ нашъ на берегъ и окликъ кучера съ приказаніемъ тащить ведерную корзину подъ рыбу, какъ электрическій токъ, поднялъ на ноги дремавшихъ мужичковъ рыболововъ. И на насъ посыпались ихъ шутки и остроты.

— Не надо-ли, господа, помочь Ивану и принести двѣ, три корзины, а то, поди, въ одну то не складеть всей рыбы.

— Ладно, ладно,—отвѣчали мы, посмотримъ, кто будетъ смѣяться; есть пословица: „смѣется тотъ, кто послѣдній посмѣется.“

— Ну, и горѣ рыбаки, ишь чего выдумали,—ночью рыбу ловить, червя на крючкѣ не видно,—поди, насаживая его всеѣ руки себѣ искололи.

Въ это время мы въ сопровожденіи Ивана подошли къ костру. Надо было видѣть удивленіе, написанное на лицахъ этихъ добрыхъ и простодушныхъ, заядлыхъ рыболововъ въ первый моментъ, когда глазамъ ихъ представилась до верху полная ведерная корзина милой рыбки и еще часть ея на добрую уху была у Ивана въ передникѣ.

— Ну, и господа! Да откуда вы добыли такую уйму рыбины? Никакъ слово какое знаете,—пра!

Мы подарили имъ частичку отъ нашего лова. Запешевелились, заговорили они всеѣ разомъ и чрезъ какихъ нибудь пять минутъ на берегу не было ни одного рыбака, они всеѣ, какъ сговорившись, сѣли въ свои лодки и отплыли на озеро.

На утро мы узнали, что тѣ изъ рыбаковъ, которые попали на наше мѣсто, т. е. въ освѣщенную еще полосу, поймали кто десятокъ, а кто и два, другіе же такъ безъ почину и возвратились.

Конечно, мы не преминули пояснить имъ, почему у однихъ былъ клевъ, а у другихъ не было; а такъ какъ и сами то мы примѣняли этотъ способъ въ первый разъ, то и просили при первомъ же случаѣ провѣрить и, что получится, намъ сказать. Крѣпко имъ это понравилось, примѣняли они его не разъ и всегда удачно, другихъ же они не посвѣщаютъ,—боясь какъ бы чудодѣйственная сила не утратилась.

Утро слѣдующаго дня дало намъ не мало наслажденій, рыба брала чудно, съ 3 часовъ до 5—клевали ерши преимущественно, и съ 5 до 10 уже пошелъ одинъ окунь—ровнячокъ (такъ $\frac{1}{2}$ ф. или три штуки въ фунтъ) попадались и крупнѣе, такъ фунтовъ до 3, но очень рѣдко.

Въ общемъ же за день мы съ отцемъ взяли рыбы болѣе двухъ пудовъ.

Въ это же утро передъ возвращеніемъ съ озера на долю отца выпала оригинальная охота на оленя по озеру, свидѣтелемъ которой мнѣ быть не удалось, ибо я былъ далеко отъ него, но вотъ какъ объ ней рассказывалъ онъ:

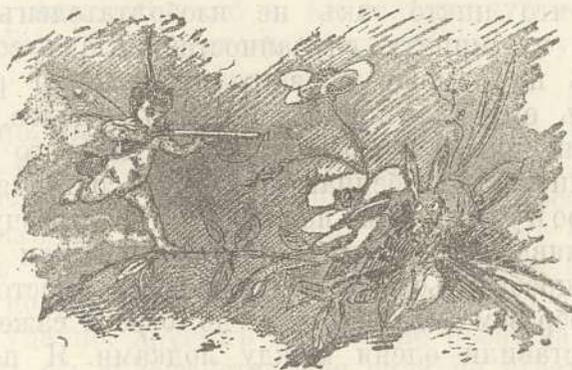
— Собрался я ѣхать къ берегу, подобралъ удочки, снялся съ якоря и только что сталъ заворачивать лодку, вижу кто то плыветъ съ той стороны озера, прямо на меня; было довольно далеко и сначала мнѣ показалось, что это гагара или крохаль, но, взглядываясь, вижу, что ошибся; нѣтъ это не утка и не гагара,—итакъ, не рѣшивъ еще, окунулъ весло въ воду, какъ это плывущее, замѣтивъ мое движеніе,—побочило и я ясно различилъ контуръ головы оленя, а тутъ показалась и часть его спины,—сомнѣнія быть больше не могло. Э, думаю, голубчикъ! нельзя-ли тебя взять! но на грѣхъ со мною, кромѣ ножа да веревки нѣтъ ничего; револьверъ остался въ шубѣ. Давно сказано, что никто такъ не изобрѣтателенъ, какъ охотникъ въ минуту случайностей. Планъ созрѣлъ: крикнувъ на помощь перваго попавшагося рыбака, объяснять ему планъ дѣйствій было недолго, а такъ какъ олень плылъ не быстро, то догнать его на легкихъ челнокахъ особеннаго труда не составляло.

Быстро и уже вдвоемъ поплыли мы на встрѣчу оленю и, поровнявшись съ нимъ, круто повернули назадъ и стали пробираться къ нему, убавляя разстояніе и такимъ образомъ, не доѣзжая до берега сажень десяти, поставили оленя между лодками. Я поймалъ его за уши и чуть приподнял изъ воды, рыбакъ-же въ этотъ моментъ ловкимъ ударомъ ножа перерезалъ ему горло и набросилъ петлю на шею; одинъ конецъ веревки былъ привязанъ къ моей лодкѣ, другой же рыбакъ намоталъ къ себѣ на руку и такимъ образомъ мы поплыли къ берегу, буксируя оленя. Онъ нѣсколько разъ брыкнулъ и уснулъ.

Выплывши на берегъ, рыбакъ принялся свѣжевать тушку, которую мы и подѣлили по ровну да у него же осталась и шкурка.

Олень оказался молодымъ самцемъ съ чуть пробиравшимися рожками и имѣвшій на головѣ свѣжую рану отъ пули, которая, содравши кожу съ черепа, не повредила кости, и навѣрно, уходя отъ преслѣдовавшихъ его собакъ и охотника, онъ бросился въ воду, чтобы тѣмъ избавиться, но участь его была рѣшена судьбой, и изъ подъ пули онъ попалъ подъ ножъ.

И съ рыбой и съ рѣдкой сравнительно дичью, мы, довольные проведеннымъ временемъ и удовлетворенные въ охотничьей страсти, возвратились къ ночи домой.

На Палкинскихъ поймахъ.

За утками.

Въ четырнадцати верстахъ отъ Верхъ-Исетскаго завода, при впаденіи рѣки Исети въ прудъ, пріютилась крошечная деревушка Палкина.

Противъ нея рѣка имѣеть замѣтное еще теченіе, но на $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ версты далѣе теченіе уже задерживается запрудой: рѣка выходитъ изъ низкихъ береговъ и на значительное пространство подтопляетъ дуга, изобильно поросшіе высокой осокой и мелкимъ камышомъ; это мѣсто и называется поймой.

Осенью, во время пролета водоплавающей дичи, здѣсь можно встрѣтить самыхъ разнообразныхъ ея представителей и въ особенности всѣхъ породъ утокъ; тогда—это чистое Эльдorado, которое притягиваетъ городскихъ охотниковъ сильнѣе, чѣмъ магнитъ—жельзо.

Я неособенный любитель утиной охоты, а никогда не могъ устоять отъ соблазна товарищей и не разъ провѣдывалъ это мѣсто; такъ было въ осень 187* года. Погода стояла чудная; былъ конецъ сентября. Утка шла валовымъ пролетомъ. И вотъ мой заядлый утят-

никъ Алеша Бесскій, съ утра заходилъ гоголемъ, послѣ того какъ мы рѣшили сегодня-же тронуться къ Палкиной...

Передъ выходомъ со службы, онъ еще разъ, столкнувшись со мной на лѣстницѣ, напомнилъ о поѣздкѣ, и успокоенный, крикнулъ, сядясь въ экипажъ: „Смотри-же, къ 4-мъ я буду!“

Сборы, конечно, не долги, обѣдъ между дѣломъ,— и лишь только загремѣлъ коробокъ Алешы у подъѣзда, я вышелъ къ нему навстрѣчу готовымъ въ путь.

— Вотъ молодчина, люблю за аккуратность!— вмѣсто привѣтствій, сказалъ онъ. Уложивъ въ коробокъ мои кой какія вещи, мы тронулись.

Къ Палкиной двѣ дороги—верхняя и нижняя; первая болѣе сносная, но версты на три длиннѣе, и мы, желая сократить путь, избрали нижнюю, что идетъ берегомъ пруда и покосами. Чалый рослый конь шелъ своимъ размашистымъ ходомъ; вотъ миновали заводъ и вскорѣ запрыгалъ нашъ легкій коробокъ по рытвинамъ, канавамъ, безчисленнымъ сосновымъ корнямъ, какъ змѣямъ протянувшимся черезъ дорогу; мѣстами больно отдавались рѣзкіе толчки то въ спину, то въ бокъ. Но что это за неудобство, когда впереди охота! Ёдемъ, мирно бесѣдуя о всякихъ злобахъ дня да покуривая папирасы.

Время летитъ, угасающіе лучи солнца едва уже золотили верхушки деревъ, когда мы достигли цѣли. Добрый чалый конь полнымъ ходомъ вынесъ насъ на пригорокъ, по которому расположилась деревня; вотъ промелькнули три четыре домика, и мы остановились у хаты Ивана, дѣльнаго охотника и нашего постоянного спутника въ лѣсу и на водѣ. Спрыгнувъ съ экипажа и войдя во дворъ, бы были непріятно удив-

лены видомъ городского экипажа, около котораго вертѣлся франтоватый кучеръ, а за нимъ у колоды стояла привязанная парочка гнѣдыхъ лошадокъ.

— Опоздали, братъ, мы съ тобой,—замѣтилъ Алеша:—кто-то насъ опередилъ!..

— Я, не отвѣчая ему, обратился къ кучеру и спросилъ: чьи это кони?

— Карла Карловича Эхтенштейнова,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Въ это-же время на незатѣйливомъ крыльцѣ дома Ивана показался самъ виновникъ нашего смущенія Карлъ Карловичъ Эхтенштейнъ, выкатившійся, точно шаръ, изъ избы и встрѣтившій насъ своимъ возгласомъ: „А-а-а, господинъ Штуартъ и господинъ Бесскій! это ошнѣ карошо, што двѣ лишнїи охотникъ ни идтна утки... будетъ икра, карошъ икра!..

Мы, пожимая ему руки, тоже отъ души говорили, что очень рады видѣть именно его, а не кого либо другого.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о Карлѣ Карловичѣ, ибо можетъ-быть, не разъ еще придется о немъ упомянуть въ моихъ воспоминанїяхъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ—онъ настолько симпатичный товарищъ по охотѣ и „расприкрасный господинъ“, какъ говорилъ о немъ Иванъ, что я ни минуты не сомнѣваюсь, что товарищи по страсти не поставятъ мнѣ въ упрекъ нѣкоторыя подробности.

На видъ Карлу Карловичу лѣтъ 40, а можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, даже и съ хвостикомъ, роста онъ ниже средняго, ноги короткія, туловище длинное, а посему его фигура не „фигуристая“, а если взглянуть на него, когда онъ въ охотничьемъ костюмѣ, то есть въ широкихъ шароварахъ, необъятной блузѣ или чуть не ниже колѣнъ шведской куртки, и выше

колѣнѣ съ громадными раструбами сапогахъ, то онъ положительно напоминаетъ боченокъ на ножкахъ съ пробкою ввидѣ головы на едва замѣтной шеѣ. Лицомъ Карлъ Карловичъ круглъ, и оно всегда тщательно выбрито и нѣсколько лоснящееся; глаза голубые, маленькіе, сидятъ въ едва замѣтныхъ щелочкахъ, обрамленныхъ уже морщинками, но до сей поры бойкихъ и не безъ лукавства; носъ, ротъ и проч. можно опредѣлить однимъ словомъ—обыкновенные, и безусловно занимаютъ соотвѣтствующія мѣста; темно-русые волосы на головѣ коротко острижены и не лишены серебристаго отбѣнка. Характеромъ онъ мягокъ и доброты необычайной. Говоритъ не громко, не торопясь и, какъ истый нѣмецъ, гдѣ только можно, восхваляетъ себя; сташно любитъ рассказывать и непремѣнно говоритъ по русски, присовокупляя при этомъ, что всякій иноземецъ, чувствующій всю благодарность ко второй своей родинѣ, обязанъ говорить на томъ именно языкѣ, который считается роднымъ въ этой странѣ. Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что онъ не дуракъ время отъ времени выпить, но тутъ есть „но“—онъ женатъ. Супруга его, толстуха Терезія Карловна, не сочувствуетъ вышеупомянутому влеченію, а потому, изыскивая выходъ къ обходу этого, Карлъ Карловичъ почувствовалъ въ себѣ приливъ охотничьей страсти, противъ которой, не видя военной хитрости, Терезія Карловна, не только ничего не возражала, но, напротивъ—поощряла, какъ явленіе полезное, и Карлъ Карловичъ, пользуясь этимъ, билъ двухъ зайцевъ: стрѣлялъ (я не говорю убивалъ: это подѣ сомнѣніемъ) и... и выпивалъ, выпивалъ не такъ, какъ пьютъ сапожники, нѣтъ, а такъ—до полнаго веселья.

Изъ вышесказаннаго, полагаю, будетъ ясно, почему мы, какъ только увидали виновника нашего смущенія, не упали духомъ: Карлъ Карловичъ былъ не страшень, какъ соперникъ по охотѣ.

Въ чистой половинѣ избы Ивана, куда мы вошли, на столѣ стоялъ уже заглохшій самоваръ, а около него симметрично расположены всевозможнаго рода закуски, тутъ-же красовались бутылка—всероссійской живительной влаги и заграничный финь-шампань.

Карлъ Карловичъ тотчасъ-же, какъ только мы водворились, предложилъ намъ одинъ стаканъ „шай или рюмка вотки“.

Какой тутъ чай, давайте лучше по-единой для храбрости,—откликнулся Алеша за себя и меня.

— О, это, конечно, сами лучи! Финь—одеръ вотка?..

— Финь рано: фундаментъ долженъ быть Россійскій, наливайте, Карлъ Карловичъ, свѣтленькой.

— А гдѣ-же Иванъ?—прервалъ я Алешу, ибо меня занималъ больше вопросъ, какъ и съ кѣмъ мы поѣдемъ на пойму, а не съ какой водки начнемъ выпивку.

— Иванъ? О, онъ ушли лотки нимношко воды выливайть, нушно ѣхать на пойма: утки скоро летайть будетъ..

— Да вотъ и намъ кого нибуть нужно: одни не уѣдемъ, вы тутъ изоцряйтесь въ выпивкѣ, а я схожу къ нему; но только что я хотѣлъ выходить, какъ дверь широко распахнулась, и въ комнату ввалился, неуклюже шагнувъ чрезъ высокій порогъ, самъ Иванъ, говоря: „Пожалуйте, все готово!“

— Какъ готово?—почти въ одинъ голосъ спросилъ я и Алеша.

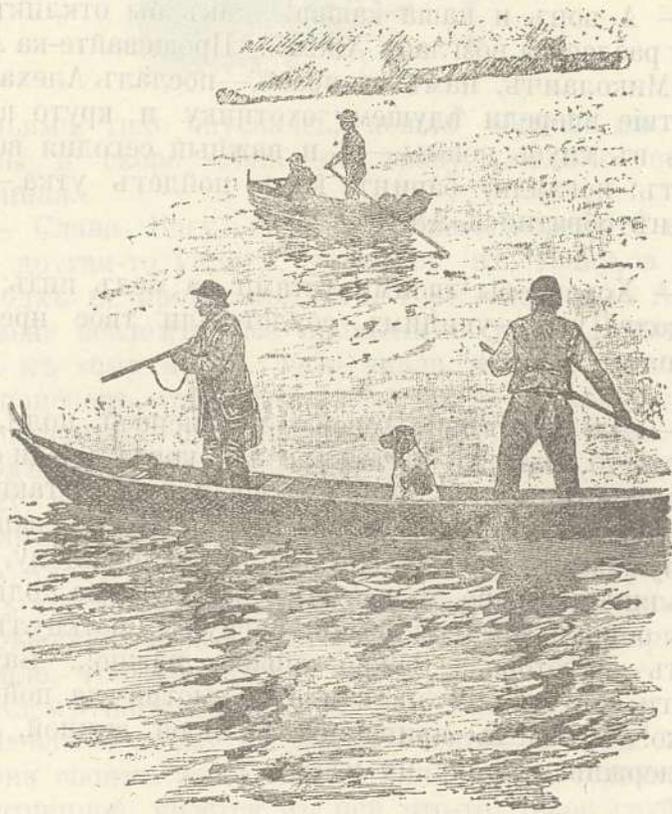
— Говорю готово, значитъ, надо ѣхать и все,—повторилъ Иванъ, самодовольно улыбаясь.—Во, глядите на рѣку,—указывая рукой въ окно, продолжалъ Иванъ,—вотъ это вамъ провозатые Петруха и Алеха; я, значитъ, еще упризорилъ васъ, какъ это вы къ

мосту подвѣзжали, сейчасъ это и побѣгъ къ брату Петру да и Алеху крикнулъ,—знаю ужъ зачѣмъ ѣдете, а они, ишь народъ-те вакуратный,—туть и есть. Айда-те—пора: утка того гляди, пойдетъ на пойму!.. Табунокъ важнѣйшій ишлохвости сейчасъ палъ къ Свѣтлинскимъ.

Больше приглашеній повторять не пришлось; мы, живо взялись за ружья и предводительствуемые Ивановомъ пошли черезъ огородъ къ лодкамъ и на ходу сговарились—кому съ кѣмъ и куда ѣхать. Я взялъ себѣ Алеху, Алеша—Петра, а Ивана предоставили Карлу Карловичу и, по разъ заведенному порядку, оговорились, что сядемъ на свои излюбленные мѣста; у меня и Алеши такія были, а Карлъ Карловича Иванъ рѣшилъ вести къ Свѣтлинскимъ, гдѣ, правда, мѣсто лета было самое лучшее, но утки шли такъ высоко, что добыть ихъ было очень и очень трудно, развѣ что подъ конецъ перелета, когда становилось совсѣмъ почти темно, тогда птица спускалась низко; но для такой стрѣльбы нужно кошачьи глаза или громадный навыкъ бить на вскидку, качествами этими Карлуша далеко не владѣлъ.

Вотъ мы уже въ лодкахъ. Неслышно скользнули утлые легкіе челноки по илистому берегу на заснувшую поверхность рѣки и, слегка качнувшись отъ толчка, порывисто поплыли, разрѣзая то кустикъ высокой осоки, то черкнувъ бортомъ о кочку или едва показавшійся изъ воды мелкій камышь; еще нѣсколько сильныхъ ударовъ весла и мы вылетѣли на чистое плесо, или русло рѣки, бойко пошли по теченію. Нѣкоторое время наша маленькая флотилія шла вмѣстѣ, но вотъ близко и то мѣсто, гдѣ рѣчка вышла изъ береговъ и далеко подтопила правый берегъ, поросшій высокой осокой, низкорослымъ стрѣльчатымъ камышемъ, водяными лиліями и особаго рода водянымъ растеніемъ, покрытымъ красными цвѣточками, которые распускаются только позднею осенью. (научнаго названія этого растенія, къ несчастью, сказать

не умѣю, ибо не слышалъ); крестьяне-охотники называютъ его „утиной кашкой“—и не безъ основанія, ибо утки страшно любятъ жировать именно тамъ, гдѣ растетъ эта кашка, уничтожая иногда за ночь весь цвѣтъ на данной площади. Площадь-же, захватываемая этимъ растеніемъ, никогда особенно значительной не бываетъ, и гдѣ разъ оно появилось, тамъ вытѣсняетъ другія водоросли, даже такую, какъ лилія, рѣдко можно встрѣтить совмѣстно съ кашкой. Мнѣ и Алеши предстояло свернуть на пойму; крикнувъ Карлу Карловичу—„Прощайте!“ мы круто

повернули въ траву. Пріятная тишина хода лодки

сразу нарушилась; не булькаетъ, не играетъ больше вода у ея носа: она зарываясь въ траву, раздвигаетъ ее, трется борта о траву и камышъ, то щелкая, то скрипя такъ, что морозъ по кожѣ пробѣгаетъ... Трудно приходится гребцу по этой поймѣ: вода мѣстами $\frac{1}{4}$ аршина, а то и того меньше, на веслѣ идти невозможно, приходится употреблять его, какъ шестъ, упирая въ мягкое илистое дно; но наши возницы—народъ привычный—дѣло свое знаютъ прекрасно: лодки идутъ хорошо, тѣмъ не менѣе, ждешь не дождешься, скоро-ли доберешься до мѣста.

— А вонъ и наша кашка!—какъ бы откликъ на думу раздается возгласъ Алехи.—Прощевайте-ка Алексѣй Николаичъ, намъ въ право,—послалъ Алеха привѣтствіе впереди ѣдущему охотнику и круто повернулъ въ глубь поймы.—А и важный сегодня вечеръ будетъ; погляди, баринъ, какъ пойдетъ утка,—уже ко мнѣ обратился Алеха.

— Хорошо-бы твоими устами да медъ пить; вотъ не долго ужъ—увидимъ, сбудется-ли твое предсказаніе.

— Да ужъ вѣрно говорю, не впервой, поди, выѣзжать-то. Эхъ, не приѣзжали вы, когда дожди были: ужаси, что только дѣлалось на поймѣ, я таки пользовался малость, да все не то, что съ вашими-бы ружьями: скоро больно заливаетъ наши, ну, и не стрѣляютъ. Право, я все вамъ завидую: на поди—ни тебѣ осѣчки, ни тебѣ возни: нагнулъ, воткнулъ патронъ—и готово... Важно, право, важно!.. Баринъ, береги табунъ, на насъ идетъ, смотри на пойму,—низко! и Алеха пригнулся за моей спиной, ловко придерживая лодку на мѣстѣ.

Нѣсколько штукъ свѣзей коломъ пошли вверхъ, шагахъ въ сорока передъ носомъ лодки; я вскинулъ

ружье и вздвоить: одна утка тутъ-же комомъ упала, а другая перевернувшись въ воздухъ и сильно махая

крыльями, тихо опускаясь, пошла обратно въ глубь поймы и скоро съѣла въ траву, видимо сильно раненная.

— Слава Богу, начало доброе: перва-то наша, вотъ другая-то уйдетъ, утянется въ траву, а тамъ на лодкѣ не проѣдешь... Эхъ, горе!—говорилъ Алеха, доставая весломъ уже найденную утку. Подвинувшись къ тому мѣсту, гдѣ упала вторая, пришлось отъ поисковъ отказаться, ибо Алеха не ошибся въ предположеніи: были кочки и мелко, она ушла.

Сдѣлавъ небольшой кругъ, мы выплыли на площадку, сплошь покрытую кашкой, подвинулись къ срединѣ, раздвинувъ кормой высокую осоку, причемъ Алеха, чтобы лодка не двигалась, согнулъ осоку съ той и другой стороны лодки себѣ на скамейку и, усѣвшись на нее, проговорилъ: „Вотъ и прикола не надо, что твои якоря!“

Ждемъ настоящаго лета.

Люблю я пойму въ ясный осенній вечеръ: хороша она своимъ золотымъ одѣяньемъ и торжественной тишиной; кроется въ ней что-то такое глубокое, таинственное, что такъ успокоительно, умиротворяюще дѣйствуетъ на душу. И кажется мнѣ, что не-

далекъ я буду отъ истины, если скажу, что это временное затишье, какъ сонъ, обѣщаетъ пробужденіе. Величіе Творца вселенной здѣсь сказывается во всей Его силѣ, и вотъ эта то сила подымаетъ, бодритъ духъ, миритъ со всѣмъ и всѣми, вселяя несокрушимую надежду на Его Милость, на хорошее будущее... Винавать, мои разсужденія могутъ быть и не интересны, но я уже не разъ оговаривался, что мои записки не будутъ отличаться послѣдовательностію, изысканностію и проч. атрибутами, такъ присущими присяжнымъ литераторамъ; я не изъ нихъ и не ищу себѣ сего почетнаго званія,—нѣтъ, а пишу то, что думаю, то, что перечувствовалъ и, можно сказать, пережилъ, а потому да не поставятъ мнѣ дорогіе читатели въ вину всякія вольныя или невольныя отступленія.

Продолжаю. Оглядываясь кругомъ, провожу мысленно убойныя линіи, какъ паукъ раскидываю смертоносныя сѣти и... и невольно въ тысячный разъ восхищаюсь открывшимся видомъ: вонъ тамъ на востокъ и югъ-востокъ, тонуть, какъ-бы убѣгая въ даль, Свѣтлинскіе острова и мысъ Гамаюнъ, которые разступились, чтобы дать свободу тихой рѣчки Исети, а тамъ за ними, я знаю, она разрослась въ 9-ти верстное спокойное плесо заводскаго пруда. Какъ острова, такъ и мысъ покрыты еще сплошь смѣшаннымъ лѣсомъ, и теперь этотъ лѣсъ слился въ одну сплошную темную массу, чуть,—чуть волнообразную на темно-синемъ сводѣ неба; пройдетъ часъ, другой—и все это сгладится осеннею ночью, потонетъ въ ея мрачномъ колоритѣ. Совеѣмъ не то на зарѣ: угасающіе лучи дневнаго свѣтила, скрывшагося за горизонтомъ, расплываются, бѣгутъ по небу и изъ золотистыхъ, все блѣднѣя и блѣднѣя, сливаются съ нѣжно-голубою высью неба, постепенно принимаютъ болѣе густую окраску къ востоку, гдѣ уже выплываютъ червыя звѣзды. На зарѣ ясно выступаютъ отдѣльныя могучія сосны и ели, что, какъ часовые, оберегаютъ

верхушки ближайшихъ горъ; такъ и кажется въ надвигающихся быстро сумеркахъ, что растутъ, тянутся въ высь эти горы и лѣса, какъ бы силясь подсмотреть, куда такъ рано скрылось все оживляющее солнышко. Мягко тонуть въ сумеркахъ бѣдные хижины у подножья горъ... Вотъ вспыхнули одинъ за другимъ огни въ ихъ окнахъ, ярко-красной полоской черкнуло въ зеркальной поверхности рѣки ихъ отраженіе и затерялось въ травѣ. А тихо-то, тихо какъ на водѣ,—развѣ рыбка или бойкая норка однозвучно булькнутъ, метнувшись въ осокѣ, и нѣжно нарушаютъ этотъ дивный покой.

Зато эта глубокая высь, что опрокинулась куполообразно надъ грѣшной землей и смотрится въ заснувшія воды, какъ въ зеркало, начинаетъ жить лихорадочной жизнью... Высоко, шумя бойкимъ крыломъ и характерно посвистывая, несется табунъ шилохвостей, свѣздей или бойкихъ чирковъ, бѣшено мечутся эти стаи изъ стороны въ сторону, то бросаясь камнемъ въ траву или чистое плесо, или коломъ поднимаясь въ высь, или ясно обрисовываясь на зарѣ, или исчезая изъ глазъ, попавъ въ линію лѣса или горъ.

Давно уже зорко слѣдишь за этими перелетами, но выстрѣла дѣлать не приходится: дичь въ недосигаемой вышинѣ. Два выстрѣла, почти слившіеся,—Алеши и Карла Карловича—возвѣстили начало охоты; какъ будто этого только сигнала и дожидались утки: сразу пошли онѣ ниже, открылась частая стрѣльба, но, какъ всегда, не особенно губительная, развѣ что изъ десяти падали 2—3.

Добрыхъ часа полтора продолжается такая перестрѣлка, пока набѣжавшія сумерки не налагаютъ свое veto: уже и на зорю ничего не видно.

Смодкли выстрѣлы моихъ пріятелей; вотъ слышны мѣрные взмахи весель, отчетливо несущіеся по водѣ, а разговоръ пріятелей, что поднесень; они

ѣдутъ рѣкой; тронулись и мы. Къ мѣсту привала прибыли почти все вмѣстѣ.

Алеша и Карлъ Карловичъ стояли уже на берегу, и Карлъ Карловичъ восхищался стрѣльбой.

— Ню, карошій пилъ стрѣлка!.. Ай, ой карошій! Вотъ это окота, я понимаютъ... Серца такъ рата, такъ рата, какъ это пафъ, пафъ, пафъ, пафъ... О-о! я тавно такій громъ не слышитъ!..

— Стрѣляли на совѣсть, а вотъ кто сколько убилъ—это-бы интересно,—отозвался Алеша.

Да что—стыдно сказать: я, другъ, только 3-хъ взялъ, и двѣ или три потерялъ.

— Я, значить, больше твоего... Нука, Петра, тащи нашу дичь... Видите: цѣлая связка—шесть штукъ.

— Что-же Карлъ Карловичъ не хвастаешь,—подхватилъ Иванъ,—аль стыдно.

— Ню, што—стыдно, я плокой стрилокъ, они меня знайтъ, я пилъ только одинъ утки, но ранилъ ошинъ много, они падалъ такъ ниловка, што ни мошно доставайтъ, а падалъ!.. Шортъ снайтъ, какъ я сегда горяшится эти утки! никакъ ни мошно себя диржить... Тругой птицъ и свѣрь я клатнокровно стрилать, а утки нимошна такъ!..

— Это вы бросьте, Карлъ Карловичъ не горячились, а просто стрѣлять не выучились еще по уткамъ,—это вѣрно. Эхъ, пожалѣлъ я, что не взялъ свово ружья сегодня, задалъ-бы зорю уточкамъ, попомнили-бы онѣ меня! Вѣрите-ли, воспода, до ужасти множество ихъ было и, какъ на притчу, съ вечера-же низехонько пошли, знамо чуютъ, кто ихъ пужать выѣхаль, ну и пужаль здорово, а теперь на поди: онѣ горячился!.. Сваливай не сваливай, Карлъ Карловичъ, на горячку, а одно—стрѣлять ты не умѣешь, либо дробь у ты къ лунѣ притягиваетъ,—такъ закончилъ Иванъ свой спичъ по адресу Карлуши, пока мы шли къ дому.

Вотъ и гостепрѣимная хатка. Прѣятно послѣ утомительнаго сидѣнья въ лодкѣ и порядочной сырости

на водѣ, успѣвшей добраться даже до тѣла, очутиться въ теплой ярко освещенной избѣ около кипящаго самовара, поданнаго заботливой женой Ивана, лишь только мы вступили на берегъ. Закусывая и болтая о только что пережитомъ удовольствіи, долгій осенній вечеръ коротается незамѣтно, время бѣжить—пора ужъ и спать, тѣмъ болѣе что на завтра охота предполагается съ разсвѣта, и, чтобы не мѣшать другъ другу, мы рѣшили раздѣлиться такъ: я поѣду на пойму, такъкакъ потомъ желаю походить по ней же за бекасами; Карлъ Карловичъ—на прудъ за Свѣтлинскіе острова, а Алеша на мелкое озеро.

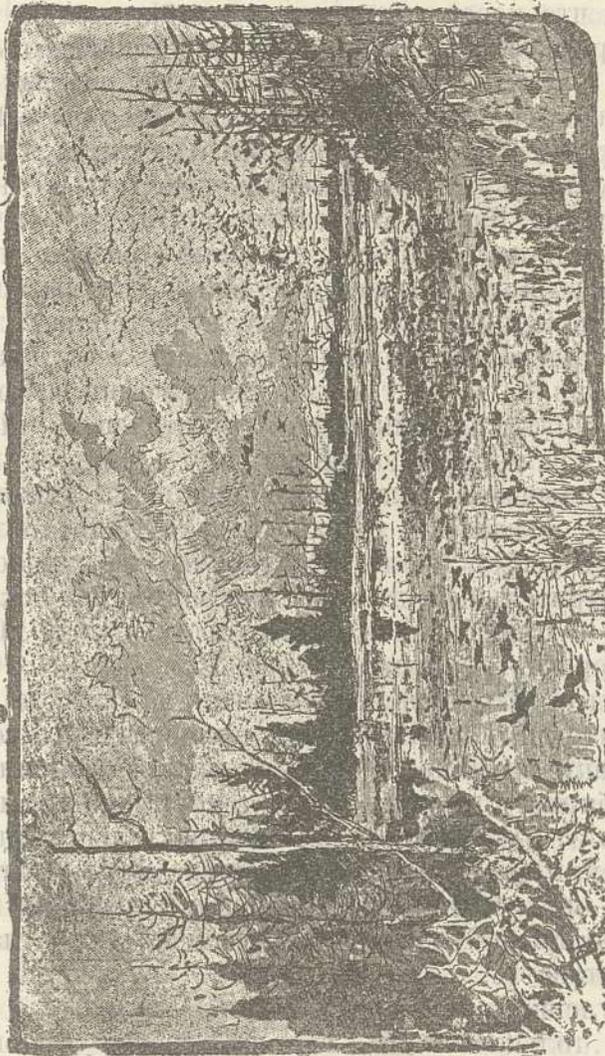
Наши возницы угощены и давно уже разошлись по домамъ; одинъ только Иванъ не оставляетъ насъ, но какъ только мы выразили желаніе лечь спать,—онъ отправился и притащилъ охапку сѣна, положилъ среди комнаты и прикрылъ сомнительной чистоты дырявой кошмой, предоставляя намъ самимъ выдумать изголовья, а такъ какъ подушекъ у насъ съ Алешей не оказалось, то сапоги и ягташи сослужили эту службу; Карлъ Карловичъ—же, человѣкъ предусмотрительный, досталъ резиновую подушку, надулъ ее и, приглаживая рукой, проговорилъ: „О это ошинъ корошъ, практичный вещь!“

Незамысловато ложе охотника въ деревнѣ, но тѣмъ не менѣе рѣдко гдѣ, пожалуй придется такъ хорошо спать, какъ на немъ. Подъ утро долгая осенняя ночь дастъ себя знать: занюютъ бока, затечетъ рука или нога—и только эти обстоятельство заставятъ измѣнить положеніе или проснуться, а то спишь, какъ убитый, и странно—при этомъ почти никогда не проспишь дольше, чѣмъ нужно, словно кто то шепчетъ тебѣ на ухо: „пора вставать.“

Мы улеглись и скоро заснули.

Чуть только заалѣлъ востокъ, бросая бѣловатый свѣтъ въ окна нашей квартиры, мы встали, наскоро выпили по стакану чаю и вновь съ тѣми же провожатыми отправились въ путь. Какъ ни спѣшно мы

собирались, но день просыпался быстрѣе: на безоблачномъ небѣ уже ясно выступили Свѣтлинскіе острова и мысъ Гамаюнъ съ ярко озаренными верши-

нами лѣса, но подножія ихъ еще кутались въ сгустившемся туманѣ; туманъ этотъ лѣниво волновался

и ползъ по рѣкѣ и поймѣ туда, гдѣ всходило солнце, какъ-бы тяготѣя къ нему; но лишь только попадалъ онъ подъ проникающіе лучи, какъ тихо поднимался въ высь, обращаясь въ легкія, перистыя облака и заволакивая все выше и выше стоящій дѣсъ. открывалъ его мощные комли.

На томъ же мѣстѣ, гдѣ вчера свернули мы въ пойму, мнѣ, какъ ближайшему къ мѣсту охоты, пришлось и открывать ее первому. Не сдѣлалъ я и полсотни сажень, какъ почти изъ подъ самага носа лодки порвались утки; два выдержанныхъ выстрѣла сдѣлали свое дѣло, чисто вырвавъ изъ табуна парочку красивыхъ шилохвостей. Громоу пронеслись надъ поймой эти рѣзкіе звуки, откликнулись эхомъ въ горахъ и всполошили мирно жировавшихъ по близости утокъ. Заметались онѣ по поймѣ съ тревожными криками, но покинуть ее не рѣшались, а лишь перемѣщались все дальше и дальше при приближеніи лодки. Еще нѣсколько такихъ выстрѣловъ,—утки сдѣлались неприступными, снимаясь вѣтъ выстрѣла и, взившись въ высь и сдѣлавъ два три круга, уносились прочь, чрезъ горы, на мелкое озеро или на прудъ.

Послѣ первыхъ моихъ выстрѣловъ, выстрѣлилъ и Карлъ Карловичъ, но затѣмъ съ его стороны не доносилось болѣе ни звука; меня это заинтересовало, тѣмъ болѣе, что онъ былъ много ближе ко мнѣ, чѣмъ Алеша, а отдаленные выстрѣлы послѣдняго нѣтъ—нѣтъ да и доносились до меня. Моей охотѣ скоро конецъ. Я сдѣлалъ послѣдній заѣздъ по поймѣ, подвигаясь къ деревнѣ, но дичи почти уже не было въ тѣхъ мѣстахъ, куда бы я могъ пробраться на своей легкой ладѣ.

— Че же это нашъ то Карло не палить?—вдругъ озадачилъ меня вопросомъ Алеха:—вѣдь енъ жарить, лишь бы видѣть, а вонъ, на поди, ни ни.

— Да я тоже недоумѣваю, чтобы это значило... ужь ладно ли у нихъ все тамъ?

— Че ему сдѣлалось!..

Вдругъ рѣзкій дуплетъ на поймѣ, гдѣ нельзя было ѣздить, но прекрасно ходить, донесся до насъ.

— Во ень!—радостно отозвался Алеха на выстрѣлы.—Это ево выстрѣлы, болѣ некому, ишь за бекасьемъ ударился, либо утку нашель.... Только какъ это ево занесло сюда ень на пруду долженъ быть теперь.

— Потерпи, приѣдемъ домой—такъ узнаемъ.

— А что, баринъ, выѣдемъ на чистое плесо, че зря то ширкаться по осокъ: ничего больше не будетъ.

— Выѣзжай.

Скоро выбрались мы изъ поймы и покатили къ деревнѣ. Выйдя изъ лодки, я зашелъ въ избу, чтобы взять патроны съ бекасинникомъ и пойти на пойму поискать запоздалыхъ долгоносиковъ, благо они еще здѣсь и вечеромъ носились по поймѣ въ достаточномъ количествѣ.

Ивана дома не было, жена его сказала, что Карлъ Карловичъ вернулся скорехонько, позакусиль и пошелъ съ Иваномъ на пойму.

— А почему они скоро вернулись, спросилъ ее Алеха.

— Да, вишь, че то у нихъ случилось, ну и вернулись, а че—я не успѣла у Ивана вывѣдать.

— Эхъ, баба, такъ баба и есть! Айда те на пойму.

Чтобы попасть на пойму, нужно было пройти всю деревню, перейти Исеть черезъ мостъ и за пос-

лѣдными домами зарѣчной стороны свернуть влѣво. Еще съ моста мы увидали Ивана и Карла Карловича шествующими въ дальнемъ углу поймы, около зимняка, гдѣ всегда водились бекасы. Часто вскидывалъ Карлъ Карловичъ ружье къ плечу, оно выбрасывало бѣловатый дымокъ за дымокъ, глухо доносились выстрѣлы, но не видно было, чтобы наклонялся онъ или Иванъ поднимать убитую дичь; счастье, видно, не измѣняло ему и сегодня.

Направляясь къ нимъ, мы согнали нѣсколько штукъ зажирѣвшихъ бекасовъ; 3 или 4 изъ нихъ сложили свои разудалыя головушки; но вотъ мы уже отъ Карла Карловича, какая нибудь еще сотня шаговъ; онъ насъ замѣтилъ и поджидаетъ. Разговоръ Карла Карловича съ проводникомъ ужъ яено слышенъ—и, что за диво, очень ужъ они веселы: или хорошо позавтракали, или везло имъ очень.

Подойдя, я задалъ давно, волновавшій меня и Алеху вопросъ, что значить его гулянье здѣсь, а не ѣзда по пруду.

— О, такъ, маленькій слушай вышелъ съ нами, ми шуть—шуть не утонуть.

— Какъ такъ не утонули?—переглянулись мы съ Алехой.

— Очень просто, ми....

— Да все онъ виноватъ! перебилъ Карла Карловича Иванъ,—Ну, баринъ, кабы это съ тобой, аль съ кѣмъ другимъ—навѣрно бы теперь неведомъ насъ искали, а то нѣмецъ, ну, и хитряющій человекъ... Вотъ послушайте, что я вамъ разскажу, какъ, значить, дѣло вышло... Одолжите папирочку, баринъ.

— Слышали вы, поди, нашъ выстрѣлъ? продолжалъ Иванъ.

— Слышалъ. — Вотъ онъ-то вся причина и есть. Ёдемъ мы это по осокъ около, почитай, ужъ самага Гамаюна, — осочку густую со стеклышкомъ тоже знаете, — и вижу я табунокъ утокъ на ней сидитъ, я наклонился къ Карлу Карловичу да и шепнулъ ему: — „береги“, а ещъ, — видно, задумался, либо сдремнулъ, — какъ только я вымолвилъ „береги“, хватъ за ружье, — а лежало оно на погъ, дуломъ то въ дно лодки, — и толи задѣлъ ень за что спусками, аль персты засунулъ въ скобу, — только какъ оно рывкнетъ, да весь зарядъ изъ стволинъ въ днище-то и всыпалъ... Ну, знамо, лодка не новая, днище тоже не толстое, — дробь-то пулей — и дыра пальца въ три; вода фонтаномъ въ лодку, чуть не въ носъ Карлу Карловичу хлюбынула... Что-же, вѣдь не спужался, а въ моменту фалдочки кожаннаго спиджака загнулъ и хлясь на дыру-то со скамейки мякотью-то... Заперъ воду, что твоя шнаклевка, — ни капли ни подалось, а самъ ровно-бы малость сблѣднѣлъ и таково глухо проговорилъ: „пошелъ къ берегу“. — Я было и повернулъ, какъ ень приказалъ, да вижу вода не прибываетъ, подобрался лишь къ берегу, гдѣ помельче, да и ну налегать на весло, погоняя лодку къ дому; ень смѣтилъ мою хитрость и опять приказалъ пристать, а я говорю: ниче, молъ доѣдемъ, а онъ мнѣ: „колетъ въ дыру-то“... Пристань говорю, къ берегу, такъ до дому верстъ пять обходу надо сдѣлать. — „Ну, ладно“, говоритъ; такъ и доѣхали; пришли домой — сейчасъ за благополучный исходъ какъ есть выпили, да вотъ бекасье пужать пошли и здорово пужали: почитай всѣхъ въ небо угнали. Вѣдь, такъ, Карлъ Карловичъ, я рассказалъ? закончилъ Иванъ.

— О, та, такъ, такъ било — вѣрно!..

А и впрямь дошлый Карлъ то Карлычъ: инъ че придумалъ! Молодецъ, право слово, молодецъ! — вста-

вилъ свое слово Алеха... А вонъ и Алексѣй Миколаевичъ ѣдетъ.

Дѣйствительно, Алеша былъ уже недалеко, и мы тронулись къ деревнѣ, труня надъ злополучнымъ Карлушей.

Часаъ, спустя, я и Алеша уѣхали, оставивъ Карла Карловича братъ еще вечерній вылетъ, намъ-же нужно было быть къ обѣду дома.

Охота съ острогой.

сень. При одномъ этомъ словѣ чело-вѣка впечатлительнаго, нервнаго морозъ по кожѣ подираеть, ему ясно представляется всеодуряющая хандра и скука, вѣрные спут-

ники осенняго времени; пойдутъ де дожди, жалобно, монотонно завываетъ порывистый вѣтеръ за окномъ и въ трубѣ, почи наступятъ тюрьмы темнѣе и т. п., но не такъ мрачно смотритъ на это-же страстный охотникъ, его эти маленькія неприятности не смущаютъ и не мѣшаютъ большому удовольствію, а удовольствій въ эти послѣдніе красные лѣтніе дни не мало, какъ на водѣ, такъ и на сушѣ.

Вотъ начался пролетъ въ теплые края лѣтнихъ гостей, ревностно слѣдитъ охотникъ за его ходомъ и то тутъ, то тамъ урываетъ прощальныя охоты; чаще и чаще раздается по лѣсу призывный рогъ добъ-

жачаго и заливной гонъ залежавшейся стаи гончихъ на проводкѣ.

Недѣля, другая, птица прошла, кончилась работа добраго песика, начались охоты съ гончими, лайкой и облавныя, тянуть и на прудъ или озеро съ острогой, теперь самая пора, вода чиста какъ кристалъ, погода мягка, на небѣ ни облачка, вѣтра ни признака, а ночь—темная, темная какъ могила.

Надо пользоваться такимъ временемъ, дома ничего не высидишь. Зовется кучеръ, и отдается приказъ на завтра быть готовымъ ѣхать на Балтымъ. Записка вѣрному спутнику по охотамъ, Григорію Петровичу, съ просьбою пріѣхать ко мнѣ въ 3 часа, отсылается немедленно.

На другой день занятія оканчиваются часомъ раньше. Дома все готово и спутникъ, дорогой товарищъ, ждетъ. Обѣдъ и сборы, что называется, короче утиного носа и трогаемся въ путь.

Скверная лѣсная дорога сглаживается умѣлымъ управленіемъ кучера и эластичностью дрогъ легкаго коробка; съѣзженные лошадки идутъ бойко, тѣмъ не менѣе 21 верста требуетъ около 3 часовъ времени и густыя, осеннія сумерки застаютъ насъ въ пути. Коротокъ осенній день на Уралѣ, вечерняя заря утрачиваетъ свою поэтическую красоту, нѣтъ тѣхъ разнообразныхъ красокъ, которыя такъ ласкаютъ взоръ лѣтомъ; ночь надвигается быстро. Въ 7 часовъ мы остановились у кордона и, хотя прибыли неожиданно, тѣмъ не менѣе, оказались желанными гостями.

На кордонѣ ничего не измѣнилось, тѣ же старые пріятели, всегда радушные и услужливые, обогрѣли и напоили насъ чаемъ, а узнавъ цѣль пріѣзда, немедленно же предложили свои услуги приготовить лодки и сопровождать на охоту, говоря, что время выбрано „разчудестное, въ самую, что ни на есть центру попали, охота будетъ преотмѣнная“,—и вышли исполнить оснастку лодокъ.

Давно тихая, темная осенняя ночь раскинула свой покровъ надъ дремлющей природой, въ куполообразной небесной пучинѣ, блѣдномъ огонькомъ, далеко одна отъ другой загорѣлись и ясно отражались звѣздочки въ зеркально-стальной поверхности озера, даль котораго зловѣще чернѣла.

Эта дивная тишь, какъ-то умиротворяюще дѣйствуетъ на все существо. Мы стояли на крыльцѣ, по-пыхивали папиросками, прислушиваясь къ вознѣ Алексѣя и Степана, копошившихся у лодокъ, подъ крутымъ, обрывистымъ берегомъ, и не обмѣнялись ни словомъ. Какія думы шевелились въ головѣ моего друга Гриши—рѣшить не берусь, меня же эта тишь отрѣшила, такъ сказать, отъ міра сего, даже настроила на поэтическій ладъ,—неволью вырвалось:

Озера тихія воды уснули,
Замолкли всѣ птички въ лѣсу...

Какъ, однако, долго возятся тамъ ребята, скорѣй бы на эти стальные воды, полюбоваться жизнью водянаго царства, тутъ вѣдь не акваріумъ за стекломъ, а жизнь во всей ея красотѣ и свободѣ.—Гей, Алеха, скоро-ли ты тамъ?!

Какъ-бы въ отвѣтъ, въ этомъ моментъ, подъ берегомъ вспыхиваетъ яркомъ огнемъ смолевый сушильщикъ въ „Козѣ“, далеко черкнула яркая полоса свѣта, по зеркальной поверхности озера, и глухо раздался голосъ Алехи:—пожалуйте, готово!

Идемъ къ самому берегу; какъ-же красиво на водѣ это нехитрое російское изобрѣтеніе: къ носу лодки прикрѣплена „коза“,—это рѣшотка изъ толстаго узкополоснаго желѣза, съ загнутыми въ $\frac{1}{2}$ аршина бочками, на длинной такой-же основной полосѣ, та къ что рѣшотка находится отъ носа аршина на $1\frac{1}{2}$, а въ ней наложены мелко колотыя смолевая палочки, которыя зажигаются и даютъ снопь огня, ярко освѣщая поверхность озера, а такъ какъ осеннія воды замѣчательно чисты, то этотъ свѣтъ даетъ воз-

возможность заглянуть въ пучину водъ, причемъ, на глубинѣ 2 аршинъ, видно на днѣ каждую гальку.

Въ лодкѣ скамейки убраны и приходится ложиться на дно лодки или же стоять на колѣнкахъ. Умостившись, двигаемся, безшумно скользитъ легкая ладья, по заснувшимъ водамъ, а самъ весь уходишь въ созерцаніе дна. Теперь того и жди, тутъ или тамъ покажется темная спина щуки, окуня или блеснетъ серебристой чешуйкой другая рыбка, тутъ звать некогда, быстро пускаешь въ нее острогу и если она вѣрно направлена,—то дѣлаетъ свое дѣло, рыбка заколота; но не такъ то это просто на самомъ дѣлѣ, какъ на словахъ, казусовъ и промаховъ не мало, въ особенности первые удары: кажется такъ хорошо намѣтишь, а успѣха нѣтъ, обидно и досадно, не разъ попадаетъ острога вмѣсто рыбы въ коряжину или затонувшую палку, которая ошибочно принята за дремлющую щуку, которая, своею неповиженностью и темной спиной, вводитъ глазъ въ обманъ, но бываетъ и наоборотъ, что, конечно, досадно и, по большей части, непоправимо, такъ какъ, наѣхавъ на рыбу вплотную, она просыпается и моментально скрывается.

Такъ проходитъ незамѣтно часа два—три, чего, чего только не насмотришься за это время, наконецъ, чувствуется утомленіе глазъ и тѣло проситъ отдыха, и какъ не жаль расстаться съ этой пучиной, полной иной, видимой только въ это время жизни, тѣмъ не менѣе довольно.—Поворачивай Алеха, къ дому.

Охота эта по добычѣ крайне капризна; если рыба стоитъ на не глубокихъ и песчаныхъ мѣстахъ—то добычлива и на оборотъ чѣмъ глубже и на илистомъ днѣ, то сомнительна, такъ какъ въ этомъ случаѣ опредѣлить точно разстояніе и направить вѣрно острогу въ водѣ, при искусственномъ освѣщеніи, крайне трудно, но, зато, какъ пріятно, когда удастся заколотъ на 2 аршинной глубинѣ хорошенькую щуку или 3—4 фунтового окуня, рѣшить можетъ лишь охотникъ.

Въ этотъ памятный вечеръ, я, положительно, былъ собою доволенъ, ибо нѣсколько штукъ болѣе 1 фунта окуней и 2 щуки около аршина, вынуждены были покинуть хрустальныя воды и тихо уснуть на днѣ моей лодки.

Что то едѣлалъ товарищъ и гдѣ онъ,—начинаю вглядываться въ даль противоположнаго берега и замѣчаю, какъ свѣтлая точка блуждающаго огня мелькаетъ то тутъ то тамъ, то видиѣтся сквозь рѣдкій камышъ, то катится по чистому плесу. Онъ тоже возвращается, видно замѣтилъ нашъ маневръ.

Ночь невозмутимо тиха, лишь ярче разгораются звѣздочки, еще выше становится куполообразная высь. Мѣрно раздаются удары весла, вода, спадая съ его, отдастъ металлическимъ звукомъ и рѣзко нарушаетъ почной покой. Невольно поддаешься этому стихійному спокойствію, въ душу спускается миръ и тѣло отдыхаетъ въ какой то истомѣ. Скоро и берегъ. Разогнанная лодка ударила о прибережную гальку и далеко вскочила на берегъ; съ удовольствіемъ чувствуешь подъ ногами твердую почву, расправляешь отъ долгаго неудобнаго, напряженнаго состоянія уставшія члены и полной грудью вздыхаешь здоровый осенній воздухъ, пропитанный смолистымъ запахомъ сосны.

Товарища еще нѣтъ, но онъ близко, такъ какъ ясно слышится его голось, а вотъ, изъ за камыша вынырнула свѣтлая точка и быстро приближается къ намъ, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону; еще нѣсколько взмаховъ весла и его лодка встала рядомъ съ моею.

Гриша благодумствовалъ, развалившись на днѣ лодки, мечтательно вперивъ взоръ въ недосыгаемую высь,—и проговорилъ;

— Какъ же, братъ, хорошо, погода-то какова, а?—вѣдь одно наслажденіе, просто выходить изъ лодки не хочется, кажется, вози-бы меня Степанъ по озеру хоть всю ночь—на берегъ-бы не попросился.

— Ладно, ладно, пой, а выходить то все-таки надо, ну, какъ поохотился?—скажи-ко лучше.

— Ничего себѣ, но только мнѣ незадача сегодня, послѣ нѣсколькихъ промаховъ пошло было дѣло на ладъ, да подсунь нелегкая матерущую щуку, больше аршина, пожалуй, она насъ замѣтила, да величаво такъ хвостикомъ фить, и была такова; только это я намѣтился и хочу бить, какъ она опять пошла. Не стерпѣлъ, думаю, больше тебя не увидишь, бросилъ острогу въ догонку... Щуку то не закололъ, а острогу въ каряжину такъ засадилъ, что, на, полюбуйся, 5 зубовъ, какъ никогда не бывало,—грусть одна, а не острога, охоту, значить, кончилъ тѣмъ не менѣе домой не поѣхалъ, а катался себѣ по озеру, созерцалъ, подъ мѣрныя басни Степана, эту божественную ночь,—хорошо.

Когда мы были уже въ избѣ и закусивъ собирались лечь спать, Гриша—присталъ давай попробуемъ эту нашу охоту изобразить въ стихахъ, но встрѣтя мой неодобрительный взглядъ, закончилъ, воспоминаніемъ какъ то шутя набросанныхъ мною четырехъ строчекъ:

Кому не быть поэтомъ

На свѣтѣ суждено,

Тому мечтать объ этомъ

Совсѣмъ запрещено.

и съ миромъ улегся, рядомъ со мною, на душистомъ сѣнѣ.

На лиственникъ.

I. Въ первыхъ проблескахъ осенняго утра Алексѣй разбудилъ насъ, говоря, что самоваръ готовъ и надо спѣшить на вылетъ глухарей; мы бодро вскочили и, торопливо одѣваясь, на ходу пропустили по стаканчику чайку, зашагали къ Таватуйской дорогѣ, гдѣ всего чаще попадались лиственники.

Прежде чѣмъ продолжать мой разсказъ объ охотѣ, считаю умѣстнымъ и даже необходимымъ остановить вниманіе тѣхъ товарищей по страсти, которымъ, можетъ быть, мало знакома наша сѣверная флора, на особенности лиственничнаго дерева. Это единственное хвойное дерево, которое ежегодно мѣняетъ свое изумрудно-зеленое одѣяніе, роняя хвою. Стволъ дерева строенъ и достигаетъ нѣсколюко десятковъ саженъ въ выши-ну, хвойное одѣяніе отчасти напоминаетъ ель, но рѣдкія сравнительно съ елью, вѣтви начинаются на значительной высотѣ отъ земли и расположены шапкой, красиво выдѣляющейся надъ другими породами хвойныхъ, лѣсовъ, кора плотная и болѣе свѣтлая чѣмъ у ели. Лиственка съ давнихъ поръ причислена къ коробельному лѣсу, благодаря чему, до сего времени состоитъ подъ особой охраной закона и вырубается въ самомъ незначительномъ количествѣ по особымъ разрѣшеніямъ. Древесина лиственки плотна и смолиста и, кромѣ того, дерево это, будучи положено въ воду, не гниетъ, что дѣлаетъ его незамѣнимымъ при постройкахъ плотинъ на мертвые бруссы.

Позднею осенью, когда листвяничные деревья теряют свой пышный нарядъ, листвянка все еще гордо стоитъ въ своемъ зеленомъ одѣяніи, но, вотъ, ударилъ первый хорошій утренникъ и прихватилъ хвою листвянки: кончики ея пожелтѣли и заострились; второй, третій утренники какъ бы замораживаютъ хвою окончательно: она принимаетъ окраску желто-зеленую и дѣлается на вкусъ кисло-сладкой, какъ рябина или брусника, охваченная морозомъ. Это записаніе листвяничной хвои между охотниками имѣетъ своеобразное названіе—„кислицы“.

Свойство это, какъ видно, не безызвѣстно и нашему великану-красавцу хвойныхъ лѣсовъ—глухарю, который часто навѣдывается на листвянки, чтобы узнать не обратилась-ли хвоя въ „кислицу“, и лишь только она готова—начинаются правильные вылеты глухарей на утреннихъ и вечернихъ зоряхъ. Для того, чтобы полакомиться кислицей, глухари нерѣдко дѣлаютъ значительные перелеты, такъ какъ листвяникъ въ мѣстности, гдѣ мнѣ приходилось охотиться (Екатеринбургскій уѣздъ), не представляетъ сплошныхъ зарослей, а разбросанъ по краснолѣсью то тутъ, то тамъ въ одиночку или небольшими группами въ нѣсколько деревьевъ.

Вылеты продолжаются до тѣхъ поръ, пока хвоя не начнетъ сильно опадать и перемерзши, теряя свой заманчивый кисло-сладкій вкусъ, что находится въ полной зависимости отъ погоды, то есть заморозковъ. Если кислица образовалась, и затѣмъ установилась мягкая погода, то глухаря можно встрѣтить на ней въ теченіе 2—3 недѣль; если-же утренники продолжаютъ, то хвоя скоро окончательно желтѣетъ и осыпается, тогда глухарю приходится довольствоваться лакомствомъ недѣлю, много—дней десять.

Итакъ, все сводится къ тому, что охота на листвяникъ крайне неопредѣленна, и нашему брату охотнику приходится глядѣть въ оба, а главное не терять золотого времени.

Охота на листвянникъ производится двояко, а именно: съ лайкой, днемъ или же на засидкахъ по утреннимъ и вечернимъ зарямъ; намъ на этотъ разъ представляла охота съ собакой.

Роскошное осеннее утро обѣщало хорошій день. На небѣ ни облачка, легкій утренникъ подбадривалъ, лѣсъ ожилъ веселымъ щебетаньемъ мелкихъ пичужекъ, игриво, безъ шума сновавшихъ по оголившимся вѣткамъ листвянничнаго лѣса или съ трескомъ перепархивавшихъ въ хвойномъ лѣсу, задѣвая крыльшками хвою; гдѣ-то вдали отбивалъ ровную дробь дятель, и гулко лилась его трель въ утреннемъ воздухѣ.

Сопровождаемые Алексѣемъ и его доброй звѣрвой собакой „Сѣрко“ ровной охотничьей поступью шли мы цѣльной, пробираясь къ таватуйской дорогѣ, гдѣ, какъ я уже сказалъ, было много листвянокъ.

„Сѣрко“, какъ шальной, носился по лѣсу, заложивъ уши назадъ и часто возвращался къ намъ, какъ бы желая показать свою радость, что вотъ-де и мой чередъ наступилъ, не все-же сидѣть на тяжелой цѣпи.

Векорѣ рѣдкіе взбрехи собаки дали намъ знать, что звѣрь или птица ею найдены; мы разошлись шаговъ на 15—20 другъ отъ друга и цѣпью двинулись на голосъ собаки. Приближаясь къ ней, мы зорко оглядывали встрѣчающіяся на пути листвянки, но Алексѣй предупредилъ, что собака нашла бѣлку и можно подходить безъ опаски. Когда мы сошлись подъ деревомъ, нашъ провожатый заявилъ, что бѣлку надо убить, иначе „Сѣрко“ не оторвешь. Надо, такъ надо,—и не долго раздумывая, принялись за тщательный осмотръ пышной ели; скоро опытный глазъ Алексѣя отыскалъ виновницу нашей остановки. Мы предоставили выстрѣлъ ему, потому что онъ былъ съ винтовкой, слѣдовательно его выстрѣлъ, далеко не чета нашимъ горластымъ „пиперамъ“,—не могъ напугать могущихъ быть по близости глухарей. Долго прицѣливался Алексѣй, наконецъ, выстрѣлъ,

какъ щелчекъ хорошаго бича пастуха, стукнулъ безъ раската, и бѣлка, сраженная пулькой, пластомъ свалилась на землю.

Тщательно осмотрѣнная Алексѣемъ, она вызвала замѣчаніе, что цѣна ей пока грошъ, заряда не стоило тратить, да скотина „Сѣрко“ виноватъ... Дѣйствительно, шкурка бѣлки только съ бочковъ начала принимать свое красивое серебристое зимнее одѣяніе, спинка-же была рыжая, и шерсть лѣзла ключьями; въ такомъ видѣ бѣлка между охотниками именуется „печенкой“. Тѣмъ не менѣе, Алеха сунулъ ее въ объемистую суму, и мы тронулись дальше.

Не прошли четверти версты отъ ели, какъ снова взбрехъ собаки ясно донесся съ правой отъ насъ стороны и своимъ тономъ не походилъ на недавно нами слышанный.

— Вотъ это по глухарю или тетереву закатываетъ „Сѣрко“, проговорилъ Алексѣй, — надо подходить осторожно... Пойдемте... и Алексѣй повернулъ на голось собаки.

Сначала подвигались мы скоро, но, по мѣрѣ того какъ яснѣе и яснѣе становились взбрехи собаки, мы умѣряли свои шаги и осторожно ступали по валежнику и хвоѣ. Наконецъ, на крошечной чистинкѣ показалась собака, прыгавшая около листвянки, верхушки которой намъ, за гущей сосноваго рѣдкобора, еще не было видно, Алексѣй остановился, стали и мы.

— Что, господа, всѣ вмѣстѣ пойдемъ или раздѣлимся?—спросилъ онъ насъ.

— Лучше пусть кто-нибудь одинъ начинаетъ охоту, чѣмъ мѣшать другъ другу,—сказалъ я.

— Резонъ,—поддержалъ Гриша.

— Точно,—подтвердилъ и Алексѣй, и мы бросили жребій. Счастье идти къ собакѣ выпало на мою долю.

Съ понятнымъ каждому охотнику волненіемъ пошелъ я къ собакѣ, которая, увидя приближеніе охот-

ника, сдѣлалась еще неотвязчивѣе, видимо, стараясь отвлечь вниманіе чуткой птицы, и ея лай съ переливами звонко разносился по лѣсу.

Еще нѣсколько шаговъ,—и я долженъ быть у опушки чистинки, листовянка-же, около которой хлопотала добрая собака, стояла особнякомъ, въ сосѣдствѣ съ тощей елочкой. Во время подхода на меня вдругъ напало сомнѣніе: подберусь-ли на вѣрный выстрѣлъ? Еще нѣсколько шаговъ—и верхушка листовянки была на виду; взглянувъ въ нее, различаю темный силуэтъ птицы, на мое счастье, сидѣвшей по ту сторону дерева, слѣдовательно, подходъ былъ обезпеченъ, хоть подъ самое дерево.

„Сѣрко“, какъ-бы чувствуя критическія минуты и конецъ развязки, просто танцевалъ подъ деревомъ, дѣлая уморительные прыжки, задерживаясь на секунды даже на заднихъ лапахъ.

Этими прыжками глухарь былъ увлеченъ и, время отъ времени, какъ-бы поощряя собаку къ дальнѣйшимъ пируэтамъ, особенно пощелкивалъ.

Полюбовавшись минуту, другую продѣлками собаки и давъ время угмониться не на шутку расходившемуся волненію, что называется, передохнувъ, я началъ спокойно подкрадываться къ птицѣ, не выходя изъ подъ прикрытія тощей ели, и такимъ образомъ очутился почти подъ самой листовянкой. Сдѣлавъ шагъ впередъ, не спуская глазъ съ верхушки листовянки и разглядѣвъ птицу, прежде чѣмъ она успѣла поднять голову и увидѣть меня, я пустилъ зарядъ крупной дроби изъ добраго чока,—и какъ палкой сшибъ красавца почти съ самаго верха дерева.

Лишь только глухарь грузно ударился о землю почти у моихъ ногъ,—я позвалъ товарищей, чтобы подѣлиться удачей и сдать птицу на попеченіе Алехи въ его объемистую суму.

Сошлись, потолковали, покурили и тронулись далѣе. „Сѣрко“ давно уже работалъ впереди и мы дви-

гались къ лучшимъ мѣстамъ. Векорѣ опять донесся звонкій лай собаки по второму глухарю, который и достался Гришѣ съ такимъ-же успѣхомъ, какъ и мнѣ. Подвигаясь далѣе, Алексѣй взялъ еще 3 бѣлокъ. Птицы болѣе не попадались, а между тѣмъ было уже часъ восьмой въ исходѣ, слѣдовательно, охота на глухарей кончилась, такъ какъ они опустились на землю и, поднятые собакой, на деревья не сядились. Пройдя еще версты двѣ и не найдя ничего, повернули къ кордону, взявъ прямое направленіе, и скоро набрали на цѣлый табунъ косачей, которыхъ и проводили безвреднымъ салютомъ, стрѣляя далеко не въ мѣру.

Впереди сквозъ рѣдкій боръ показался погосъ, узкимъ рукавомъ уходившій вправо, а влѣво упиравшійся въ чахлый осинникъ и березнякъ. Вдругъ собака подала голосъ совѣмъ близко въ релочкѣ листовяничнаго, по кромкѣ покоса, и мы тотчасъ-же увидѣли на одной изъ березокъ сидѣвшаго косача.

— А вотъ твоя птица, Алексѣй, иди и стрѣляй! — почти въ одинъ голосъ проговорили мы съ Гришей.

— Ладно, вижу я, да не глухарь вѣдь это, надо еще подобраться къ нему... Косачишка—хитрая бестія!.. Ну, да ничего, какъ нибудь справлюсь. Вы меня подождите здѣсь, я духомъ скомантую,

И онъ направился кромкой покоса къ собакѣ.

Мы усѣлись подъ курчавой сосенкой, закурили папиросы и зорко наблюдали за подходившимъ Алексѣемъ; нѣкоторое время намъ было видно, какъ онъ, осторожно пробираясь, перебѣгалъ отъ дерева къ дереву; но, вотъ, его закрыли кусты, и мы сосредоточили тогда все вниманіе на птицѣ.

Прошло нѣсколько минутъ и, прежде чѣмъ долетѣлъ до насъ безраскатный винтовочный выстрѣлъ, косачъ повалился съ дерева. Невольно похвалили мы такой выстрѣлъ, по счету за это утро 5-й, признавъ въ Алексѣѣ прекраснаго стрѣлка изъ винтовки.

До кордона оставалось версты три, которыя мы прошли незамѣтно, подвигаясь по неторной дорожкѣ и весело болтая, довольные какъ прогулкой, такъ и удачей.

Горячій завтракъ, приготовленный услужливой женой Алексѣя, ждалъ насъ на кордонѣ и хотя время, по городскому, было для такого завтрака какъ будто и не подходящее, но намъ, охотникамъ, онъ пришелся по вкусу, а пока мы занимались подкрѣпленіемъ силъ, Иванъ заложилъ лошадей, и мы къ обѣду были уже дома.

II.

Дня черезъ два или три, хорошенько не упомяну, мнѣ случилось быть вновь на листвяникѣ, но, благодаря отсутствію постоянного нашего спутника по охотамъ Кости, имѣвшаго лучшихъ звѣровыхъ собакъ въ селеніи, пришлось охотиться безъ собаки, такъ какъ ни я, и никто изъ моихъ товарищей лаекъ не держали, да и для нижеописанной охоты собака, собственно говоря, не была пуща, въ виду того, что вылетъ глухарей былъ замѣченъ и провѣренъ услужливыми подчиненными моего лучшаго друга Николая Александровича, лѣсничаго Верхъ-Исетскаго завода.

Коротенькая записка Коли, полученная мною еще въ постели, гласила, что „на Поросенковымъ логу, по листвянику есть глухари, коп, надо полагать, объ насъ скучаютъ, а потому, думаю, сегодня на вечерней зоркѣ оныхъ посѣтить, конечно, совместно съ тобой. Жду къ 4 часамъ, ѣдемъ на моихъ лошадяхъ.“

Имѣя въ виду предстоящую поѣздку, я подготовилъ работу въ Управленіи такъ, чтобы къ часу или двумъ дня быть свободнымъ и, такимъ образомъ, выгадать лишній часокъ; обѣдь и сборы были уже дѣломъ второстепеннымъ, и я пришелъ къ Колѣ цѣлымъ часомъ ранѣе назначеннаго времени.

Онъ какъ будто предчувствовалъ, что я потороплюсь: все было уже готово, и кучеръ ждалъ лишь приказа подавать лошаей. Не долго медля, собрался и тронулся въ путь по ключевской дорогѣ, гдѣ у кордона къ намъ присоединился полѣсовщикъ, который слѣдилъ за глухарями, и мы полной рысью покатали по наѣзжанной дорогѣ. Хорошъ осенній короткій день въ нашихъ родныхъ мѣстахъ, еще изобилующихъ сосновымъ лѣсомъ. Чистъ и напнтанъ окружающій воздухъ здоровымъ смолистымъ ароматомъ, легко дышется въ этомъ просторѣ.... А невозмутимая тишина, нашедшая гостепріимный пріютъ въ шири лѣсной, — съ чѣмъ или съ кѣмъ не примирить она!... Невольно поддаешься обаянію этой тишины, и такъ легко, хорошо становится на душѣ: все черное, обидное уходитъ куда-то далеко, далеко, теряясь въ этой шири.

Какъ ни скоро мы ѣхали, а только-только успѣли до заката солнца понасть на просѣку.

Скорымъ шагомъ, подъ предводительствомъ лѣсника, добрались мы до листвянокъ: ихъ было нѣсколько штукъ, разбросанныхъ саженьхъ въ 15—20 другъ отъ друга.

Лѣсникъ указалъ намъ двѣ изъ нихъ, говоря, что на той и другой вотъ уже нѣсколько дней бывали глухаря.

Приступили къ повѣркѣ, т. е. осмотру „поѣди“ (поѣдью называются тѣ отбросы хвои, которую глухарь, ощипывая, не признаетъ по вкусу годною къ употребленію и бросаетъ, а потому, чѣмъ больше такой хвои подъ деревомъ, тѣмъ шансъ на удачу, а главное, на прилетъ птицъ наиболѣе обезпеченъ.)

Указанныя деревья были осыпаны „поѣдью“, да еще два дерева также имѣли хорошую осыпь, такъ что мы съ Колей, облюбовавъ каждый по два дерева для обстрѣлки, разошлись и заняли позиціи.

Скоро, точно подь горку, катится солнце къ западу; вотъ послѣднія лучи заходящаго свѣтила озарили верхушки листвянокъ, на землю спустились густыя сумерки, повѣяло сыростью. Минута вылета при приближалась. Тишина въ лѣсу какъ бы еще усилилась, каждый малѣйшій звукъ принималъ грандіозные размѣры; вотъ гдѣ то сорвалась шишка съ сосенки или ели и, щелкая по сучьямъ, ударилась камнемъ о землю; сухая хвоя зашуршала подь ногами бойкой лѣсной мышки; какая то пичужка перемѣстилась съ вѣтки на вѣтку на близъ стоящемъ кустику и такъ громко, что невольно заставила крѣпче сжать ложу ружья и усиленнѣе забиться сердце... А вотъ и мѣрные взмахи могучихъ крыльевъ со свистомъ прорѣзали воздухъ, и какая то большая птица съ шумомъ уѣхала на листвянку, стоящую въ лѣво отъ меня. Конечно, это—глухарь, но мнѣ его не видно; досадно, а боюсь пошевелиться, чтобы не выдать своего присутствія; весь ушелъ, кажется, въ созерцаніе верхушки листвянки, а все-же разсмотрѣть не могу, хотя слышу, какъ щелкаетъ красавецъ, оцѣпывая хвою,—сердце выскочить хочетъ, ему тѣсно въ груди, а ничего не подѣлаешь: птица скрыта отъ меня стволomъ дерева или густыми вѣтвями. Слѣдомъ за ней появилась другая, но та летѣла на листвянки къ товарищу, моя же, какъ только та сѣла, что-то буркнула, какъ то дѣлаетъ глухарь на току весной, услышавъ подозрительный звукъ. Охотники—крестьяне называютъ это „скричигаетъ“.

Коля былъ счастливѣе меня: глухарь сѣлъ на виду и, взятый вѣрно на мушку, послѣ оглушительнаго выстрѣла, палъ на землю, грузно считая вѣтви; мой тоже снялся, но я его только слышалъ, а не ви-

дѣль; гдѣ-то вблизи еще снялись двѣ три птицы, и все смолкло.

Охота окончена, заря потухла, даже верхушки листвянокъ затерялись въ непроглядной тѣмѣ. Первая отдаленная звѣздочка какъ то нерѣшительно загорѣлась въ недосыгаемой выси. Строевой лѣсъ просѣлки, какъ стѣна, слился въ сплошную темную массу.

До меня долетѣлъ разговоръ Коли съ лѣсеникомъ и ихъ тяжелые шаги; я ихъ окликнулъ, а чтобы имъ было видно, гдѣ я,—закурилъ папироску и сталъ дожидаться къ себѣ.

Ломясь по лѣсу, какъ добрые медвѣди, они подошли ко мнѣ, и Коля озадачилъ меня вопросомъ, почему я не стрѣлялъ глухаря, который такъ удобно для стрѣльбы и долго сидѣлъ у меня подъ бокомъ.

— Странный вопросъ!... Конечно, только потому, что мнѣ его не было видно.

— А жаль, славно сидѣлъ!... Вотъ мы такъ съ птицей...

Едва продравшись безъ членовредительства въ непроглядной темнотѣ до лошадей, мы покатили домой.

Своеобразная ловля налимовъ.

о быстрымъ и чистымъ, какъ хрусталь, водамъ нашихъ горныхъ рѣчекъ Урала, въ жаркіе лѣтніе дни, примѣняется крайне любопытный и своеобразный способъ

лова налима: это брать его руками.

Вижу улыбку товарищей по страсти послѣ прочтенія такого вѣтупленія и ихъ сомнѣніе, но смѣю васъ завѣрить, это фактъ.

Здѣсь все сводится къ тому, что давно подмѣченною особенностію этой рыбы охотники умѣло воспользовались: въ лѣтніе жаркіе дни налимъ ищетъ прохлады и тѣни, для чего становится на перекатахъ или подъ каряжину, камень или кочку и иногда на столько уходитъ подъ это прикрытіе, что его едва, едва видно,—торчитъ лишь кончикъ хвоста, чуть-чуть шевелящійся, который и выдаетъ его присутствіе. Къ тому-же лѣнивъ-ли онъ или слишкомъ постояненъ, и потому разъ выбранное для стоянки мѣсто покидать не любитъ. Если попробовать его согнать съ такого удобнаго имъ облюбованнаго мѣста, онъ отойдетъ, но не замедлитъ вернуться, не стѣсняясь вашимъ присутствіемъ, чтобы занять свое мѣсто.

Вотъ эта-то особенность и служитъ ему пагубой: одинъ изъ моихъ случайныхъ спутниковъ по охотѣ

и рыбной ловлѣ пользуется ею, примѣняя слѣдующій пріемъ:

Заберется онъ въ рѣчку и идетъ противъ теченія отыскивая дремлющаго налима; наконецъ нашелъ, смѣло безъ всякой осторожности приближается къ мѣсту стоянки рыбы и заводитъ правую руку поверхъ головы налима подъ прикрытіе. Налиму эта операція, видимо, не нравится: онъ тихо помахивая хвостомъ и плавниками, отходитъ назадъ, или же, что однако рѣдко замѣчается, стремительно исчезаетъ. Охотника это не смущаетъ, ибо онъ увѣренъ, что налимъ сію же минуту вернется. Итакъ, рука заведена, пригибается къ ладони указательный или безымянный палецъ въ видѣ крючка, и снасть готова.

Проходятъ томительныя двѣ, три минуты налимъ ходко возвращается занять свое мѣсто и, сунувшись подъ прикрытіе, натывается на палецъ охотника, останавливается какъ вкопанный, какъ бы что-то соображая, но затѣмъ тихо подвигается впередъ, осторожно беретъ палецъ въ ротъ и начинаетъ его сосать, все подвигаясь, забираетъ его дальше и дальше своими мягкими губами; по удостовѣренію моего пріятели, операція эта очень щекочетъ; первое время трудно выдержать, и много налимовъ пришлось ему упустить, пока не свыкся онъ съ этимъ ощущеніемъ. Давъ налиму время увлечься столь милымъ занятіемъ и засосать палецъ до згиба, охотникъ другую руку располагаетъ въ водѣ надъ нимъ такъ, чтобы можно было ухватить его ближе къ серединѣ туловища;—теперь все готово, настала пора дѣйствовать: сразу, сильно пригибаетъ онъ согнутый къ ладони палецъ, ущемляя голову налима, другою рукою хватаетъ его по серединѣ, давая движеніе къ правой рукѣ, какъ-бы желая насадить его сильнѣе на палецъ; такимъ образомъ, налимъ оказывается въ тискахъ. Нужно строго лишь наблюдать за собой, чтобы руки по возможности дѣйствовали согласно, не выступая одна передъ другою. При такомъ положеніи не помо-

жетъ налиму ни сила, ни ловкость онъ очень теряется отъ такой неожиданности, охотнику же важень тотъ моментъ, онъ пользуясь имъ и выбрасываетъ налима на берегъ. Уже не одна сотня налимовъ всевозможной величины поплатилась за свое ротозѣйство своимъ вкуснымъ мясомъ.

Съ мелкимъ до 6—7 вершковъ налимами можно управляться одной рукой, что, конечно, не сразу пойдетъ на ладъ, практика необходима. Мой пріятель, напримѣръ, опытенъ, а и теперь случаи ухода налима не въ рѣдкость, но наловчившись, какъ хотите, любопытно заполучить руками такую сильную и бойкую рыбу, которая вообще у насъ ловится снастями или удочкой далеко не часто.

По первой порошѣ съ подъѣзда.

I.
Прерванные
сборы.

сень на Уралѣ 187* года затянулась долго; давно уже термометръ стоялъ на 10° - 18° ; наступили и первыя числа ноября, а снѣгу нѣтъ какъ нѣтъ; лишь съ 4 на 5 небо заволокло свинцовыми, низко нависшими тучами, тихо надвигавшимися съ сѣвера, въ воздухѣ какъ-бы нѣсколько потеплѣло, и на землю рѣдкими большими хлопьями посыпался снѣгъ, не перестававшій падать упорно день и ночь до 6 числа. Ровнымъ слоемъ вершковъ на пять—на шесть покрылась земля бѣлоснѣжною скатертью; дорога зимняя установилась сразу; безшумно заскользили по ней легкія городскія сани, кошевки и неуклюжія на видъ, тяжеловѣсныя крестьянскія розвальни: казалось, что и лошадки воспрянули духомъ и бѣжали бойчѣе, отдѣлвшись отъ громоздкихъ колесныхъ экипажей.

Ожили и мы, наскучавшіеся охотники; наконецъ-то дождались времечка, когда можно поѣхать съ подѣзда и на чучела за косачами, а потому и разговоры о такомъ выѣздѣ начались чуть не съ первыми-же снѣжинками.

8 Ноября приходилось въ праздникъ, и Алеша предложилъ имъ воспользоваться безотлагательно. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, когда и какъ ѣхать, послѣдовало такое рѣшеніе: въ ночь на 8-е ѣдемъ въ деревню Пышму, тамъ ночуемъ, а съ утра двинемся охотой къ Балтыму.

Придя домой, я сообщилъ наше соглашеніе о предстоящей охотѣ моей женѣ, которая давно уже ждала этого дня, ибо я обѣщаль взять ее съ собой на первую-же, охоту съ подѣзда или на чучела. Она, какъ дочь охотника, слышала немало о зимнихъ охотахъ, но лично участія въ нихъ не принимала; на весеннихъ-же и лѣтнихъ бывала не разъ, а потому сочувственно относилась къ охотамъ и, ставши моей женой, съ нетерпѣніемъ ждала случая ознакомиться съ тѣми охотами, о которыхъ имѣла представленіе лишь по разсказамъ.

За два дня до отѣзда мы, т. е. я и Лиза (моя жена), занялись приготовленіями: нужно было составить реестръ, что взять съ собой, ибо жена въ первый разъ ѣхала въ такую экскурсію, какъ хозяйка, а потому странно волновалась и мило хлопотала; я же начиналь патроны, лиль пули къ винтовкѣ, перетираль разныя принадлежности охоты; ну, словомъ, былъ озабоченъ тѣми знакомыми каждому охотнику мелочами, коихъ всѣхъ не перечесть.

За работой время летитъ незамѣтно, и мы засидѣлись. На ближайшей церковной колокольнѣ пробило 11 часовъ; не замеръ еще послѣдній дребезжащій звукъ колокола, какъ вниманіе наше было привлечено топотомъ бойко идущихъ лошадей и визгомъ желѣзныхъ полозьевъ о смерзшійся снѣгъ, круто оборвавшійся у подѣзда нашего дома.

На лицѣ Лизы такъ и замеръ вопросъ недоумѣнія: кто этотъ столь поздній посѣтитель!?. Еще секунда—другая томленія—и все объяснилось: Ясно слышались увѣренные шаги къ окну моего кабинета, а затѣмъ послѣдовали сдержанные удары въ закрытую ставню, и знакомый голосъ моего лучшаго друга, Николая Ивановича, раздался, какъ въ комнатѣ: „Принимай запоздалаго путника!“

— Да это нашъ маленькій Коля съ присека,—оживилась Лиза (такъ звали въ шутку Николая Ивановича, который на самомъ дѣлѣ былъ чуть-ли не въ сажень ростомъ).

— Открывай-же ему скорѣе дверь!—Идите, Николай Ивановичъ, къ парадному: Поль пошелъ открывать,—сказала она, наклонившись къ окну.—А я, Поль,—бросила она мнѣ въ слѣдъ;—пойду подниму наше сонное царство, да велю дать чего нибудь закутить и поставить самоваръ.

Впустивъ друга, я былъ пораженъ его нервностію; онъ со злостью швырнулъ баулъ съ золотой банкой на полъ прихожей, крайне неосторожно стукнулъ ружьями, ставя ихъ въ уголъ, сбросилъ съ плечъ тяжелую шубу—и только тогда, сжавъ меня до боли въ своихъ могучихъ объятіяхъ, проговорилъ—„Здравствуй, другъ, Боже, какъ я счастливъ, что вновь могу прижать тебя къ своей груди!.. Ты не повѣришь, что полчаса тому назадъ я уже мысленно простился и съ тобой и со всѣми близкими...“

Едва вырвавшись изъ этихъ объятій, я просилъ объяснить, что все это значить,—какъ понимать его слова?

— Понимай, другъ, такъ, какъ они сказаны, а съ поясненіями немножко повремени, дай въ себя прийти, убѣдиться, что настоящее не сонъ, не тотъ кошмаръ, подъ которымъ я находился полчаса тому назадъ.

Онъ вторично обнялъ меня, и мы прошли чрезъ залъ въ кабинетъ.

— Какъ, братъ, здѣсь хорошо, тепло, уютно и все знакомо,—говорилъ Коля, опускаясь на тахту,—Нѣтъ, это не сонъ: я чувствую все, вижу твою добрую рожу и крайне недоумѣвающей взглядъ... вотъ и добрые товарищи—„Пиратъ“ и „Діана“, идущіе поласкаться ко мнѣ, какъ къ старому знакомому. Ахъ вы, песики, хорошіе песики!.. А гдѣ-же Елизаветъа Алексѣевна? Я слышалъ ея голосъ.

Отвѣчать не пришлось, ибо жена вошла въ кабинетъ и, протягивая руку Николаю Ивановичу, проговорила: „Здраствуйте, полуночникъ; идемте въ столовую: съ дороги слѣдуетъ выпить рюмочку водки и закусить,—тамъ все почти готово, сейчасъ-же подадутъ и самоваръ. Да ну, живо, поднимайтесь-же!.. Какой, право, медвѣдь!.. Вашу руку, Николай Ивановичъ, идемте!..“

— Благодарю, съ удовольствіемъ выпью, вотъ только на счетъ рюмочки немного не согласенъ: по нынѣшнему времени такая порція какъ будто не въ порцію... Вы ужъ добрѣйшая Елизаветъа Алексѣевна, замѣните рюмочку стаканчикомъ, потому—пользительнѣе будетъ,—болталъ Коля, пока мы перешли въ столовую и усаживались къ столу.

Лиза улыбнулась его выходкѣ, но зная давно Колю, какъ не дурака выпить, не замедлила исполнить его желаніе, собственноручно налила полный чайный стаканъ живительной влаги, и передавая Колѣ, просила пить на здоровіе до дна.

— За ваше здоровіе, Елизаветъа Алексѣевна, и за счастливѣйшее свиданіе, вотъ за что я выпью этотъ стаканъ!

— Что это вы какой-то сегодня особенный, Николай Ивановичъ? что съ вами?

— Ахъ, Елизаветъа Алексѣева, сегодня все особенное: ночь такая, какой не дай Богъ злomu татарину... Одно желаніе,—чтобы она не повторялась больше въ моей жизни. Я уже сказалъ Полю, что полчаса тому назадъ: рисковалъ никого изъ васъ не

видать... Ухъ, бррр!.. Будте-же здоровеньки, Елизаветъта Алексѣевна!—и онъ, не отрываясь, выпилъ стаканъ до дна, крякнулъ и проговорилъ: „вотъ какъ у насъ!“

— Слушайте, Николай Ивановичъ, терпѣть я не могу загадокъ, вы это знаете и какъ нарочно хотите меня сердить... Что случилось съ вами—говорите, разсказывайте подробно!—кипятилась Лиза такъ, какъ кипятятся вообще барыни, а молоденькія въ особенности, разъ задѣто любопытство.

— Извольте, съ удовольствіемъ исполню вашъ приказъ, но позвольте попросить выслать моему кучеру Степану такой-же вотъ стаканчикъ брыкаловки: вѣдь онъ за компанію со мной пережилъ не менѣе моего,—такъ и ему это будетъ цѣлебнымъ бальзамомъ.

Въ это время прислуга принесла кипящій самоваръ; жена вручила ей стаканъ водки для Степана, велѣла дать ему закусить, и заварила чай.

— Ну-съ, я готова слушать—сказала она.

— Къ вашимъ услугамъ. Сегодня съ утра на нашемъ приискѣ мною были произведены расчеты съ тѣми немногими старателями, которые работали въ шахтахъ, и прекращены работы приисковой развѣдочной партіи отъ конторы. О тѣхъ хлопотахъ и вознѣ со всѣми этими людьми я говорить не буду, ибо вамъ Елизаветъта Алексѣевна, это неинтересно, а Польшъ, какъ самъ когда-то одержимый недугомъ „золотухи“, знакомъ съ этой возней не менѣе моего, да, собственно говоря, и дѣло не въ этихъ мелочахъ. Такъ или иначе, но къ 8 часамъ вечера я окончательно отдѣлаюсь и сталъ собираться къ дому. Въ это время услужливая Ивановна, наша приисковая мать-кормилица, доморощенная кухарка, подала мнѣ самоваръ да слѣдомъ за нимъ принесла шипящую яичницу, приглашая на дорожку закусить. Все это было во-время и хорошо, вѣдь за цѣлый день мнѣ не пришлось, какъ слѣдуетъ, съѣсть куска хлѣба,

а потому рюмка водки и кусокъ горячей яичницы были болѣе чѣмъ кетати, одно—компаніона не хватало, но и за этимъ дѣло не стало: появился нашъ безсмѣнный присковый стражъ и Штейгеръ Петровичъ, симпатичный старикъ, которому мнѣ предстояло, между прочимъ, дать кое-какія распоряженія по приску на зиму, и который въ данную минуту не отказался получить ихъ за чаркой водки и закуской. Итакъ, закусывая, переговорили о дѣлахъ; наконецъ, можно было и ѣхать. Петровичъ распорядился закладывать лошадей, и векорѣ доложили, что лошади готовы; я захватилъ свои ружья, а Петровичъ мои пожитки, заключающіеся въ 2-хъ узелкахъ и тощемъ чемоданѣ. Вещи быстро уложили, взмогился и я на сидѣнье, отдалъ послѣднія приказанія остающимся на прискѣ и, попрощавшись, велѣлъ трогать.

— Откровенно говоря, легко, пріятно было вдохнуть чистый морозный воздухъ и сказать: „конецъ невольному пребыванію на дачѣ въ скучное осеннее время, можно теперь и на людей“... Лишь только мы выѣхали со двора, Степанъ радостно проговорилъ: „А и баско-же будетъ намъ ѣхать, Миколай Ивановичъ, свѣтло-то какъ, словно-бы днемъ! Эхъ, вы, мидья, работайте!“ закончилъ онъ, махнувъ рукой на лошадей, какъ-бы желая ихъ ударить кнутомъ!

— Лошади бойко приняли легкую кошевку, и мы понеслись мимо покосившихся присковыхъ построекъ, держась все вправо къ стѣной стоявшему впереди мелкому дѣсу.

— Ночь, какъ вы видите, восхитительная. Вѣтеръ отсутствуетъ; морозъ даетъ себя чувствовать на быстрой ѣздѣ. Лошади, чуя хорошей путь и легкость экипажа, бѣжали хорошо—бойко, безъ понужденія. Скоро миновали присковую площадь и выѣхали на узкую проселочную дорогу, какъ стѣной огороженную съ той и другой стороны молодымъ частымъ сосновымъ лѣсомъ. Дорога шла то вправо, то влѣво, од-

нако мы скоро ее переѣхали и выбрались на широкую поперечную просѣку съ быстрой рѣчкой Нешутихой по срединѣ, давно уже покрытой льдомъ, переѣкли ее и выѣхали въ страсовой сосновый боръ. Каждое близъ стоящее дерево этого бора красно выдѣлялось изжелта-блѣдною корою, сплошь покрытою темными пятнами ближе къ комлю, у самага-же комля почти черную, какъ уголь.

Тишина въ лѣсу была невозмутимая, даже бойкій топотъ нашихъ лошадокъ, какъ-будто не смѣлъ нарушить всеобъемлющаго покоя и терялся, не находя отклика. Жутко, но въ тоже время и хорошо въ такую ночь путнику, любящему природу во всѣхъ фазисахъ ея жизни. Ёдемъ хорошо. Пожалуй, половину дороги ужъ съѣзжали, а я не перекинулся ни словомъ со Степаномъ, да и онъ что-то молчалъ: вѣрно, скучно ему или задремалъ,—подумалось мнѣ, дай-ка я его расшевелю.

— Эй, Степанъ, что надулся и молчишь, не хочешь-ли пашироску?

— Нѣ, ничего, такъ, давайте курнемъ... А вотъ я все думалъ...

— Коли не секретъ, такъ повѣдай твою думу, а пока получай паширосу,—целубошествовалъ я, потому что проговорилъ онъ свое „все думалъ“ именно такъ, какъ бы напрашиваясь, чтобы его спросили о чемъ именно его думы. Нѣкоторые люди умѣютъ именно такъ сказать, что затронуть любошество и непременно спросишь въ чемъ дѣло.

— Благодарствую, а думаю я вотъ о чемъ: Кузьму криваго работника знаешь? во, какой все пьянь...

— Ну, знаю.

— Такъ ень былъ въ своемъ, значитъ, обакновенномъ видѣ—пьяный и сболтнулъ, сболтнулъ значитъ неладное,—такъ можно-ли вѣрить яму, али нѣтъ.

— Да что онъ сказалъ-то?—судя по этому, можно видѣть,—вѣрить или нѣтъ?

— Бытто, болтали кое-кто на рудникѣ, чтобы, значить, смотрителя обокрасть, а если что, буде заартачится, то и прикончить... Во дѣло-то какое!

— Ну, другъ, тутъ рѣшить дѣло мудреное, ибо давно сказано—„чужая душа потемки“, но съ другой стороны, если принять въ соображеніе, что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго можетъ быть и на умѣ, то онъ прав...

— Стой!—чуть не крикнулъ Степанъ на меня,—стой! Чу!.. никакъ погоня за нами... Гонять, шибко гонять—только верхомъ или въ упряжи—не чутко.

— Да ты останови лошадей-то,—посовѣтоваль я ему, такъ лучше можно будетъ разобрать.

— И то правда.—Онъ потянулъ возжи, и лошади стали, какъ вкопанныя.

— Глухо доносила въ морозномъ воздухѣ бѣшенная скачка по нашему-же слѣду, еще нѣсколько секундъ—и отдѣльныя рѣзкія ноты отчаяннаго гиканья коснулись нашихъ ушей. Рѣшить, --была-ли это погоня, или то возвращались подгулявшіе рабочіе—было трудно и преждевременно, но въ тоже время дожидаться ихъ приближенія особеннаго удовольствія не представляло, и мы рѣшили тронуться. Степанъ ослабилъ возжи, и лошади вновь пошли тѣмъ-же ровнымъ ходомъ, какимъ мы ѣхали до остановки, тѣмъ не менѣе, на этотъ разъ Степанъ вооружился хлыстомъ и время отъ времени сердито помахивалъ имъ надъ лошадьми и сквозь зубы приговаривалъ: Э-эге, други, поберегайтесь—ударю!

— Векорѣ топотъ ѣхавшихъ за нами раздался ясно: разстояніе, видимо, сократилось значительно, и если мы не видѣли преслѣдователей, то только благодаря мелочамъ, съ—избыткомъ разросшимся между боромъ и изгибами дороги; вотъ и отдѣльныя голо-

са уже слышны, а уханье и тиканье на несущихся вскачь лошадей словно надъ ухомъ раздается.

— Поцужнуть, видно, надуть; ишь, чтобы ихъ язвило, нажимають!—съ сердцемъ проговорилъ Степанъ и ударилъ по лошадямъ: онѣ рванулись и поехали. Я молилъ кучера объ одномъ—сдерживать пристяжную на частыхъ поворотахъ, опасаясь какъ-бы легкая кошевка не опрокинулась, но успокоился его отвѣтомъ, что теперь раскатовъ нѣтъ; кромѣ того, его испытанная ловкость управлять лошадьми гарантировала отъ случайности; я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться въ его лихой ѣздѣ, а потому даже за сорвавшееся:—„осторожиѣ, какъ-бы на поворотѣ не выпасть“, мнѣ нѣсколько неловко стало. Еще одинъ ударъ по лошадямъ, и мнѣ кажется, что не будетъ сказано сильно, если я употреблю выраженіе: мы летѣли по этой чудной первопуткѣ.

— Какія думы волновали въ это время моего Степана—рѣшить не сумѣю, хотя предполагаю, что онъ не сомнѣвался въ погонѣ и въ опасности; мнѣ же все казалось преувеличеннымъ, фантазіей, основанной на брѣдѣ пьянаго мужиченки; но, къ несчастію, скоро пришлось разочароваться и задуматься надъ этимъ посерьезнѣе, ибо какъ мы не гнали, но и преслѣдователи не отставали; ихъ лошади оказались не хуже нашихъ: разстояніе, насъ раздѣлявшее, видимо сокращалось; можетъ быть, они услышали нашу быструю ѣзду и теперь изъ кожи вонъ лѣзли, чтобы захватить насъ еще на просѣлкѣ. Вотъ, въ одномъ мѣстѣ, передъ выѣздомъ на широкой проѣзжей тропкѣ, проселокъ на полверсты вытягивается, какъ стрѣла: преслѣдователи насъ увидятъ, увидимъ и мы ихъ... Да вотъ и они, съ дикимъ гиканьемъ погоняющіе и безъ того въ карьеръ идущихъ лошадей... Разстояніе сокращалось и сокращалось; вотъ они уже въ сотнѣ шаговъ отъ насъ. Какъ вой голодной стаи волковъ раздается по нашему адресу окликъ: „Стой-

те! стойте! но мы и не думали исполнять подобнаго требованія, а мой Степанъ только пробурчалъ: „Готовьтесь, баринь!“—Еще минута, другая бешанной скачки—вновь окликъ еще назойливѣе съ требованіемъ остановки и съ добавленіемъ—„будетъ худо“, но мы, видя стойкость нашихъ лошадокъ, и на этотъ разъ не обратили вниманіе на окликъ, хотя становилось жутко. Кто знаетъ, сколько ихъ тамъ, хватить-ли силъ справиться въ случаѣ борьбы—вотъ тѣ вопросы, которые волновали меня въ ту минуту. Я, вы знаете, не изъ трусовъ, но откровенно говоря, мурашки заходили по тѣлу, и шапка имѣла желаніе сама слѣзть съ головы; казалось, выхода нѣтъ; только особый случай могъ спасти насъ: встрѣча съ обозомъ на трактѣ, или съ запоздалымъ проѣзжимъ, или, наконецъ, что-нибудь случится съ преслѣдователями, но все это были тѣ соломенки, за которыя хватается утопающій, ища спасенія въ послѣднія минуты. Оглядываясь назадъ, я вижу, что разстояніе какъ-будто еще уменьшилось... Вдругъ меня внезапно осѣнила мысль испытать свою ловкость въ стрѣльбѣ пульей ночью, вѣдь не даромъ-же убивалъ я иногда даже птицу на лету изъ винтовки; мой „Турка“ со мной, заряженъ, и не одинъ ужъ Мишка Топтыгинъ легъ отъ его доброй пули—такъ отчего бы не сразить ею-же и коренника нашихъ преслѣдователей. Жаль, положимъ, неповинную скотину, но умѣстна ли жалость, когда грозитъ опасность человеческой жизни. Попробую, рѣшилъ я:—это единственный и въ данный моментъ лучший исходъ,—пусть будетъ, что будетъ!

— Ну, Степанъ,—обращаюсь я къ кучеру,—понаужь лошадей—раздѣлка близка, и тебѣ и мнѣ жизнь дорога: надо, чтобы они насъ до тракта не догнали, а тамъ, какъ только выѣдемъ, я тебѣ крикну: „стой!“—сдержки тогда лошадей такъ, чтобы онѣ встали, какъ вкопанные, хотя-бы для этого, если-бы понадобилось, посади ихъ назадъ... Понимаешь, мнѣ

необходима одна минута такой остановки... Можешь-ли такъ сдѣлать?

— Чую, но больно страшно!—съ какой-то дрожью въ голосѣ проговорилъ Степанъ.

— Пойми-же ты, что только въ этомъ наше спасеніе!.. Если мой планъ не удастся, то вотъ тебѣ мое ружье—защищайся, а я буду дѣйствовать револьверомъ. Ну, готовъ что-ли?

— Э-э-хъ, все единственно пропадать-то!.. Коней больно жаль—изморились сердечныя!.. Сдѣлаю все, вынесу на трахть и сдержу!—сказалъ Степанъ съ какимъ-то отчаяніемъ и, сильно ударивъ нѣсколько разъ хлыстомъ ту и другую лошадь, свистнулъ такъ, что въ ушахъ зазвенѣло, и мы сразу замѣтно отдѣлились отъ преслѣдователей.

Намъ вслѣдъ вновь послѣдовало: „Стойте!“ и два револьверныхъ выстрѣла подкрѣпили это „стойте“.

— Ахъ, окаянные и у нихъ оружіе объявилось!.. Слышалъ, Степанъ, будетъ, видно, игра?!.. неволью сорвалось съ языка.

— Вонъ и трахть!—вмѣсто отвѣта, проговорилъ Степанъ.

Дѣйствительно, впереди, сквозь рѣдкій боръ, трахтъ выступилъ свѣтлой полосой, еще нѣсколько секундъ—и мы благополучно вылетѣли на него. Яркій свѣтъ луны на столько освѣщалъ ширь полотна дороги и все кругомъ, что я, прикинувъ штуцеръ къ плечу, ясно видѣлъ мушку, но опять бѣда—руки дрожали, и ружье бросало изъ стороны въ сторону, какъ былинку: о вѣрномъ выстрѣлѣ не могло быть и мысли. Новая мысль, какъ молнія, мелькнула въ головѣ; вѣдь стоитъ лишь повернуться въ кошевкѣ спиной къ Степану, а заднику экипажа обратить въ подставку для ствола—дѣло упростится. Я моментально же привелъ эту мысль въ исполненіе и уже спокойно ждалъ развязки. Преслѣдователи не

замедлили появиться; я выждалъ, чтобы они вытянулись въ одну съ нами линію и сказалъ кучеру убавить ходъ лошадей, дабы затѣмъ лучше было сдержать ихъ окончательно, и въ тоже время крикнулъ что было силы: „Стойте, иначе убью!“ Но этотъ окликъ какъ бы подлил въ огонь масла: оттуда послѣдовалъ какой-то вой; разобрать, что они отвѣчали, не было возможности, а раздавшіеся выстрѣлы свидѣтельствовали о крайнемъ раздраженіи. Чаша терпѣнія переполнилась, и я крикнулъ роковое. „Стой, Степанъ, пора!“ Моментально лошади были остановлены. Пока разстояніе сокращалось, я цѣлилъ въ коренника и, подпустивъ преслѣдователей шаговъ на 20, нажалъ спускъ у штуцера: грянулъ выстрѣлъ добраго „Турка“ въ ночномъ воздухѣ... Коренникъ, какъ мнѣ показался, вздыбился, но такъ ли это—разматривать или провѣрять не было времени, ибо съ выстрѣломъ Степанъ ослабилъ возжи, и наши лошади бросились въ махъ, по посыпавшійся вслѣдъ намъ градъ револьверныхъ пуль и душу раздирающій крикъ преслѣдователей наглядно говорилъ о томъ, что пуля, пущенная мною, дошла по назначенію, и коренникъ убитъ или раненъ. Отъѣхавъ на приличную дистанцію и воспользовавшись поворотомъ дороги, мы остановились на минутку, чтобы убѣдиться,—нѣтъ ли дальнѣйшей погони, но кромѣ одиночнаго выстрѣла и какого-то отдаленнаго шума, совсѣмъ не похожаго на погоню, мы ничего больше не услышали. Невольно и отъ души проговорили мы „Слава Богу, все кончено! теперь погоня не страшна“. Трогай же, Степанъ, скоро и городъ, а тамъ и друзья: отдохнемъ сами да отдохнуть и кони.

— Налейте-ка мнѣ теперь, добрѣйшая Елизавета Алексѣевна, еще рюмочку, и я вышью за благополучный исходъ и дорогое свиданіе, да не поставьте въ вину, что заболтался—давно вѣдь ужъ полночь пробито, пора и бай—бай! такъ закончилъ свой рассказъ Коля.

II.

Охота.

а другой день Коля едалъ золото, передалъ дѣла главному управляющему пріисками, получилъ отъ него нѣкую сумму презрѣннаго металла въ награду за отличное завѣдываніе пріискомъ и возвратился къ намъ вновь, какъ говорится, въ своей тарелкѣ, и потому не преминулъ присоединиться къ нашей компаніи, чтобы поохотиться съ подѣзда.

Такимъ образомъ, компанія наша вполнѣ составила; доставить же Колю до мѣста охоты взялся Алеша. Сборный пунктъ и выѣздъ былъ назначенъ отъ насъ въ виду того, что ѣхать рѣшили не трактомъ, а проселочными дорогами, такъ какъ путь этотъ былъ нѣсколько ближе, а главное—безусловно лучше и красивѣе, пролегая все время то боромъ, то покосами или мелочами.

Къ условленному часу собрались; все было готово къ выѣзду, но мы имъ не торопились, дожидаясь луны, и какъ только появилось ночное свѣтило—тронулись въ путь. Скоро миновали заводъ и лишь только вступили въ лѣсъ,—Лиза, взглядываясь въ лѣсную даль, нѣжно серебрившуюся подъ лучами мѣсяца, вспомнила вчерашній ризказъ Коли и проговорила: „А вѣдь Николай Ивановичъ правъ, рисуя такими красками лунную ночь въ лѣсу; хороша она!... Нѣтъ, этого мало, не только хороша, а восхитительна! ты только посмотри: вотъ елочка, что въ лѣво, какъ красиво она убрана оставшимся пушистымъ снѣгомъ на ея мохнатыхъ вѣтвяхъ, точно серебряную парчу

кто бросилъ, и горить она разноцвѣтными огнями.... Странно, почему я это раньше не замѣчала этой своеобразной красоты?!.. Право, я этого себѣ представить не могу, вѣдь не впервые разъ ѣду зимой по лѣсу, но никогда, никогда я не видала того, что вижу сейчасъ. Ну же! не необходимо, чтобы кто нибудь натолкнулъ, сказавъ—обрати вниманіе!“

— Любуйся, созерцай и наслаждайся, мой другъ, мнѣ это все знакомо, хотя и каждый разъ какъ бы ново;—отвѣтилъ я ей, и пока она занимается созерцаніемъ, я тѣмъ временемъ скажу нѣсколько словъ о предстоящей охотѣ и мимоходомъ познакомлю съ ней товарищей по страсти, которые никогда не бывали въ нашихъ частяхъ.

Начну съ того, что нѣкоторыя характерныя черты нравовъ тетеревей и глухаря, присутія имъ лѣтней порою, рѣзко измѣняются съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ; такъ, напримѣръ, любимыя мѣста лѣтнихъ жировокъ, какъ тетерева, такъ и глухаря,—покосныя мѣста до ихъ уборки, затѣмъ цѣлины, тальники, можжевельныя поросли, курени,—ягодники, какъ изобилующія пищей, но какъ только выпадаетъ снѣгъ, птица лишается этой удобной и обильной всякими яствами столовой и вынуждена переходить на болѣе постную пищу, какъ то: березовыя и осиновыя почки, не берзгую и нѣжной хвоей ели, пихты и молодой сосны, а также временно и лиственки. Кромѣ того, съ той-же поры до сильныхъ заморозковъ глухарь и почуетъ на деревьяхъ, ели или соснѣ, забравшіеся обязательно въ полдерева, ближе къ стволу, въ густыя вѣтви, въ мѣсто болѣе защищенное отъ непогоды, а потому утромъ ихъ всегда можно встрѣтить именно въ этихъ лѣсахъ.

Для подѣзда употребляются нѣкоторыми охотниками специально устроенныя сани на высокихъ копыльяхъ, но о нихъ я скажу какъ нибудь въ другой разъ, ибо онѣ пригодны не только для этой охоты, но и для ѣзды вообще въ лѣсу глубокою зимою,

при большомъ снѣгѣ, но первоначально же, по моему, самый основательный для этой охоты экипажъ—обыкновенныя легкія, даже не кованныя крестьянскія дровни съ коробомъ, въ которомъ возить руду или уголь, потому что къ такому экипажу и птица какъ бы приемотрѣлась—не такъ его сторожится; проѣхать же въ немъ можно въ лѣсу вездѣ, да и стрѣлять очень удобно.

Самое лучшее время охоты—первыя пороши, мягкая безвѣтренная погода и раннее утро, то есть первые часы, какъ покажется солнышко до 9—10 и рѣдко 11 ч. дня, ибо въ это время начинается вы-

летъ птицы на корма, и она, будучи голодная, лучше подпускаетъ охотника съ подъѣзда. Вылетаютъ тетерева большою частью на разъ избранныя мѣста,

а потому если у васъ провожатый знаетъ такія мѣста,—охота упрощается, если же нѣтъ, то нужно ѣздить и отыскивать дичь, держась при этомъ, конечно, березовыхъ перелѣсковъ, расположенныхъ около болотъ или хлѣбныхъ полей. Если вы выѣхали очень рано, то зорко слѣдите, не покажется ли гдѣ летящій тетеревъ и, замѣтивъ его направленіе, слѣдуйте принятому имъ пути, и можно безошибочно сказать, что вскорѣ вы увидите тетерева на деревьяхъ, ибо зимой одиночного тетерева встрѣтить трудно, а летитъ онъ непременно къ табуну.

Найдя вылетѣвшихъ тетеревей, заѣздъ производится на кругахъ, если позволяетъ мѣстоположеніе; въ противномъ случаѣ приходится описывать дуги, исподволь сокращая разстояніе; причемъ повороты необходимо дѣлать не на виду у птицы. При заѣздахъ слѣдуетъ имѣть въ виду потяжку вѣтра и держаться подвѣтренной стороны, потому что постоянные заѣзды, какъ-бы они аккуратно не были дѣлаемы, видимо, въ концѣ концовъ, раздражаютъ птицу,—она становится крайне сторожкой и не подпуститъ на выстрѣль. Еще одно не лишнее слово: не слѣдуетъ упорно смотрѣть на птицу во время заѣзда, и въ особенности, когда цѣль уже близка; я не разъ замѣчалъ, что такого взгляда птица не выноситъ и немедленно снимается.—Вотъ все, что можно сказать, какъ объ основѣ охоты, разные же варианты и случаи присущи ей, какъ и всякой другой.

Незамѣтно летитъ время съ такимъ спутникомъ, какого судьба послала мнѣ сегодня. Лиза всю дорогу весело болтала и восхищалась, какъ милое наивное дитя хорошенькой игрушечкой, красиво мѣняющимися видами.

Вскорѣ показалась деревня; давно она намъ знакома, ничего въ ней нѣтъ особеннаго, но теперь же все выглядываетъ какъ то особенно красиво на снѣжной равнинѣ, залитой мягкимъ свѣтомъ луны и какъ рамой обнесенная темною лѣсною опушкою. Рѣчка

Пышма, рѣдко замерзающая и въ Рождественскіе морозы, быстро катила свои чистыя темно-синія воды, отражая серебристыя лучи полной луны и рѣзко выдѣляясь въ бѣлоснѣжныхъ берегахъ.

Вездѣ въ домахъ еще свѣтились огни, когда мы остановились у воротъ Тимоѣева домика. На нашъ окликъ вышелъ самъ хозяинъ; широко распахнулись одностворчатыя тесовыя ворота, какъ то глухо крякнувъ на желѣзныхъ петляхъ и, мы, подъ привѣтствіе добродушнаго Тимоѣя, въѣхали въ большой крытый дворъ. Еще минута, другая—и вся наша компанія помѣстилась въ большой уютной комнатѣ, именуемой заломъ, и, сбросивъ тепыя одежды, хозяйничали какъ у себя дома.

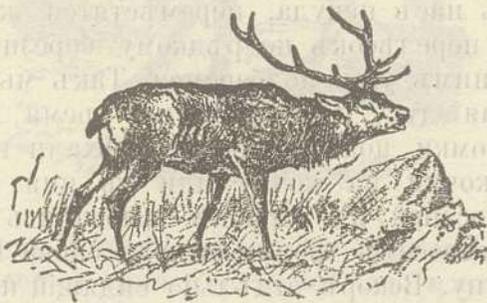
Не менѣе гостепріимная хозяйка Ивановна помогала женѣ разобраться съ массою кулечковъ съ провизіей, накрывая столъ для закуски; вскорѣ появился пузатый самоваръ, и мы окружили его, какъ желаннаго друга. Не замедлилъ появиться и дѣдушка Митрій (Дмитрій), отецъ Тимоѣя, когда то записной охотникъ, но теперь имѣющій уже девять десятковъ лѣтъ на плечахъ, жившій только былыми воспоми-

наніями объ охотѣ да лѣтомъ ловившій рыбу и занимавшійся кое—какими чисто ребяческими работами около дома, ибо Тимоѳей его хвалилъ, говоря: „Ну, гдѣ же ему, этакому старику, возиться съ той или иной тяжелой работой, можно послать на нее Петруху, аль Сеньку—ребята въ порѣ ужъ, а ему что полегче: года-то такіе—отдохнуть можно; бѣдовскій былъ работяга въ молодости—недаромъ теперь благодаря Бога, въ достаткахъ живемъ!“ И надо отдать справедливость, поступалъ Тимоѳей очень умно ибо только, благодаря заботамъ старика, Тимоѳей по крестьянски жилъ превосходно, поднявшись, какъ говорили съ заводскихъ и городскихъ подрядовъ лѣса и руды, а также одно время выручило его старательское золото.

Отъ отца Тимоѳей унаслѣдовалъ и страсть къ охотѣ, но отдавался этому удовольствію только въ свободное отъ работъ время, не возводя его въ промысль, а потому мы скоро перешли на излюбленную тему, и послѣ 2—3-ей рюмочки водки, поднесенной дѣдушкѣ Митрію, онъ разошелся, потянулись нескончаемые рассказы изъ былого, коимъ такъ богата была старина, и которые гвоздемъ засѣли въ памяти старика; я крайнѣ сожалѣю, что тогда-же не занесъ въ свою памятную книжку нѣкоторые его рассказы, какъ характерные; въ общемъ же, картина получалась такова: всякой дичи было масса возлѣ самой деревни, глухариныхъ токовъ по Пышмѣ и Камышенкѣ хоть отбавляй, тетерева играли сотнями за селеніемъ, чуть не въ огородахъ; но и того мало—такая дичь, какъ олени, лоси, козлы, медвѣди, волки, рыси, куницы, бѣлки и даже соболи—все это было недалеко и въ громадномъ количествѣ, а теперь перваго поискать еще хорошенько—такъ найдется, хотя и не такъ ужъ близко, а о послѣднихъ и не слышать, развѣ что волчишка—шатала еще покажется, лиса—воровка по покосамъ да куренямъ бродить одна—другая, да бываетъ годъ бѣлка шибко идетъ

по сосняку или е^{ли}, такъ по Пышмѣ и канавѣ, что изъ озера идетъ, в^{стрѣчае}тся порядочно,—вотъ тутъ и охота. „Да, кабы теперъ насъ обязали, какъ прежде господамъ служили, столько-то и такой-то дичи къ столу поставить, такъ и охотиться бы было некогда: все бы драли на конюшняхъ за неисполненный урокъ, во какъ!“—заканчивалъ дѣдушка обыкновенно свой рассказъ.

Пока мы закусывали, расторонные сыновья Тимоѳея привели намъ двоихъ возницъ для завтрашней охоты, съ которыми Алеша и Коля договорились, а меня и жену рѣшилъ везти самъ хозяинъ. Планъ охоты составился какъ-то самъ собой, ввиду того, что каждый изъ возницъ зналъ мѣста и замѣтилъ вылетъ птицы, что впередъ гарантировало удачу.

На утро, вставъ вмѣстѣ съ солнышкомъ, мы, наскоро закусивъ, тронулись на охоту.

Утро было превосходное: легкій морозъ при полномъ отсутствіи вѣтра едва-едва давалъ себя чувствовать на быстрой ѣздѣ, пока мы всей компаніей выбиралась изъ деревни. Вскорѣ Коля свернулъ въ лѣвую сторону, къ мѣдному руднику, а мы съ Алешей потянулись вправо, до перваго покосика у канавы, а тамъ уже каждый поѣхалъ по своему намѣченному пути.

Ѣдемъ мелкой трусцою, зорко оглядывая начавшіе попадаться березники и осинники, ибо Тимоѳею

увѣрялъ, что того и гляди, наѣдемъ на косачей. если-де не на этомъ вотъ покосикѣ, то ужъ, навѣрное, на слѣдующемъ. Вскорѣ предсказанія его сбылись: по опушкѣ покоса, по смѣшанному лѣсу, какъ рѣдко разсѣвшіяся вороны, замелькали косачи. Мы остановились на опушкѣ покоса, чтобы не взбудить птицы, хорошенько ориентироваться и сообразить, какъ къ ней подъѣхать, ибо мѣсто, занятое тетеревами почти въ сплошномъ смѣшанномъ лѣсу, было до крайности неудобно для подъѣзда.

Долго сравнительно простояли мы, рѣшая это недоразумѣніе, и пришли-таки къ такому выводу; что мы ихъ здѣсь не возьмемъ: надо такъ или иначе сбить ихъ съ занятой позиціи, для чего средство одно—заѣхать сзади по какой-то Тимоѣею извѣстной тропѣ и спугнуть ихъ выстрѣломъ; дѣваться тетеревамъ отъ насъ некуда, перемѣстятся же они, навѣрное, за перелѣсокъ по рѣдкому березняку: тамъ-то мы къ нимъ ужъ подберемся. Такъ мы и двинулись, дѣлая дугу и держась все время противоположной кромки покоса; вскорѣ заѣхали въ лѣсъ и, ныряя съ кочки на кочку или съ пня на колоду, оставивъ косачей въ сторонѣ, выбрались и на обѣщанную Тимоѣемъ тропу, которая снова насъ повела къ табуна. Вскорѣ отдѣльно сидящій на вершинѣ стройной ели косачъ замѣтилъ насъ, вытянулъ шею и тревожно началъ разсматривать подозрительно двигавшійся нашъ коробъ. Далекое не допустивъ насъ на выстрѣлъ, тетеревъ этотъ снялся, а за нимъ снялись еще нѣсколько штукъ.

Подобравшись, наконецъ, противъ середины небольшого сравнительно табуна жировавшей птицы, мы почти всѣхъ ихъ нашли уже по березняку у кромки покоса. Тимоѣей остановилъ лошадь такъ, что мнѣ прекрасно были видны 3—4 штуки сидѣвшихъ птицъ на одномъ деревѣ, по крайней мѣрѣ шагахъ въ 150 отъ насъ, и посоветовалъ стрѣлять. На такой охотѣ зарядовъ жалѣть не приходится, а потому, взявъ вы-

ше цѣли на полъаршина, я пустилъ зарядъ крупной дроби изъ чока безъ надежды убить птицу, а лишь спугнуть. Каково-же было наше удивленіе, когда, послѣ выстрѣла, изъ всѣхъ снявшихся косачей одинъ полетѣлъ какъ-то очень странно, забирая все кверху и кверху, а затѣмъ сложилъ крылышки и коломъ пошелъ внизъ.

— А вѣдь никакъ одного подшибли?!... проговорилъ Тимошей и усиленно задергалъ возжами, погоня добраго коня, чтобы выбраться на покось.— Ужъ теперь найдемъ, я запримѣтилъ, куда онъ сунулся, продолжалъ возница, видимо озадаченный такимъ чуднымъ выстрѣломъ, да, собственно говоря, и было чѣмъ озадачиться, хотя подобныхъ выстрѣловъ изъ моего Пипера у меня на памяти еще сохранилось нѣсколько, но объ нихъ я скажу при случаѣ въ свое время. Кое какъ пробравшись вновь на покось, мы принялись за поиски; дѣло однако, долго не клеилось, ибо сколько мы не напрягали зрѣнія, на бѣлоснѣжной ровной скатерти, отливавшей мириадами брилліантовыхъ огней подъ лучами солнышка, ничего не было видно,

Вотъ оказія-то, — говоритъ Тимошей: — вотъ здѣсь и нигдѣ больше долженъ быть этотъ косачикъ! На поди, пропаль... Ужъ не тамъ ли вошь въ ямочкѣ? — и онъ направилъ лошадь къ едва замѣтной ямочкѣ; подѣхавъ вплотную, мы замѣтили, что изъ ямки торчатъ черныя перышки.

— Здѣсь онъ, баринъ! держите-ка возжи, я его духомъ добуду, — и, мигомъ выскочивъ изъ коробка, Тимошей досталъ изъ ямки уже мертвую птицу.

— Вишь, ловко какъ спрятаеся, кабы маленько поглубже снѣгъ, такъ бы мы его и не нашли! — заявилъ Тимошей, передавая птицу Лизѣ. — Теперь тронемся и за табуномъ: онъ покатишь, надо быть, къ моему покосу, что у самой канавы, тамъ-то ужъ мы его вотъ какъ возьмемъ — руками, потому мѣста чудесныя для объѣзда.

— Проѣхавъ съ полверсты, мы действительно нашли вновь весь табушъ, какъ говорилъ Тимошей, но взять изъ него такъ просто не пришлось ни одной штуки; были ли то уже путанныя птицы, или рано онъ вылетѣли и успѣли вплотную закуснуть, но онъ насъ на вѣрный выстрѣлъ не допускали и въ довершеніе всего, перемѣтившись раза три, четыре, снялись и скрылись совсѣмъ: пришлось ѣхать на

поиски другаго табуна, что въ виду поздняго часа уже не обѣщало удачи, и мы, весело болтая, снова ли съ покоса на покосъ, забирались въ каждый редищекъ, но все было напрасно—тетеревей больше не попадалось, между тѣмъ близился часъ завтрака и нашего съѣзда въ деревню, поэтому, выбравшись на торную лѣвеную дорожку, мы легкой трусцей направились къ штабъ—квартирѣ. Уже въ виду деревни нашъ возница вдругъ сразу остановилъ лошадь и повернулъ коробокъ поперекъ дороги, проговорилъ: „Баринъ, береги—косачи летятъ!“ Дѣйствительно, черезъ дорогу одинъ за другимъ быстро летѣли косачи, но стрѣлять было далеко; вдругъ, откуда не возьмись глухая тетерька шумно влѣчилась въ поддерева, всего шагахъ въ 50-ти отъ саней и, конечно, не успѣла какъ слѣдуетъ примоститься, какъ комомъ полетѣла на землю, сраженная свинцовымъ дождемъ.

Мы подвинулись къ убитой, взяли ее, и въ это время подѣхалъ къ намъ Алеша, спрашивая, есть ли что, и если да, то мы должны благодарить его за доставленное удовольствіе, такъ какъ онъ, ѣхавши кромкой покоса, не видалъ табуна, наѣхалъ на него вплотную и спугнулъ въ нашу сторону. Мы сказали ему спасибо, а Лиза въ свою очередь полюбопытствовала: что есть ли дичь у Алеши,—оказалось, что онъ

быль много счастливѣе насъ и убилъ одного глухаря да 3 или 4 тетеревей, при чемъ разсказаль, что диву дался своему ружью—не бьетъ и шабашъ!.. Онъ долженъ бы былъ убить по меньшей мѣрѣ трехъ глухарей, а взялъ лишь одного, между тѣмъ, ружье у него старинное, испытанное и что всего обиднѣе, что послѣ того, какъ разогналъ глухарей, вѣдь вотъ убилъ-же касачей, сидѣвшихъ много дальше, чѣмъ подпускали его глухари. Обстоятельство это, при обсужденіи на досугъ, было разслѣдовано и выяснилось, что все виноватъ азартъ, торопливость и патентованная пороховница, отдающая зарядъ посредствомъ нажима, при малѣйшей неполнотѣ котораго, вмѣсто полного заряда, высыпающая въ вѣ стволъ едва $\frac{1}{2}$, а потому при спѣшности нѣтъ ничего мудренаго, что приходится стрѣлять половиннымъ зарядомъ. А потому Алеша тутъ же рѣшилъ разъ и на всегда воротиться къ патранташу, а пороховницу брать лишь съ собой, какъ резервъ; и съ той поры строго придерживался принятому рѣшенію.

Опять мы въ теплой хатѣ Алехи Балтинскаго; вновь появился неизмѣнный пузатый самоваръ, добрая чарка водки, съ холодку, стаканчикъ теплой животельной влаги, налитой молодой хозяйкой, безконечная бесѣда съ дорогими друзьями о пережитыхъ минутахъ—вотъ довершеніе охотничьихъ экскурсій. Вскорѣ къ намъ присоединился и маленкій Коля, который былъ въ большомъ ударѣ, благодаря удачѣ: ему посчастливилось взять 8 штукъ тетеревей и двухъ зайцевъ.

Пока мы благодумствовали и строили планы охоты послѣ завтрака, едва замѣтный съ утра вѣтерокъ началъ крѣпчать, изъ за лѣсу съ сѣвера надвинулась и повисла сѣро-свинцовая туча и, быстро разростаясь, задернула весь небосклонъ, ежеминутно угрожая засыпать насъ снѣгомъ. Во избѣжаніе всякихъ неудольствій, единогласно было рѣшено охоту

на сегодня закончить и трактомъ тронуться къ Пыш-
мѣ, а оттуда и домой.

Такія поѣздки надолго, если не навсегда запеч-
атлѣваются въ памяти, и вотъ теперь, перебирая
свою тетрадку и занося ихъ, вновь переживаешь все
волненія и какъ-бы видишь присутствующихъ.... Но
неумолимая судьба сдѣлала свое дѣло—виновниковъ
этихъ счастливыхъ дней уже нѣтъ!.... Дорогая Лиза
и Алеша отошли въ иной лучшей миръ, а Коля гдѣ-
то далеко, далеко въ горахъ южнаго Алтая и нѣтъ
объ немъ ни слуху ни духу... А какъ, кажется, все
это свѣжо какъ-будто прошло всего нѣсколько дней!...

Зимой на тоню.

Это было... не все-
ли равно когда
именно, а пото-
му къ дѣлу.

Незадолго
до рождест-
венскаго по-
ета заѣхалъ
къ намъ
Алексеѣй Ма-
нинъ, кре-
стьянинъ де-
ревни Бал-
тымъ, посто-
янный нашъ
спутникъ по охо-
тамъ въ лѣсу и на
водѣ и между про-
чимъ сообщилъ, что
на-дняхъ начнутъ ходить по Бал-
тымскому озеру невода.

Мои сестры, никогда не видавшія
рыбной ловли зимой, тотчасъ-же осадили
отца, прося устроить прогулку на озеро,
чтобы посмотрѣть, какъ это будутъ неводить подъ
льдомъ, благо дорога превосходная и морозы еще не
сильные.

Упросить отца было дѣломъ минуты, такъ какъ
самъ онъ былъ страстный охотникъ, рыбакъ и лю-
битель всевозможныхъ пикниковъ, а потому просьба
сестеръ была уважена немедленно, по съ тѣмъ, что

Идемъ не ранѣе субботы, къ какому сроку сестры должны составить компанію и быть готовы выѣхать, какъ только мы возвратимся со службы.

Къ означенному дню компанія составлена; болѣе 10 молодыхъ спортсменовъ и спортсменокъ собрались у насъ.

Простыя легкія кошевы, прикрытыя пестрыми коврами, запряженныя парами и тройками сытыхъ, но разномастныхъ обывательскихъ лошадей, смиренно ожидали у подъѣзда нашего дома выхода шумныхъ сѣдоковъ.

Часовъ около 5 вся компанія высыпала на подъѣздъ, немного поспорила, кому съ кѣмъ ѣхать, но, скоро сговорившись, размѣстилась.

Отецъ, убѣдившись, что всё по мѣстамъ, отдалъ приказъ трогать. Щелкнули бичи по бокамъ сытыхъ лошадокъ, неумѣло взявшихъ съ мѣста экипажи, раздалось традиціонное: „Ну, милые, шевелись“, и поѣздъ тронулся, если не такъ скоро, какъ на хорошо сѣвѣженныхъ и выхолощенныхъ лошадяхъ, за то шумно и весело.

Восемнадцативерстный путь пролетѣлъ незамѣтно; скоро показалась деревня, а тамъ и наша штабъ-квартира, гдѣ встрѣтила насъ добродушная и симпатичная жена Алексея.

Съ крѣпкаго морознаго воздуха, послѣ двухъ часоваго почти переѣзда забраться въ теплую избу было нехудо. Наши барышни, съ разпорѣвшимися личиками, съ шумомъ ворвались вмѣстѣ съ густымъ паромъ, въ широкую комнату, такъ называемую чистую половину большого деревенскаго дома и, весело щебеча, просили поскорѣе самоварчикъ.

Расторопная и услужливая хозяйка не заставила повторить просьбы и, пока барышни скидывали съ себя теплую одежду, разбирали слѣдовавшіе съ ними кульки и кулечки, самоваръ уже былъ на столѣ, около котораго немедленно же начались хлопоты. Въ рукахъ будущихъ молодыхъ хозяекъ работа кипѣла,

каждая старалась принять участіе и намъ, мужчи-
намъ, въ такой компаніи просто благодать, кататься
какъ сыръ въ маслѣ, кажется поддайся имъ только,
такъ до смерти закормятъ и запоютъ.

Послѣ хорошей закуски и порядочнаго отдыха
рѣшено было предпринять, на сонъ грядущій, легкую
прогулку за деревню, по тракту. Полная луна, отсут-
ствіе вѣтра и слегка морозный воздухъ, все это рас-
полагало къ прогулкѣ.

Упоительно хороша такая зимняя ночь; все за-
нуло подъ бѣлоснѣжнымъ покровомъ: фантастиче-
скими фигурами встаютъ то тутъ, то тамъ темныя
ели и сосны, убранныя пушистымъ снѣгомъ, ихъ
тѣни красивыми узорами ложатся на полотно доро-
ги, медленно мѣняясь, по мѣрѣ того, какъ ночное
свѣтило всплываетъ все выше и выше. Мертвая ти-
шина нарушается лишь беззаботнымъ смѣхомъ и ве-
сельемъ разговоромъ нашихъ спутницъ.

Только около полуночи мы вновь забрались въ
избу, чтобы отдохнуть до утра и, какъ только раз-
свѣтетъ, тронуться на озеро и провести тамъ цѣлый
день.

Куда раньше насъ поднялись наши барышни,—
это видно не въ городѣ,—распорядились самоваромъ,
напоили кучеровъ чаемъ и приказали имъ заклады-
вать лошадей. Возобновили самоваръ, требуя, чтобы
мы немедленно-же пили чай, закусывали и собира-
лись на озеро, такъ какъ пора была уже ѣхать.

Церемонія окончена, лошади готовы и мы вы-
ѣхали.

Погода была прекрасная, на небѣ ни облачка,
солнце щедро сыпало свои золотые лучи на бѣло-
снѣжную скатерть, которая горѣла разноцвѣтными
бриллиантовыми огнями, такъ что смотрѣть на нее
глазамъ было больно.

До озера оставалось сдѣлать версты 3, которыя
мы проѣхали незамѣтно и только скоро мелькнув-
шая сквозь рѣдкій смѣшанный лѣсъ широкая, глад-

кая пелена замерзшаго озера свидѣтельствовала о приближеніи нашемъ къ цѣли.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію ловли, позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе и сказать нѣсколько словъ по поводу особаго порядка рыбной ловли, исключительно привившагося на озерѣ Балтымъ.

Съ незапамятныхъ временъ ловля рыбы на этомъ озерѣ подѣлилась между тремя обществами, а именно: деревень Балтымъ, Мостовая и Верхъ-Исетскимъ заводомъ, которыми, по соглашенію, въ видахъ упорядоченія пользованія озеромъ, постановлено разъ и навсегда: производить ловлю рыбы неводомъ, не болѣе 150 сажень, разъ въ годъ, не иначе какъ зимой, и строго опредѣленное число тоней. Рыба, пойманная въ такія охоты, должна идти на продажу, а деньги, вырученныя за нее, въ кассы обществъ, на пополненіе податей, недоимокъ или другія общественныя нужды.

Вслѣдствіе вышеуказаннаго порядка, ежегодно обществами выбираются представители; съ ними слѣдуютъ охотники за рабочихъ, съ вознагражденіемъ, вмѣсто денегъ, извѣстною частью улова; и въ назначенный день всѣ представители съѣзжаются на озеро для производства совмѣстной охоты или ловли.

Ловля рыбы въ теченіе года разрѣшается каждому любителю или желающему, не иначе какъ на удочку и небольшихъ размѣровъ мережами; о неводахъ или даже бредняхъ не можетъ быть и рѣчи.

Такая чистохозяйственная постановка дѣла упрочила за озеромъ заслуженную славу—рыбнаго. Во всякое время года на немъ можно было получить истинное наслажденіе съ удочкой.

На озерѣ кой-гдѣ виднѣлись группы людей—то были рыбаки.

По отлогому берегу спустился нашъ поѣздъ на озеро и направился къ первой группѣ рыбаковъ, въ числѣ коихъ оказался и нашъ хозяинъ, Манинъ.

Большая часть мужиковъ было наши знакомые, а потому насъ встрѣтили, какъ желанныхъ гостей.

Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, мы узнали, что еще только что приступаютъ къ ловлѣ и выбираютъ мѣсто для запуска первой тони, а такъ какъ мы подъѣхали до выбора мѣста, то намъ предложили—не хотимъ-ли мы купить первую тону и указать мѣсто запуска.

Торгъ былъ оконченъ въ 2—3 слова; мѣсто прорубки опредѣлили отецъ и какъ только очертили его, нѣсколько тяжелыхъ пѣшней въ сильныхъ рукахъ рыболововъ блеснули на солнцѣ и глухо ударились въ ледъ; изъ подъ нихъ вырвался цѣлый снопъ мелкихъ осколковъ льда, разлетѣвшагося въ стороны, мелодично звеня.—Работа началась.

Другіе рыбаки, съ пѣшнями нѣсколько меньшихъ размѣровъ, разошлись вправо и влево отъ главной проруби и черезъ извѣстное пространство начали вырубать маленькія продолговатыя проруби не болѣе $\frac{1}{4}$ аршина ширины и аршинъ или четвертей 5 длины; такія проруби называются лунками и служатъ для пропуска жерди, ведущей тетива отъ крыльевъ невода.

Вскорѣ главная прорубь была закончена, очищена отъ льда и рыбаки приступили къ запуску невода: привязали къ концу тетивы аршинъ 12 жерди и опустили ихъ подъ ледъ, направляя одновременно въ обѣ стороны продолговатыхъ прорубей.

Жерди, какъ только показывались у лунокъ, подхватывались острыми баграми и подавались къ стѣдующей и т. д. Медленно идетъ запускъ не всегда; наконецъ за веревками пуценъ самый неводъ; его растянули полукругомъ, подали нѣсколько десятковъ сажень впередъ и начали сводить тетивы ко второй, еще болѣе проруби, правильнымъ кругомъ.

Прорубь имѣла видъ правильнаго треугольника; принявъ въ нее жерди, рыбаки повели неводъ, быстро перебирая веревки. Вотъ показались крылья невода; работа пошла еще быстрѣе; выходъ рыбъ изъ невода

закрыли большимъ сачкомъ; наконецъ подошла и мотня, вынуть которую, въ виду большого количества рыбы, было бы рискованно, а потому рыбаки приступили къ уменьшенію рыбы посредствомъ двухъ сачковъ, которые всякій разъ были полны трепещущей рыбы; окуней, ершей серебристыхъ чебаковъ и юркихъ щурятъ. Убавивъ значительно рыбу сачками, вытащили мотню на ледъ. Въ неводъ попало, по крайней мѣрѣ, пудовъ 20 разной довольно крупной рыбы, такъ какъ ячейки невода были рассчитаны только для средней рыбы, мелкая же должна свободно выходить.

Отобравъ себѣ часть рыбы въ количествѣ, достаточномъ на всю нашу компанію и для разсылки знакомымъ, мы остальную подарили рыбакамъ.

Въ то время, пока мы возились съ первой тоней, свободные рыбаки, не теряли времени даромъ, а продолжали работать пѣшными, прорубая для слѣдующихъ запусковъ невода, новыя проруби. Съ этого часа невода пошли гулять на цѣлыя сутки.

Кромѣ этого невода на озерѣ ходили еще два такихъ-же; мы объѣхали другія партіи рыбаковъ и вездѣ видѣли радость, такъ какъ ловля шла превосходно. Цѣны на рыбу въ виду рождественскаго поста, держались хорошия; все это общало прекрасный заработокъ. Юркіе всезнающіе прасола развѣзжали отъ тони къ тонѣ, рассчитывая какъ-нибудь обдѣлать свои дѣлишки, и, по просту говоря, объегорить крестьянъ, купивъ у нихъ рыбу задешево, но это имъ не удалось, такъ какъ крестьяне давно ихъ знаютъ, а потому на предложеніе продать тоню впередъ, они заломили цѣну 75 и 100 рублей, безъ малѣйшей уступки, чѣмъ, конечно, сразу отохотили прасоловъ, а въ свою очередь предложили покупать поудно, съ вѣса, и сортированную рыбу по самымъ безобиднымъ цѣнамъ, какъ для прасоловъ, такъ и для себя.

и къ обѣду, то тутъ, то тамъ появлялись на озерѣ козлы съ вѣсами; торговля шла на славу. Насмотрѣвшись досыта, намерзшись, мы крайне довольные, какъ прогулкой, такъ и видѣнной ловлей, подъ вечеръ возвратились домой. Часто потомъ въ зимніе вечера вспоминали объ этой поѣздкѣ, и въ слѣдующіе года, когда только рыбаки открывали свою операцію, считали долгомъ устроить такую поѣздку, составляли веселую компанію и всякій разъ находили массу удовольствія и интереса въ такой экскурсіи.

Памятная облава.

има 187* года замѣчательно без-
снѣжная и нелютая; легкіе мо-
розы крѣпко, но неглубоко прох-
ватили землю; пруды и озера
покрылись тонкимъ ледкомъ и
только моховыя болоты не поддались имъ, оставаясь
мѣстами непроходимыми ни для пѣшаго, ни для
коннаго, а давножданнаго пушистаго ковра нѣтъ
и нѣтъ.

Охота съ загонщиками была превосходная, и мы
ею пользовались во всю: били бѣлыхъ, какъ снѣгъ,
зайцевъ, туго шедшихъ изъ подъ облавы, тетеревей,
вылетавшихъ громадными табунами, и нерѣдко вы-
гоняли стаю—другую глухарей или бѣлыхъ ку-
ропатовъ.

Какъ сейчасъ, помню одну, особенно удачную
охоту на зимняго Николау. Собралось насъ человекъ
восемь въ самый тѣсный товарищескій кружокъ, хотя
въ то же время трудно было представить компанію
разнохарактернѣе нашей; посудите сами: были въ
ней мировой судья, желѣзнодорожники, серьезный на
видь педагогъ, подрядчикъ, акцизный и представи-

тели банковъ и англичанинъ фабрикантъ, но тѣмъ не менѣе страсть кипучая соединила насъ всѣхъ въ одно цѣлое, не признавая разницы званій, образованія и положеній: все какъ одинъ хорошая, милая компанія.

Сѣхались мы въ д. Елизаветъ у Лукьяновича Подгорбунскаго, одного изъ зажиточныхъ крестьянъ, наипривѣтливѣйшаго и радушнаго, хозяина, нашего заводчика облавъ, страстнаго охотника и рыбака.

Въ наше распоряженіе поступилъ верхъ его двухъ-этажнаго чистенькаго домика, имѣвшаго всего лишь двѣ комнаты: одну большую и другую маленькую.

Жилъ онъ съ своей благовѣрной „супружницей“ уже старушкой, Никофоровной только вдвоемъ; въ домѣ у нихъ было образцово чисто и опрятно; во всемъ чувствовался достатокъ, къ пріѣзжимъ же радушіе, радушіе безъ конца. Нужно было видѣть Никифоровну, когда мы появлялись къ нимъ шумной компаніей,—можно было смѣло сказать, что она въ это время сбрасываетъ съ костей лѣтъ 20—30 и, точно шаръ, перекатывалась по двору, слѣща исполнить чье-либо желаніе или просьбу принести соленькихъ огурчиковъ или груздочковъ, простоквашки или варенца и проч. Просьбы же такія бывали частенько, такъ какъ соленья у Никифоровны были, дѣйствительно, на славу.

Называла она насъ всѣхъ не иначе, какъ—„мои касатики“, обращаясь же къ кому-либо лично, говорила ему „ты“; за словомъ въ карманѣ не лазила: шуточки да прибауточки такъ и сыпались въ ея рѣчи; очевидно, что смолоду она была „бой баба“, но 35 лѣтнее замужество и трудовая жизнь, хотя по крестьянскому и въ достаткѣ, все же сказались: глубокія морщины избородили все лицо, перекрещиваясь по всѣмъ направленіямъ, но, тѣмъ не менѣе, оно не потеряло своей симпатичности, а добрые черные глаза окончательно подкупали въ ея пользу.

Появившійся самоваръ, при соотвѣтствующей компаніи закускѣ, собралъ насъ всѣхъ вокругъ стола; гремѣли стаканы и рюмки, и все съѣдобное уничтожалось самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Говоръ на время смолкъ и только отрывочные возгласы: „Еще по единой.... Мнѣ стаканчикъ красненькаго... Дай колбаски кружокъ, да потолще“... слышалось вокругъ.

Лукьяновичъ же давно уже бѣгалъ по деревнѣ, оповѣщая кричанъ о нашемъ прїѣздѣ и о завтрашнемъ сборѣ къ 7 часамъ утра, хотя охота предположена съ 8, но онъ зналъ, какъ собираются кричане, а потому прихватилъ лишній часокъ, чтобы тѣмъ дать намъ возможность не торопясь и съ полнымъ комплектомъ загонщиковъ вести первый загонъ.

Вскорѣ появился и нашъ глашатай, заявляя, что все „справно“, ажъ упарился!... За такое лихое исполненіе слѣдуетъ вознагражденіе стаканомъ водки, который ловко отправляется по назначенію и вызываетъ душевное: „Эхъ, хорошо съ устаточку-то!... Благодарю покорно... водка важнѣющая“... Засимъ, слѣдуетъ приглашеніе къ столу выпить стаканчикъ чаю и закусить, чѣмъ Богъ послалъ: не спѣша сбрасывается нагольный тулугъ съ могучихъ плечъ, широко крестится Лукьяновичъ на образа и, занимая предложенный стулъ, приступаетъ къ чаевничанью; пьетъ онъ чай исподволь, стаканъ за стаканомъ, пока чай даетъ хоть чуть чуть колеръ, т. е. до седьмого пота.

Закусивъ и напившись чаю, охотники пришли въ самое благодушное настроенію: сыплются анекдоты одинъ другого лучше или вспоминаются разные случаи въ лѣсу и на водѣ, однимъ словомъ, царитъ самое непринужденное веселье.

Помня, что завтра къ 7 часамъ должны быть готовыми выступать на охоту, мы залегли спать пораньше и чуть стало брезжить—были уже на ногахъ,

но Утро было роскошное, морозъ едва едва доходилъ до 5—7°, тихо и какъ то туманно или, какъ говорятъ у насъ, „морочно“; но вотъ, взошло красное солнышко и, щедро посылая свои теплотворные лучи на замерзшую землю, разогнало туманъ; онъ, какъ дымка, отдѣлился отъ земли и легкими облачками улетѣлъ въ недосыгаемую голубую высь; скоро обогрѣло на столько, что просто не вѣрилось, что это декабрьское утро. При такой погодѣ душевное настроеніе становится еще жизнерадостнѣе, и все кажется въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Взглянешь вокругъ—и кажется, что вотъ—вотъ весна близка... Воробей и тотъ громче чирикаетъ и чаще охорашивается, а голубь, пригрѣвшись на солнцѣ, воркуетъ совсѣмъ по весеннему.

Наскоро закусивъ, мы тронулись къ первому загону, близъ котораго уже собрались загонщики и въ ожиданіи насъ, разложивъ громадный костеръ изъ сухой хвои, продѣлывали гимнастическія упражненія, прыгая сквозь высоко вздымавшееся пламя; при нашемъ приближеніи, представленіе окончилось, и они потянулись въ линію занимать цѣль гона, а мы, миновавъ ихъ, свернули по неторной дорожкѣ къ своимъ мѣстамъ. Ровно въ 8 часовъ начался первый, пробный, какъ мы его называли, загонъ, имѣвшій мѣсто еще въ выгонѣ до „заворокъ“. Въ этомъ загонѣ рѣдко когда бывали зайцы, но почти не было случая, чтобы не вылетали тетерева или глухари; такъ было и на этотъ разъ: цѣлый табунъ въ нѣсколько штукъ глухарей выкатилъ на застрѣльщиковъ, послѣ первыхъ же криковъ загонщиковъ. Растерялись или погорячились обазартившіеся охотники, но послѣ перваго десятка беспорядочныхъ выстрѣловъ ни одна птица не упала; нѣсколько позже, между мной и Джеймсомъ полетѣлъ очевидно отставшій глухарь и, будучи встрѣченъ одновременно съ обоимъ № выстрѣлами, грузно ударился о землю съ перебитыми крылышками; кто изъ насъ убилъ его—рѣшить было трудно, а потому бросили жребій, и глухарь

достался Джеймсу, чему я былъ особенно радъ, такъ какъ ему рѣдко приходится бывать на охотѣ, и еще рѣже убивать глухаря.

Съ этого загона перешли къ лучшимъ мѣстамъ и началась учащенная стрѣльба. Зайцевъ было много: почти изъ каждаго загона брали 5—7 штукъ; когда подвинулись къ хлѣбнымъ полямъ, гдѣ были еще „клади“, начали попадаться тетерева, и охота становилась разнообразнѣе. Мировой сдѣлалъ два завидныхъ дуплета по зайцу и тетереву и двумъ тетеревамъ; просто любо было смотрѣть!... Выстрѣлы гремѣли по линіи то по—одинокъ, то залпами въ 3—4 ружья.

По заведенному порядку, около часу дня, сдѣлали приваль, закусили и отдохнули сами и дали отдохнуть кричанамъ, а затѣмъ стали брать послѣдніе загоны, подвигаясь уже къ дому. Наконецъ, конченъ послѣдній загонъ. День быстро клонится къ вечеру, солнце уже больше не грѣло, сдѣлалось замѣтно холоднѣе, небо заволочлось свинцовыми тучками, и посыпалась крупка, весело похрустывавшая подъ ногами. Мы всей компаніей шли по берегу быстрой рѣчки Патрушихи, которая, благодаря быстротѣ теченія, замерзала только въ самые лютые морозы, а такъ какъ таковыхъ еще не было, то она замерзла лишь по краямъ, между тѣмъ намъ надо было перебраться на противоположный берегъ; тѣ кто имѣлъ надежные непромокаемые сапоги, не долго думая, перешли рѣчку въ бродъ, двое—трое переѣхали, взобравшись на телѣгу, что была съ нами подъ дичью и закусками; милѣйшіе же наши мировой и педагогъ отправились къ лавамъ (лавами у насъ называютъ пѣшеходные мостики, устроенные не болѣе чѣмъ изъ 3—4 тонкихъ нѣсколько отесанныхъ жердей, помещенныхъ на козлахъ), до коихъ было болѣе $\frac{1}{2}$ версты разстоянія отъ того мѣста, гдѣ мы перебрались черезъ рѣчку, такъ что, пока товарищи могли

добраться до лавъ и присоединиться къ намъ, надо было не менѣе $\frac{1}{2}$ часа.

Намъ же, перебравшимся на берегъ, до квартиры осталось лишь перейти улицу деревни. Никифоровна насъ ужъ поджидала, хлопоча около привѣтливо шумѣвшаго самовара. Сбросивъ охотничьи доспѣхи, каждый торопился присоединиться поближе къ самовару и хлебнуть стаканчикъ другой китайской травки. Я усѣлся около окна съ не вставленной еще на зиму второй рамой; вдругъ слышу выстрѣль и отдаленный крикъ ребятишекъ—загонщиковъ; что думаю, сіе значить?—и открывъ окно, взглянулъ, прислушиваясь, но, кромѣ неистоваго гона, ничего, конечно, не увидѣлъ. Крикъ, однако, всѣхъ насъ заинтересовалъ, и мы моментально очутились на улицѣ.

Въ это время изъ переулка вихремъ вылетѣла, предводительствуемая кѣмъ-то изъ взрослыхъ, вся орава кричащъ и, какъ ураганъ неслась къ намъ по широкой улицѣ деревни.

Мы были въ полнѣйшемъ недоумѣніи по поводу всего творившагося. Наконецъ, кто то изъ болѣе дальнозоркихъ различилъ предводителя и воскликнулъ: „Смотрите хорошенько, вѣдь это нашъ педагогъ жарить впереди всѣхъ!...“

„Батюшки, никакъ стариной тряхнуть вздумалъ.... Надворный совѣтникъ и вдругъ удираетъ во всѣ лопатки, а за нимъ, точно гончія за зайцемъ, ревутъ навзрять загонщики“...—„Онъ, онъ!—раздались голоса,—нѣтъ сомнѣнія, это онъ, нашъ совѣтникъ.“

Еще минута и нашъ совѣтникъ предсталъ предъ нами во всей своей красѣ: мокрый до нитки, запыхавшійся, посинѣлый; вода крупными каплями текла съ его толстаго пальто, а сапоги, при каждомъ шагѣ, издавали не то бульканье, не то какое то особенное чавканье.

Дѣло выходило нешуточное, но видъ,—видъ совѣтника, положительно, былъ комиченъ, а поэтому, разспрашивая, что съ нимъ случилось, мы не могли удержаться отъ смѣха.

жаться отъ смѣху. Оказалось, что педагогъ оборвался съ лавъ въ самомъ глубокомъ мѣстѣ рѣчки и упалъ, выронивъ при этомъ ружье; вода доходила ему до груди, ружье же лежало на днѣ, что заставило его продолжить купаніе: онъ передалъ шанку мировому и нырнулъ за ружьемъ; доставъ его и выливъ воду, онъ далъ два выстрѣла и, не влѣзая на лавы, пошелъ въ бродъ; выбравшись же на брегъ и почувствовавъ ознобъ, онъ бросился бѣжать, чтобы согрѣться, а за нимъ припустили и кричане, доставившіе намъ удовольствіе видѣть гоньбу совѣтника вмѣсто зайца.

Не медля ввели мы злосчастнаго педагога въ комнату, раздѣли до костюма Адама, надѣли на него превосходную медвѣжью шубу мирового и валенки Лукьяновича, дали выпить $\frac{1}{4}$ стакана коньяку съ самой холодной водой и заставили ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ; черезъ $\frac{1}{2}$ часа пріемъ коньяку повторили, послѣ чего нашъ совѣтникъ пропотѣлъ лучше чѣмъ въ банѣ на полку; тогда только ему было разрѣшено присѣсть и отдохнуть, да и мы всѣ вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ, такъ какъ видъ педагога, когда онъ вошелъ въ комнату и мы приступили къ разоблаченію, былъ очень плачевенъ: онъ не могъ выговорить слова отъ бившей его лихорадки, а зубы стучали, точно у голоднаго волка.

Разогрѣвъ совѣтника, мы рѣшили домой не торопиться, благо времени было много, закуска и вышивка еще имѣлась на лицо. За веселой живой бесѣдой время летитъ незамѣтно; вотъ ужъ и 11 часовъ, надо было навести справки о сушкѣ платья совѣтника.

Явилась Никифоровна, но не съ утѣшительною вѣстью:

— Больно ужъ напиталось все водой-то, родимые мои касатики, не сохнетъ... Поди, ранѣе завтрашняго дня не просохнетъ.

— Ну, и утѣшила, нечего сказать, ай да бабушка!...
— началъ отошедшій совѣтникъ, — какже быть то ба-

буся, вѣдь скоро пора и моей бабѣ показаться, а то она беспокоиться будетъ, а? какъ ты думаешь?

— Точно, касатикъ, и впрямь барыня-то заждется... Хочешь я тея выручу? надѣвай-ка ты Лукьяныча пестрядинные, портки х-о-о-р-о-ш-і-я, п-о-о-в-е-н-ь-к-і-я!

— Хорошо, бабуся, выдумала; тащи мѣрить будемъ, чего лучше надо.

Никифоровна, сіяющая, что нашла выходъ, покатила за „пестрядинными“, а мы, пользуясь случаемъ предстоящаго маскарада, подняли совѣтника на смѣхъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Никифоровна явилась съ „пестрядинными“, которыя были необъятныхъ размѣровъ, а потому не могло быть и сомнѣнія, что онѣ будутъ въ пору; вмѣстѣ съ ними она принесла также высохшую сорочку и, передавая то и другое, еще разъ добавила, что другое бѣлье и платье сърешеньки.

„Пестрядинныя“, какъ того должно было и ожидать, оказались безъ пуговиць, а на шнуркѣ или „гачникѣ“ съ которымъ нашъ совѣтникъ, какъ видно дѣла никогда не имѣлъ, а поэтому вышелъ маленькій инцидентъ: влѣзая въ „пестрядинныя“, совѣтникъ не придержалъ шнура, онъ вырвался, и „пестрядинныя“ спустились ниже колѣнъ; во время подхваченныя, онъ, впрочемъ, вскорѣ заняли подобающее имъ положеніе, но чтобы удержать ихъ, пришлось кое-что зашить, что съ успѣхомъ и было выполнено все той же нашей бабусей Никифоровной—на совѣтникѣ.

Когда облаченіе было кончено, и совѣтникъ предсталъ предъ нами въ маскарадномъ костюмѣ, то мы покатывались со смѣху; а когда же Никифоровна изобразила, какъ встрѣтитъ совѣтника его барыня, то смѣхъ перешелъ въ гомерическій и мы долго не могли успокоиться.

Долго послѣ этой памятной охоты вспоминали мы инцидентъ съ совѣтникомъ и мимику Никифоровны.

Вскорѣ послѣ этой охоты, мы всей компаніей на-
грянули къ совѣтнику провѣдать, какъ ему можетъ
послѣ декабрьскаго купанія.

— Ничего себѣ, здоровъ, какъ быкъ, даже легкаго
насморка не получилъ... Спасибо, „упредили“ всякую
болѣзнь холодной водичкой съ коньячкомъ,—просто-
душно благодарилъ совѣтникъ,—а кабы не это—го-
рячки или тифа, поди, не миновать... А теперь, да-
вайте повинтимъ по маленькой, для препровожденія
времени.

На память рыбакамъ.

ри ловлѣ
рыбы, осо-
бенно про-
жорливой,
не рѣдко
случается,
что рыба

страшно глубоко
заглатываетъ
крючекъ съ насад-
кой, вынимать ко-
торый составляетъ

крайнѣ неприятную операцію для рыбака и не безболѣзненную для рыбы.

Мнѣ пришлось не разъ наблюдать за многими рыбаками, какъ они безцеремонно обращаются съ живою рыбой въ этихъ случаяхъ: раздирая пасть рыбы и выкручивая на крючкѣ языкъ и часть внутренностей и все только потому, что нѣтъ у рыбака при себѣ ножа или специально для сего устроенной изъ проволоки развилашки, съ раздвоеннымъ концомъ, которымъ очень удобно вынуть заглотанный крючекъ, а еще много проще, производить эту операцію при посредствѣ остраго ножа и у мертвой уже рыбы. Для чего достаточно самаго легкаго укола кончикомъ но-

жа въ мозгъ рыбы, послѣ чего она моментально за-
сыпаетъ, и рыбаку предоставляется полная свобода
производить дальнѣйшую операцію, взрѣзавъ нижнюю
губу рыбы вдоль отъ горла, открыть мѣсто, гдѣ за-
сѣлъ крючекъ и извлечь его для дальнѣйшаго упо-
требленія въ дѣло.

Въ виду сказаннаго, стремясь единственно къ то-
му, чтобы каждый родъ охоты не носилъ характера
живодерни или мясничества, можно рекомендовать
рыбакамъ имѣть при себѣ острый ножъ, для выше-
упомянутой операціи.

Первая охота на оленей.

I.

Зима 1888 года стояла малоснѣжная, мягкая. Ужь начто наши уральскіе Рождественскіе морозы хороши, но и тѣ прошли какъ-то незамѣтно—больше, чѣмъ на—25° термометръ, не падалъ, а потому мы тѣснымъ кружкомъ 5—7 человекъ, охотились до послѣднихъ чиселъ декабря во всю, выѣзжая за тетеревами съ подѣзда или съ чучелами, да нерѣдко устраивали охоты облавой на зайцевъ.

Наканунѣ Новаго Года по небу пошли сѣрыя тучки, все ниже и ниже спускались онѣ надъ грѣшной землей и скоро, какъ-то лѣниво, посыпали крупку, перешедшую къ ночи въ густой пушистый снѣгъ, да такъ, не переставая почти цѣлую недѣлю, съ рѣдкими, въ нѣсколько часовъ перерывами, насыпало снѣгу четвертей на пять; прощай охота! Куда тутъ двинешься, наступило затишье; а тутъ ударили и Крещенскіе морозы, градусовъ тридцать съ хвостикомъ, тихо такъ въ воздухѣ стало, духъ захватываетъ, а сердце усиленно работаетъ въ это бодрящее время. Подъ ногами хруститъ смерзшійся снѣгъ, а случись поѣхать, такъ полозъ желѣзный задастъ цѣлый концертъ во время пути,—все это хорошо, но для охоты непригодно. Одно утѣшеніе въ такое время—задушевная бесѣда въ тѣсномъ кружкѣ единомышленниковъ, чѣмъ, конечно, и пользуешься при всякой

возможности, зазывая къ себѣ, или идешь то къ тому, то къ другому пріятелю и, понавѣ туда, засиживаешься, бывало, далеко за полночь.

Чего-чего не переговорится въ такіе вечера о всеѣмъ излюбленномъ дѣлѣ, но, какъ-бы ни были хороши такія общенія, чувствуется какая-то пустота, чего-то не достааетъ, а всеѣ эти разговоры только ярче отбѣняютъ и назойливѣе выдвигаютъ эту пустоту на показъ, ну, ни дать, ни взять, какъ голодному человѣку начинаютъ расписывать одно кушанье вкуснѣе другого, и тѣмъ разжигаютъ аппетитъ и еще сильнѣе нудятъ въ желудкѣ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ узнаемъ отъ Николая Ивановича, что на дняхъ была устроена компаніей желѣзнодорожниковъ облавная охота на дикихъ козъ въ Нижнеисетской дачѣ, что-то очень не далеко отъ города, и которая, благодаря умѣлому распоряженію страстнаго и дѣльнаго охотника Аврамова, прошла прекрасно; нѣсколько козловъ убито, а

стрѣляли массу. Намъ странно показалось одно, что изъ нашей компаніи никто на эту охоту не попалъ, но, мало того, даже мы о ней ничего не слышали. Конечно, объ этомъ пожалѣли и невольно подняли вопросъ о томъ, какъ жаль, что при нашемъ кругѣ

охотниковъ, которыхъ, дай Богъ, чтобы насчиталось пять десятковъ, нѣтъ единопущія; всѣ разбиваются на кружки или охотятся въ одиночку; да это еще мало, гнѣздится въ кружкахъ какое-то соревнованіе, чья возьметъ, и прямо таки наровятъ одинъ кружокъ другому свинью подложить, какъ, напримѣръ: компанія К. рѣшила дѣлать облаву отъ деревни А. на Б. и В. оставляя въ сторонѣ Г. это площадь 4—5 вер.; про эту охоту узнала компанія М. и ѣдетъ предупредить тотъ кружокъ, начавъ охоту съ деревни Б. на В. и Г., такъ что, когда прибываетъ охота К. къ деревнѣ Б., то всѣ мѣста оказываются уже взятыми и тому подобные сюрпризы; ну, дѣло-ли это? А межтѣмъ, это фактъ, который не можетъ быть отнесенъ къ случаю, какъ простое совпаденіе. А то и такъ бываетъ, что охотинься облавой, заложенъ гай; вотъ первый крикъ загонщиковъ, а тутъ подь самымъ ухомъ гонъ залившихся стаи гончихъ; вотъ-те и охотятся

тутъ съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ и по составленному плану,—все пойдетъ шиворотъ на выворотъ.

Долго мы заболтались въ этотъ вечеръ; утомленный возвращался я домой, спѣша съ морознаго воз-

духа отдаться бодрящему сну. Кажется, все за то, чтобы скорѣе только добраться въ уютный уголокъ, теплую постель; но и тутъ не везетъ,—лишь только улегся—сонъ отлетѣлъ, полѣзли въ голову неотвязныя мысли, какъ-бы пополнить вдругъ образовавшуюся пустоту. Ругаешь въ душѣ Василя Мостовскаго, Степана Балтымскаго и другихъ деревенскихъ спутниковъ по охотамъ,—вѣдь каждый изъ нихъ наобѣщаль съ три короба, кто козъ, кто оленей и сохатыхъ, а нашлись и такіе, которые обѣщали берлогу; какъ-бы было теперь во время которому-бы изъ нихъ предстать и сдѣлать этотъ сюрпризъ, такъ нѣтъ, точно въ воду канули.

Желая прогнать эти мысли, не разъ перевернешься съ боку на бокъ, куришь папиросу за папиросой, стараешься хоть этимъ нагнать дурману и забыться, пробуешь думать о чемъ либо, но, нѣтъ-нѣтъ, опять строятся планы,—то кажется, въ такомъ-то мѣстѣ волковъ-бы можно найти, а тамъ-то, пожалуй, и козы будутъ,—фу, ты пропасть! Насильно закрываешь усталыя вѣки, такъ что въ глазахъ залетаютъ цвѣтные круги, а отъ назойливыхъ думъ нѣтъ спасенія; и такъ еще долго-долго вознишься... Чу! утренніе пѣтухи начали свою перекличку; упорно слѣдишь за систематически послѣдовательнымъ ихъ пѣніемъ и за этимъ занятіемъ нѣсколько развлекаешься, отдѣливаешься отъ докучливыхъ думъ и скоро засыпаешь.

Можетъ-ли быть такой сонъ подкрѣпляющимъ?—Конечно, нѣтъ! И встаешь не только не ободренный, а, напротивъ, пожалуй, еще болѣе разбитый и уже, обязательно, не въ духѣ.

Прошло нѣсколько дней, мы какъ-то компаніей не сходились, и я только видѣлся съ Николаемъ Ивановичемъ, который жилъ неподалеку отъ меня и считалъ, кажется, своею обязанностію, хоть на минуточку, забѣгать ко мнѣ ежедневно.

Пробило уже 7 часовъ, а Николая Ивановича нѣтъ, — удивительно. Видно, кто-нибудь задержалъ, — подумалъ я, и хотѣлъ было отправиться къ нему узнать, не изъ нашихъ-ли кто у него, какъ раздается рѣзкій звонокъ въ прихожей, — ну, конечно, это онъ, — иду самъ открывать двери и убѣждаюсь въ справедливости заключенія.

— А знаешь, что я тебѣ скажу? говорилъ Коля скидывая шубу.

— Когда скажешь, буду знать, это вѣрно, а пока нѣтъ.

— Сію минуту я послалъ Максима провѣрить мнѣ доложенное извѣстіе, что около большого Коннаго острова, вотъ нѣсколько ночей къ ряду, видятъ волковъ, — какъ ты объ этомъ думаешь, а?.. можетъ быть не худо; и ты мнѣ скажи вотъ что: если волки окажутся по мошнику до тракта, то можно-ли ихъ взять тутъ облавой, надо, вѣдь, постараться для всей нашей компаніи, а если мало будетъ застрѣльщиковъ, то и прихватитить кое кого можно.

Полагаю, что если они въ этомъ мѣстѣ только останутся, то взять можно отлично, къ тракту имъ будетъ не путь, они вѣрно проложатъ дорогу къ озеру Здохнѣ или выше его къ куренямъ и покосамъ, во всякомъ случаѣ, пока Максимъ не обелѣдуетъ, окончательнаго слова сказать нельзя — и такъ далѣе развивали мы на эту симпатичную тему, перейдя въ кабинетъ, какъ наши пренія были прерваны приходомъ прислуги, возвѣстившей, что меня требуетъ какой-то мужикъ изъ Полевскаго завода.

— Откуда? переспросилъ я, такъ какъ въ Полевскомъ я никогда не охочусь, дѣлъ у меня также ни какихъ нѣтъ, такъ подобное требованіе поставило въ недоумѣніе.

— Изъ Полевскаго, я его тоже переспросила, баринъ.

— Ну, такъ спроси, чего ему нужно?

— Навѣрно перепуталъ этотъ мужичекъ, ему надо Шварте, а онъ пришелъ ко мнѣ, часто, братъ, это случается, вотъ увидишь, поясняяль я Николаю Ивановичу. Крестьяне находили какое-то тождество въ нашихъ фамиліяхъ.

— Въ это время возвратилась прислуга и говоритъ: „что пришелъ онъ самъ отъ себя по дѣлу объ охотѣ на звѣря, и желаетъ видѣть и говорить лично съ бариномъ.“

— Коли объ охотѣ, такъ веди его сюда, мы съ Николаемъ Ивановичемъ сейчасъ-же ему экзамень пропишемъ.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ и набожно перекрестился, средняго роста, коренастый, молодой мужикъ, довольно пріятной наружности, съ свѣтлорусой бородой лопатой, бойкими глазами, темнорусыми нѣсколько вьющимися пышными волосами на головѣ, которые при степенномъ его поклонѣ скатились было на лобъ, но молодцевато тряхнувъ головой, онъ водворилъ ихъ на мѣсто и проговорилъ:

— Вашему высокоблагородію мое нижайшее почтеніе.

— Здорово, братъ, здорово. Скажи какъ ты меня нашель, кто послалъ тебя и что это за звѣрь, котораго ты хочешь предоставить для моей охоты. И какъ тебя звать.

На такой многосложный вопросъ, онъ не торопясь, очень обстоятельно отвѣтилъ, начавъ съ того, что звать его Михаиломъ Хорошихъ, изъ Полевскаго завода, самъ онъ охотникъ, но по какимъ-то домашнимъ обстоятельствамъ вынужденный временно охоту оставить; почитай вотъ ужъ годъ, какъ продалъ ружья и занялся около дома, да работаетъ на заводѣ по лѣсной части, выжигая уголь и доставляя лѣсъ, такъ часто не только бываетъ, но и живетъ въ

лѣсу, а по присущей ему, какъ охотнику, страсти, примѣчаетъ то то, то другое и вотъ на дняхъ, наткнулся на слѣдъ стада оленей, провѣрилъ, выслѣдилъ и даже сосчиталъ ихъ. Облюбовали они мѣсто

очень и стоять ровно-бы крѣпко, мѣсто-то хорошее, пищи вдоволь и все проч., обезпечить ихъ ровно-бы такъ и некому, развѣ, кто-нибудь изъ заводскихъ шалопутовъ, случайно набредеть на слѣдъ, да вздумаетъ пройтись по немъ, такъ можетъ спугнуть, это точно, но это только случайно, потому что слѣдъ запылено въ ту же ночь снѣжкомъ и онъ болѣе старымъ выгладитъ, не разберешь теперь, что это и за слѣдъ.

Искать же нарочно, въ этомъ мѣстѣ оленей и въ умъ не падеть, одна смѣхота. А къ вамъ попалъ въ какъ: привезъ я сѣно и продалъ въ городѣ ка-

кому-то барину, что у кіатра живетъ; свалилъ это сѣно, получаю расчетъ да и спрашиваю у него, не знаете-ли вы, ваше благородіе, кого-либо изъ охотниковъ, которому бы можно предложить поохотиться на оленей, у меня де есть такіе; онъ это и говоритъ — „есть, — знаешь ты Верхъ-Исетскій заводъ?“ Знамо дѣло, знаю, у меня тамо-ка сестра замужемъ, да свать, какъ не знать; а онъ это — „ну, ино-ладно, а гдѣ-же у тебя сестра да свать живутъ? А я это и говорю: свать за рѣкой — далече у самой инаральской дачи, а сестра въ Матренкѣ, что у попа въ заду, — такая маленькая улочка — односторонка, а онъ и говоритъ: ладно, коли Матренку знаешь, найдешь дорогу и къ попу, такъ поѣзжай ты, другъ, по этой дорогѣ и какъ вѣдешь въ заводъ, такъ наискось кладбищенской ограды, на лѣвой рукѣ, увидишь большой такой домъ, зелена крыша и много трубъ на ней, ворота къ дому съ проулка, такъ вотъ въ этомъ домѣ ты и спроси охотника Павла Ивановича; тамъ, если-бы ты и и ошибся, его все знаютъ и, сейчасъ-же тебѣ укажутъ. Я вотъ по сказанному точно по писанному, и пошелъ, да вижу, что пришелъ точно такъ, потому обликъ-то вашъ объяснилъ: такой, говоритъ, высокій, бѣлый въ очкахъ, — такъ, такъ оно и есть, вѣрно.

Послѣ этого мы съ Николаемъ Ивановичемъ принялись экзаменовать его самымъ строжайшимъ образомъ, а чтобы легче шла рѣчь, велѣли дать закусокки, чайку и поднеся одну, двѣ чарки водки, расшевелили мужичка какъ слѣдуетъ и въ чистую узнали все, что насъ интересовало. Въ концѣ концовъ, договорились о вознагражденіи, дали зеленую бумажку въ задатокъ, въ полученіи коего онъ далъ намъ даже росписку; такъ какъ оказался грамотнымъ, говоря, „что денежка счетъ любить, да оно и вамъ сподручище, вѣрнѣе, что я васъ не обманываю, а то вѣдь между нашимъ братомъ есть всякіе“. — Это намъ крайне понравилось. Одно его очень смущало,

почему мы съ нимъ не поѣхали сейчасъ-же одни, а хотимъ охотиться компаніей да еще и облавой, вѣдь это не заяць или волкъ что-ли, хитрая животинка, какъ козель, такъ и олень, и никто это на оленей облавой не охотился; козла, правда, еще иногда берутъ и то хитрости много надо, а тутъ право, одна затѣя; но мы увѣрили его, что ему безпокоиться нечего, если не удастся охота, отвѣчаемъ мы сами за себя, а теперь, пока что, съ его стороны требуется точное исполненіе договореннаго, т. е. разъ въ день обходить большимъ кругомъ звѣря и убѣдиться, что онъ на мѣстѣ, а если же тронется, то дать объ этомъ знать немедленно. Итакъ, если онъ къ намъ не пріѣдетъ до субботы, то часовъ въ десять вечера мы будемъ въ Полевскомъ, а онъ съ вечера оповѣститъ человѣкъ 40—50 загонщиковъ верхами, а кто можетъ то и на лыжахъ, вотъ и все, а затѣмъ, напутствуя всякими лучшими пожеланіями распрощались съ нимъ, взявъ адресъ его квартиры.

Лишь только хлопнула дверь за нашимъ, съ неба упавшимъ, окладчикомъ, мы пришли прямо таки, какъ мальчишки, въ телячій восторгъ.

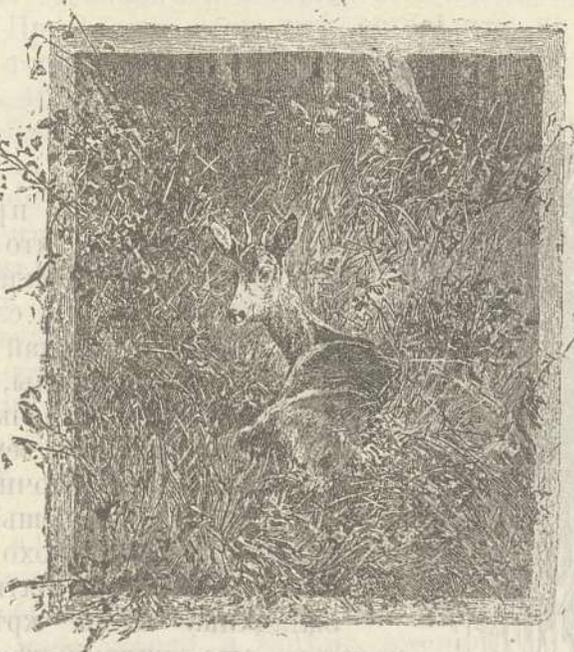
— Вотъ, братъ, радость, получше твоего проекта, ты объ этомъ какъ соображаешь?

Мой Николай Ивановичъ отъ избытка удовольствій только и могъ сказать:

— Ну-ну, чего разговаривать, дай-ко лучше составимъ смѣту на расходы и списокъ участниковъ, такую охоту нашимъ кружкомъ не возьмешь, мѣсто-то воно порядочное.

— Это дѣло; вѣрно.—И любовно принялись за вычисленія и подборъ состава охотниковъ, участіе коихъ было бы желательно. Скоро все было кончено, 15 фамилій красовались на особомъ подписномъ листѣ, перегнутомъ пополамъ и съ надписью въ заголовкѣ: „поѣхать на охоту согласенъ и приблизительно ея стоимость одобряю“.

Исполнивъ это, тутъ же написали товарищамъ нашего тѣснаго кружка, приглашая ихъ завтра вечеромъ собраться ко мнѣ для обсужденія важной и неотложной охоты, а на что именно, будетъ объявлено на засѣданіи.

Аккуратно на другой день, въ назначенный часъ, съѣхались други и, конечно, были обрадованы несказанно, но только одно всѣхъ тревожило,—это откладываніе охоты до воскресенія, которое имѣло наступить лишь черезъ 4 дня, а въ это время все можетъ рухнуть; многіе подали голоса за то, чтобы ѣхать сегодня-же или ужъ поздно—завтра; хорошо, если такъ, то нужно измѣнить составъ намѣченныхъ участниковъ, а на это согласились лишь двое, такъ что перевѣсъ остался на сторонѣ нами намѣченного порядка и состава. Что-же касается удачи, то она

всецѣло отдавалась на волю провидѣнія, чему быть, того не миновать, и если удастся охота, то она действительно будетъ полнымъ наслажденіемъ. Для совмѣстнаго выѣзда въ субботу сборнымъ пунктомъ избрали квартиру товарища Александра Константиновича, какъ жившаго у всѣхъ на пути.

II.

сѣ эти дни прошли въ томленіи, что вотъ-вотъ пріѣдетъ окладчикъ и скажетъ одно слово:— „пошли“, прощай тогда свѣтлыя надежды, пожалѣемъ объ отерочкѣ, да, собственно, къ чему она была сдѣлана, точнаго отчета себѣ не отдаешь, такъ, какъ есть зря, плохо обдуманно. Миновала пятница—окладчика нѣтъ, крѣпнеть надежда, еще ожиданій нѣсколько часовъ, а тамъ, въ перспективѣ, чудная охота; вотъ и суббота 3 часа—нѣтъ Михаила, значить—все хорошо, мы всѣ готовы, въ шесть часовъ назначень сборъ, а въ 6¹/₂ выѣздъ.

Въ большой залѣ квартиры Александра Константиновича царитъ присущій охотничьимъ сборомъ хаосъ; компанія начала собираться въ ¹/₂ шестого и была уже почти вся на лицо, когда я, братъ Григорій и Иванъ Авдѣевичъ подъѣхали къ залитому огнями дому. Насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ, облаченный по охотничьему, со словами.

— Только васъ то и не доставало, да барона, который заѣзжалъ ко мнѣ еще около 5 часовъ и сказалъ, чтобы мы его не ждали. Такъ какъ братъ не пріѣхалъ съ пріиска, то онъ ѣдетъ туда, и, захвативъ его, прибудетъ прямо на мѣсто сборнаго пункта въ Полевскомъ, такъ надо ему было взять адресъ, гдѣ мы остановимся, который я ему и далъ.

— Прекрасно, если все остальные на лицо, то время терять нечего, ѣдемте,—вѣдь надо проѣхать верстъ 40, а то и больше.

— Заходите хоть на минутку, а я пойду, велю выносить вещи и оружіе въ экипажи, вы же тѣмъ временемъ рѣшите, кто съ кѣмъ ѣдетъ, да имѣйте въ виду, что въ нашемъ распоряженіи три тройки въ большихъ кошевкахъ и одна пара въ маленькой, и, сказавъ это, началъ спускаться внизъ по лѣстницѣ.

Изъ залы доносился громкій говоръ въ нѣсколько голосовъ, прерываемый добродушнымъ смѣхомъ, вѣрнымъ спутникомъ шутливой семейки охотниковъ. Сбросивъ съ себя тяжелыя шубы, мы вошли все вмѣстѣ, и лишь только показались въ залу, какъ долгое „а-а-а!“ и задирало съ друзьями на лицо, bravo, а то мы было ругаться начали, что насъ мучите такъ ожиданіемъ“ и засимъ нѣсколько чловѣкъ обратились ко мнѣ:—„скажи, пожалуйста, куда же ты насъ везешь и зачѣмъ именно?“

Надо оговориться, что тѣ изъ охотниковъ, которые были приглашены, какъ гости, не были введены въ курсъ охоты, дабы какъ-нибудь не разболтали, а потому, конечно, куда и за кѣмъ ѣдемъ ихъ интересовало, но я имъ не отвѣтилъ, а на вопросъ поставилъ вопросъ-же, сказавъ только мѣсто охоты, а кого будемъ стрѣлять—предоставилъ рѣшить самимъ.

— Козловъ или оленей, такъ, что-ли? отозвались они.

— Такъ, но окончательно-то кого-же, кто за козловъ, а кто за оленей.

— Конечно, красивѣе-бы оленей.

— Ну, такъ и будемъ бить оленей.

— Да, ты, братъ, врешь или нѣтъ? Вѣдь это одна прелесть.

— Сказано, что такъ, и будетъ, чего еще тутъ врешь или нѣтъ, кто сомнѣвается, тотъ не ѣдетъ.

— Нѣтъ, ужъ это шалишь! А буде чего, мы тебя примемъ тамъ, какъ слѣдуетъ.

— Ладно, ладно, расчетъ всегда послѣ игры, а теперь поѣдемте. Что, Александръ Константиновичъ, готово, рѣшайте же, господа, кто съ кѣмъ садится; въ вашемъ распоряженіи двѣ тройки, я ѣду съ тѣми, кто со мной пріѣхалъ.

Живо рѣшили, кто съ кѣмъ и такъ по экипажамъ вышли къ подъѣзду, разошлись и тронулись въ путь.

Ночь выпала на наше счастье на удивленіе— ясная, мягкая, морозъ былъ градусовъ 15, вѣтра ни-ни; дышалось легко и прокатиться въ такую ночь и погоду по чудной дорогѣ, въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ, забывъ, отрѣшившись отъ повседневныхъ тревогъ и мелочей жизни—доставляетъ неизъяснимое наслажденіе.

Около десяти часовъ, мы въѣхали въ заводское селеніе, сдѣлали два—три неудачныхъ поворота по широкимъ улицамъ, отыскивая свою штабъ-квартиру, и въ концѣ концовъ вынуждены были прибѣгнуть къ помощи уличнаго караульнаго, сердито насъ окликнушаго:—„что за люди?“ и пояснивъ ему, получили надлежащее направленіе, и по сказанному, лучше чѣмъ по писанному, подкатили къ воротамъ высокаго пятистѣннаго дома Степана Ивановича. Лишь только смолкли колокольцы подъ дугой передняго экипажа, упершагося почти въ ворота, съ шумомъ упалъ деревянный засовъ во дворъ и ворота, шипя по снѣгу, широко распахнулись и нашъ окладчикъ Михайло, безъ шанки, въ накинутаго на плечи нагольномъ тулупѣ, любезно приглашалъ въѣхать во дворъ, низко кланяясь и говоря:

— А я было полагаю, что вы ужь раздумали и не будете-съ, ажъ сердце надрывалось, измучился-съ.

— Нѣтъ, братъ, Михайло, наше слово вѣрное,— сказано—сдѣлано и только что-нибудь необыкновенное могло-бы насъ задержать, да и тогда кто-нибудь изъ насъ все бы пріѣхалъ. А что, чѣмъ ты-то насъ порадуешь, какъ оленю-то?

— Спокойны-съ, ожидаютъ въ лучшемъ видѣ, что кормленная скотинка пасется, не чуютъ, милые, что надъ ихъ головами гроза собирается. Такъ ловко это я ихъ обошелъ закараулилъ, вотъ, Богъ дастъ, завтра сами изволите убѣдиться, кожь за ночь никакой блажи имъ не придетъ—будутъ наши.

— Это хорошо. А теперь помощи-ка нашимъ молодцамъ втащить пожитки въ избу, а ружья приברי въ чуланчикъ да запри.

Успокоенные такими вѣстями, мы поднимались по скрипучей лѣстницѣ, имѣя впереди хозяина дома съ лампою въ рукѣ; вошли въ широкія сѣни, а затѣмъ—въ просторную горницу, въ которой на первомъ планѣ помѣщалась внушительныхъ размѣровъ русская печь, занимавшая чуть-ли не половину всей комнаты. Въ переднемъ углу, подъ образами, подъ пестрядинною скатертью виднѣнъ былъ большой столъ, около стѣнъ во всю длину ихъ, протянулись скамьи; все это было чисто, опрятно; у печи стоялъ ведерный пузатый самоваръ, начинавшій закипать, а около него хлопотала красивая, рослая женщина лѣтъ 25, какъ оказалось, жена нашего, гостепріимнаго хозяина Степана Ивановича, Авдотья Григорьевна, да, съ широкихъ полатей, смотрѣло на насъ сморщенное старушечье лицо, съ подслѣповатыми глазками—то была мать хозяина, старушка, доживающая девятый десятокъ лѣтъ.

Надѣво изъ этой комнаты выходила узкая дверь въ сосѣдную еще большую комнату, куда насъ и ввелъ Степанъ Ивановичъ; въ ней еще съ большею

заботливостію и претензію на нѣкоторый шикъ было все прибрано и вычищено. Съ удовольствіемъ побросали мы съ себя теплую одежду и расправили уставшіе члены, почти отъ четырехъ часового сидѣнія. Ямщики втаскивали кульки, кулечки, погребцы и проч. т. п., а также появился и самоваръ, выбрасывавшій цѣлое облако пара; а еще минута, другая на столъ были поданы деревенскія прелести: сырое молоко, сливки, сливочное масло, варенецъ, только что вынутый изъ печи, соленые грузди и проч., все это дополненное всякою городской едью, заполнило складной столъ моментально. Всему этому было отдано должное вниманіе, какъ потребному и во благовремени, и благодаря едланной дорогѣ и добрымъ вѣстямъ, шлось и ѡлось за двоихъ.

Какъ слѣдуетъ закусивъ, я приступилъ къ опросу окладчика и къ составленію плана охоты. Получивъ обстоятельное описаніе мѣста, гдѣ стояли олени, у меня планъ созрѣлъ моментально, оставалось лишь привести его въ исполненіе.

Затѣя моя, и на этотъ разъ, взять оленей облавой, все какъ-то не укладывалась въ понятіяхъ Михаила: онъ сомнѣвался въ успѣхѣ глубоко, шутка-ли такого звѣря гнать! Да разъ можно-бы было такъ охотиться, то неужто ни разу-бы никто не едлалъ такой охоты, а то, вонъ, и старики ничего о такой не слыхивали, и т. п. Долго пришлось его уговаривать и урезонивать, чтобы довести до убѣжденія въ правотѣ моего заключенія и доказать, что разъ съ его и со стороны его загопщиковъ будутъ точно исполнены необходимыя предосторожности до пачала охоты и не нарушится строй хода во время загона, то все будетъ хорошо. Такъ или иначе, но только мнѣ казалось, что онъ понялъ и согласился; больше вопросъ этотъ имъ не поднимался. Кричане въ количествѣ 45—50 человекъ верхами были имъ уже подготовлены, а теперь ему предстояло всѣхъ ихъ

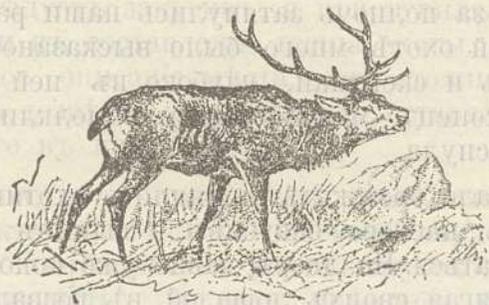
оповѣстить окончательно и собрать у нашей квартиры къ 8 часамъ утра.

Часовъ около одиннадцати прибылъ нашъ баронъ съ братомъ и привезъ съ собой своего окладчика, дѣльнаго охотника, знающаго Полевскую дачу, какъ свои пять пальцевъ. Для насъ въ это время онъ былъ кстати, такъ какъ не было втораго подходящаго человѣка, которому бы довѣрить вести крыло гона, дать же это мѣсто первому попавшемуся загонщику дѣло было не безъ риска. А потому мы всѣ выразили барону за эту любезность свое чистосердечное спасибо, а Ивана я ознакомилъ съ планомъ охоты, которому, какъ бывалому человѣку, сразу понравился планъ охоты, и крѣпко засѣлъ въ голову, а потому ни повторять, ни толковать не пришлось.

Далеко за полночь затянулись наши разговоры о предстоящей охотѣ, много было высказано за удачу, но нашлись и скептики, глубоко въ ней сомнѣвавшіеся. Наконецъ мало по малу замолкли голоса и компанія уснула.

Чуть стало брезжить, поднялись охотники одинъ за другимъ; наскоро закусивъ и вышивъ чайку, начали собираться. На дворѣ давно уже копошился хозяинъ, впрягая своихъ лошадей въ розвальни и короба. Скрипитъ и хлопаетъ поминутно калитка у воротъ отъ прибывающихъ загонщиковъ. Къ 7^{1/2} часамъ можно было уже провѣрить явившихся и дать соответствующую случаю инструкцію, а выполнивъ это, около 8 часовъ бросили жребій, взявъ NN, разсѣлись по порядку номеровъ, каждый въ отдѣльныя сани и, имѣя старшіе NN въ головѣ поѣзда, двинулись къ мѣсту охоты. Я и окладчикъ открывали поѣздъ. Моренныя на видъ заводскія лошаденки шли бойко; до мѣста охоты было верстъ около пяти, которыя мы сдѣлали не болѣе въ ¹/₂ часа; перерѣзавъ большой заводскій прудъ, остановились у противоположнаго берега.

Отсюда загонщики должны были занимать цѣпь. Чтобы они не надѣлали преждевременно шума, рѣшено было поставить ихъ по льду въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ берега, и тронуться на берегъ не ранѣе сигнала окладчика, прибывшаго съ линіи стрѣлковъ. Оставивъ конвоировавшихъ насъ загонщиковъ съ Иваномъ, тихо двинулись въ лѣсъ почти цѣликомъ и, отъѣхавъ саженой 100, поставили 1-й № охотника, затѣмъ отъ него сажень 50—2 № и т. д.—придерживаясь того-же разстоянія до дороги, идущей параллельно берегу, поставили 4 №. Мѣсто входа звѣря было съ этого момента занято, остальные охотники заняли линію по лѣсной, малоузженной дорогѣ, по направленію къ другому заводу.

Поставивъ послѣдній №, я занялъ свое мѣсто за нимъ въ саженяхъ 50; извощики, отъѣхавъ отъ меня сажень 100, распрягли лошадей, вкочили на нихъ и, предводительствуемые окладчикомъ на лыжахъ, скрылись въ лѣсу, направляясь къ пруду, чтобы занять это крыло и дать еще подкрѣпленіе загонщикамъ въ цѣпи. Лишь только они скрылись, меня поразило одно обстоятельство, могущее повлечь за собою крайне печальныя послѣдствія: крыло охотниковъ, что бережетъ выходъ звѣря на слѣду, приходится подъ острымъ угломъ по отношенію къ охотникамъ главной линіи съ 5 по 9 №№, такъ, что случись выходъ

звѣря въ этотъ уголъ, одновременно можетъ быть
открытъ огонь съ главной и боковой линіи, такъ что
достанется звѣрю, но можетъ попасть и охотникамъ,

тѣмъ болѣе можно было опасаться такой случайно-
сти, что нѣкоторые изъ охотниковъ имѣли съ собой

штуцера, а вѣдь пуля дура, и вся отвѣтственность за такую оплошность будетъ лежать на миѣ.

Волей-неволей пришлось оставить всякую о себѣ думу и снѣшить исправить свою оплошность, пока есть еще время. Бросаю свой №, дойдя до Бинера, наскоро объясняю въ чемъ дѣло, прошу его податься нѣсколько въ сторону моего №, чтобы имѣть возможность обстрѣливать мой и свой №№, благо и былъ-то онъ со штуцеромъ, то разстояніе 100 сажень—дистанція хорошая, загонъ-же пойдетъ навѣрно преждѣ, чѣмъ я успѣю вернуться, ибо окладчикъ дастъ сигналъ, какъ только сомкнется съ цѣпью.

Нескоро, но еще до начала гона, успѣлъ я дойти до 4 № и отодвинуть его въ сторону, пояснивъ, почему это требуется, а слѣдующимъ №№ указаль, махнувъ рукой, что требуется сдаться и, окончивъ это, отправился назадъ, но не сдѣлалъ и ста шаговъ, какъ въ цѣпи загонщиковъ раздался выстрѣлъ-сигналъ и велѣдъ за симъ чуть слышно донеслось: „пошелъ“! Все пропало, оставайся между двухъ №№ и будь благороднымъ свидѣтелемъ того, что можетъ произойти. Наскоро присунулся къ дереву и замеръ...

Вотъ глухо стукнулъ выстрѣлъ—тамъ на послѣднихъ №№. Екнуло сердце, кто-то счастливчикъ: почти вслѣдъ за этимъ выстрѣломъ слѣдуетъ второй, третій, четвертый и пятый, гдѣ-то въ срединѣ линіи, близко къ намъ... Весь превратился въ слухъ, жадно пронизываешь глазами рѣдкоробъ и стараешься проникнуть въ гущу то тутъ то тамъ молодой поросли. Но все стихло: пять-десять минутъ жуткаго томленія, и раздается призывной звукъ рожка, оставленнаго мною у Бинера,—охота окончена.

Стрѣляли много, а потому хочется страшно знать о результатахъ и видѣть счастливчиковъ, такъ какъ и въ голову не приходитъ, что могутъ быть все промахи: цѣпь не та, ктонибудь да убьетъ. Пурхаешься по колѣно въ снѣгу, идти тяжело: вотъ меня обогналъ баронъ, пролетѣвъ на лыжахъ, мягко

шурша по снѣгу,—ему вездѣ гладкая дорога, а вотъ ты тутъ изъ силъ выбиваешься, по до дороги нѣсколько шаговъ, и, наконецъ, подъ ногой и уѣзженный снѣгъ; а вонъ, за легкимъ изгибомъ дороги, въ ложкѣ, виднѣтся кучка народа—да это никакъ. № Александра Константиновича? Да, его, вотъ преть человѣку—все на него: волки-ли, козы-ли, а теперь и олени; разъ онъ въ облавѣ, то бьетъ непременно—счастливчикъ!

Еле-еле переводя духъ, врѣзываюсь въ эту кучу и задаю вопросъ: „кого и съ чѣмъ поздравлять?“

Конечно, Константиновича, кого же больше, на него все,—раздаются голоса.

— Да онъ-то гдѣ же.

Пошелъ мѣрять разстояніе и осматривать добычу,—вонъ.

Дѣйствительно, въ сторонѣ шаговъ 35—40 отъ дороги, въ гаю, столпились нѣсколько человѣкъ загонщиковъ и охотниковъ, ворочаютъ тушку оленя,—вотъ подхватили ее и предводительствуемые Александромъ Константиновичемъ, идутъ къ намъ.

Въ это время раздается зычный голосъ окладчика, гдѣ то сзади насъ, требующій народъ для того, чтобы принести другого оленя, убитаго тѣмъ же Константиновичемъ.

Опрометью бросились три четыре верховыхъ загонщика на зовъ, а отъ насъ раздалось имъ вслѣдъ единодушное „браво! вотъ такъ Константиновичъ, молодчина!... Какъ это только его угораздило бить спереди и сзади.“

Вскорѣ принесли красиваго молодого самца, первый же оказался—самка, о чемъ, конечно, все мы, неказанно пожалѣли, но случившагося уже не воротить.

Окладчики какъ мастера своего дѣла, немедленно же приступили къ освѣжеванію тупъ, а мы тѣмъ временемъ круговую чаркою поздравили Александра Константиновича съ удачнымъ полемъ. Одинъ толь-

ко Бинеръ выглядывалъ какъ то не въ духѣ, между тѣмъ, онъ первый открылъ охоту: глухой выстрѣлъ былъ его. Но тутъ разспрашивать было некогда. Лошади поданы, вновь размѣстились кто куда и тронулись въ обратный путь къ квартирѣ.

Закончивъ расчеты съ загонщиками, отправили оленей нарочнымъ домой, приступили къ обѣду, и тутъ только выяснился ходъ всей охоты: оказалось, что какъ только загонъ тронулся, всѣ 7 оленей, имѣя во главѣ красавца—рогали, вышли на № Бинера и, увидя его, остановились. Бинеръ говорилъ самъ, что спокойнымъ образомъ выцѣлилъ вожака и выстрѣлилъ; олень круто повернулъ въ правую сторону и полнымъ махомъ пошелъ на перерѣзъ линіи нѣскольکو дальше моего №, а за нимъ послѣдовали еще 4 штуки; два же самыхъ заднихъ бросились влѣво къ загонщикамъ, но тѣ на выстрѣлъ отвѣтили дружнымъ; „береги“ и тѣмъ повернули оленей на линію, гдѣ они и вышли къ Александру Константиновичу уже съ лѣвой стороны. Перваго онъ убилъ наповалъ, а второго промазалъ или только слегка ранилъ,— послѣднее скорѣе, такъ какъ олень пошелъ черезъ линію, между имъ и г. Зиминымъ, который вгорячахъ забылъ, что лѣвый стволъ заряженъ пулей, а правый картечью, стрѣлялъ изъ лѣваго и, какъ стрѣлокъ неважный, въ чистую промазалъ. Александръ же Константиновичъ успѣлъ вложить въ одинъ стволъ новый патронъ и уже далеко за линіей пустилъ зарядъ въ догонку, результата же его не зная, цѣлился же, кажется, вѣрно, но было очень далеко. Олень же оказался убитымъ замѣчательно чисто и, по крайней мѣрѣ, шаговъ за 90.

Въ первомъ оленѣ было 8 картечинъ и почти всѣ навывлетъ, а во второмъ, если память мнѣ не изменила,—4 штуки, и одна изъ нихъ по хребту, между позвонками, которая какъ и надо предполагать, была смертельна, поразивъ мозгъ; остальные же по мягкимъ частямъ.

Послѣ всего сказаннаго, предоставляю товарищамъ по страсти занять мое мѣсто и рѣшить, на сколько могло быть обидно, что пришлось оставить мѣсто въ цѣпи, въ то время, когда вотъ, вотъ, взбудятъ звѣря.

А добрыйшій Бинеръ наказанъ подѣломъ,—ему говорили въ: „бросьте вы штуцеръ, онъ одноствольный,—это разъ, а во вторыхъ,—оленей придется бить недалеко, такъ къ чему тутъ такое орудіе?“ Нѣтъ, поставилъ на своемъ, говоря, что „я и изъ штуцера убью, только пусть выйдутъ на меня,“—вышли да еще и встали, а убить то пришлось чуть—чуть, а не оленя. Правда, счастье было близко, пуля прошла какихъ—нибудь вершокъ—два подъ брюхомъ оленя; такое заключеніе дали окладчики, осматривавшіе мѣсто стоянки оленей во время выстрѣла, но едва-ли отъ этого Бинеру легче.

Чтобы могло случиться, если бы Бинеръ стоялъ съ дробовикомъ,—можно только представить: вожакъ былъ бы убитъ, тутъ сомнѣніе неумѣстно; олени, потерявъ его, конечно, бросились бы обратно въ загонъ, и вся охота приняла бы иную обстановку; могло случиться, что ни одинъ бы изъ загона не ушелъ, а теперь пришлось довольствоваться двумя изъ семи.

Полагаю, что до сего дня этотъ случай не забыть Бинеромъ; да, пожалуй, не забудется имъ никогда, а коли попадется ему на глаза сіе, то мнѣ попадетъ на орѣхи—не тронь чужихъ ранокъ, не искушай. Что же подѣлаешь, только нельзя-ли не такъ ужъ жестоко.

Всѣхъ довольнѣе былъ сомнѣвшійся въ успѣхѣ окладчикъ, и нѣ разъ говорилъ, что до самыхъ выстрѣловъ въ цѣпи онъ полагалъ, что наша затѣя не удастся, больно де животинка то хитрющая, а на, поди оплошала!

Отлично закусивъ и досыта наболтавшись, часа въ 3 мы отправились въ обратный путь, и часовъ

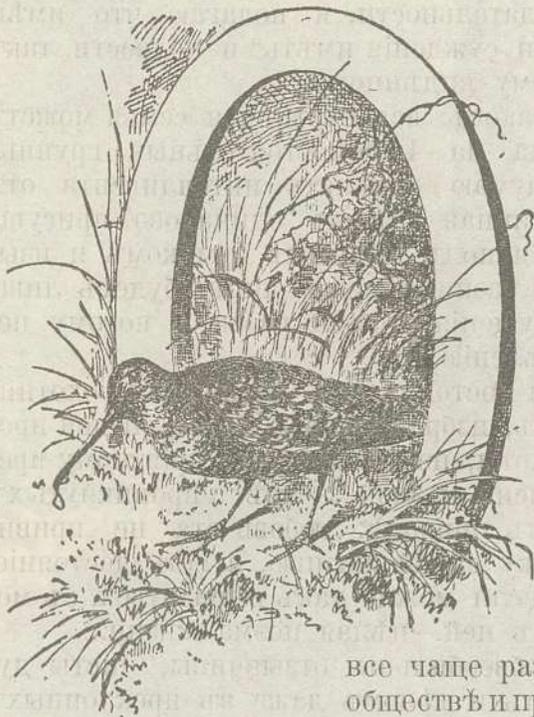
около 7 вновь уже шумѣли въ квартирѣ Александра Константиновича.

Баронъ и Бинеръ остались въ заводѣ, взяли нѣсколько человѣкъ загонщиковъ, обоихъ окладчиковъ и отправились въ догонку за ушедшими оленями и, какъ разсказывали потомъ дня черезъ 3—4, оленей догнали, обложили и взяли двухъ или трехъ.

Охота эта, а съ нею и та симпатичная компанія на всю жизнь оставятъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія и душевное желаніе поохотиться съ нею.

Опытъ характеристики охотничьей семьи.

тмѣтить харак-
терныя особен-
ности охотни-
чьей семьи,
хотя-бы въ об-
щихъ чертахъ,
миѣ хотѣлось
давно, но я все
откладывалъ
это сдѣлать,
боясь, что наб-
люденій моихъ
недостаточно;

теперь-же, когда
все чаще раздаются голоса въ
обществѣ и прессѣ: „охотниковъ
масса, а дѣло охоты стоитъ
плохо“, — я дерзаю сказать нѣсколько словъ.

Прежде чѣмъ перейти къ дѣлу по существу, считаю умѣстнымъ предпослать свое маленькое охотничье предисловіе. Начну съ того, что отецъ мой былъ страстный охотникъ, а потому его старанія были направлены къ тому, чтобъ эту благородную страсть привить и миѣ, для чего я съ ранняго возраста былъ введенъ въ среду охотниковъ, а въ 1866 г. у меня были уже собственныя собаки, ружье и беземѣн-

ный руководитель въ охотничьихъ экскурсіяхъ. Итакъ, въ тысяча восемьсотъ девяносто шестомъ году исполнилось 30 лѣтъ моей самостоятельной охоты,—время немалое, а потому можно себѣ представить, съ какими разнохарактерными типами пришлось мнѣ сходить и съ какими явленіями въ охотничьей жизни вставать лицомъ къ лицу. Будучи не лишень извѣстной доли наблюдательности, я полагаю, что имѣю право „смѣть свои сужденія имѣть“ и подвести, такъ сказать, итогъ всему видѣнному.

Итогъ этотъ таковъ: вся охотничья семья можетъ быть подраздѣлена на 4 самостоятельныя группы, причемъ я не думаю отдѣлять интеллигента отъ мужика, ибо истинная страсть одинаково присуща сердцу, бьющемуся подъ рванымъ армякомъ и изысканной одеждой; разница между ними будетъ лишь въ оттѣнкахъ ощущенія этой острасти, а потому переходу къ опредѣленію.

Первая группа состоитъ изъ истинныхъ охотниковъ, такъ сказать, избранниковъ Діаны, людей преданныхъ дѣлу охоты, не только какъ пріятному препровожденію времени и злой забавѣ, а проникнутыхъ чистой любовью къ природѣ; любовь эта не прививается къ человѣку самой жизнью, а есть достояніе, унаслѣдованное, если можно такъ выразиться, съ молокомъ матери; въ ней—цѣлая поэма жизни...

Люди эти любвеобильны, отзывчивы, чисты душой, бодры духомъ и тѣломъ даже въ преклонныхъ лѣтахъ, не жадны къ трофеямъ охоты, полны наблюдательности относительно всего касающагося охоты и окружающей ихъ природы.

Охота для нихъ священнодѣйствіе, величайшее благо и высокое эстетическое наслажденіе, которому они отдаются беззавѣтно, всей пылкой душой, отрѣшаясь отъ міра сего, съ его житейскими невзгодами, съ того момента, когда властная страсть и окружающая природа, охватить ихъ чистой лаской, подъ которой забываются всякія невзгоды и страданія...

Далеко не всѣмъ доступно такое чудное настроеніе, а между тѣмъ стоитъ послушать любого избранника Діаны, чтобы убѣдиться, что его, иногда далеко нерадостная жизнь поддерживается имено духовно—охотой и общеніемъ съ природой.

Во вторую группу входятъ лица, случайно воспылавшія, якобы страстью къ охотѣ, или такія, которыя, приспособляясь къ жизни, нашли для себя выгоднымъ прикрыться званіемъ охотника. (*Примѣчаніе редакціи. Псовая и ружейная охота, явленіе особенно замѣтное теперь въ псовой охотѣ.*) Лица эти стараются поддѣлаться подъ характеръ настоящаго охотника, но, не одаренныя отъ природы истинной страстью этого достигнуть, конечно, не могутъ, а отсюда, само собою, вытекаетъ, что они являютъ полную противоположность первымъ, какъ то: сварливы, заносчивы, чужды поэтическимъ влеченіямъ къ красотамъ природы, жадны къ количеству дичи или звѣря, не торпятъ успѣховъ сотоварищей, вѣчно недовольны, словомъ, крайне несимпатичны и зовутъ ихъ, въ отличіе отъ истинныхъ охотниковъ, спортсменами, а среди псовыхъ охотниковъ иногда и „чѣмпіонами.“ (*Примѣч. редакціи. „За особенную жадность къ пріобрѣтенію этого званія для своихъ собакъ.“*)

Третья группа состоитъ изъ лицъ „за компанію“; это вѣрныя спутники первыхъ двухъ группъ; они, по большей части, добрые малые, любящіе провести время въ дружной семьѣ, хорошо поѣсть, выпить, поохотиться для моціона. Между ними не мало истинныхъ любителей природы, ищущихъ полнаго отдыха на лонѣ природы и увлекающихся ея красотами, а еще больше—просто увлекающихся сегодня однимъ, а завтра—другимъ. Сами они о себѣ заявляютъ такъ: „бѣжать хотѣ къ черту на кулички, лишь-бы не слышать городского шума, не дышать его пылью,“; а такъ какъ дорога „на кулички“ еще не существуетъ, охотники же всегда есть подъ бокомъ, то эти лица примыкаютъ къ ихъ компаніи подышать чистымъ

воздухомъ, при случаѣ, пожалуй, и пострѣлять, но въ кого или во что—безразлично.

Итакъ, принадлежность такихъ господъ къ охотничьей семьѣ ограничивается лишь тѣмъ, что ихъ терпятъ эта семья, какъ добрыхъ товарищей. Одно скверно: плохо платятъ они за эту терпимость. ибо слишкомъ много, а подѣ часъ и складно врутъ; врутъ про охоту и охотника, выдавая себя за самаго страстнаго любителя, и я не буду далекъ отъ истины, если скажу что имъ, этимъ компаніонамъ, и только имъ однимъ, охотники обязаны происхожденію великомудраго изреченія: „вретъ какъ охотникъ!“

Вышучиваютъ и зло вышучиваютъ настоящіе охотники такихъ своихъ компаніоновъ въ моментъ увле-

ченія въ ихъ кругу, но имъ это, что съ гуся вода. Въ обществѣ же, гдѣ этихъ вруновъ не могутъ уличить и оборвать, они сторицею наверстываютъ свое молчаніе или обиду и самыми невѣроятными разсказами объ охотѣ и охотникѣ задушатъ слушателей.

Четвертую группу составляютъ промышленники. О нихъ я даже и говорить не буду, ибо типъ ихъ достаточно опредѣленъ, да и каждому изъ насъ знакомы эти лица. Одно можно пожелать, чтобы всѣ лица, причастныя къ дѣлу охоты и ей сочувствующія, дружными дѣйствіями стремились къ охраненію охоты во всѣхъ ея видахъ отъ незаконныхъ ея пользованій и тѣмъ довели бы значеніе этого хищника до минимума.

Послѣ сказаннаго, долженъ добавить, что лицъ первой категоріи или группы въ настоящее время приходится встрѣчать все рѣже и рѣже; второй—очень много; много и третьей, да болѣе чѣмъ достаточно—четвертой.

Присматриваясь внимательно къ составу охотничьей семьи конца XIX вѣка, полагаю, нетрудно будетъ отнести того или другого ея члена къ намѣченнымъ выше группамъ, и какже должно быть обидно, когда такія наблюденія приведутъ къ выводу, что настоящій охотникъ исчезаетъ съ земли русской! Грустно это, а вѣрно! Ихъ смѣняютъ спортсмены, „чѣмпіоны“, и „компаніоны“, т. е. лица, лишеныя беззавѣтной преданности и любви къ охотѣ, а потому мало чѣмъ заинтересованныя въ ея процвѣтаніи, ея благоустройствѣ и упорядоченіи; имъ не такъ важна охота со всѣми ея поэтическими сторонами: имъ вполне достаточно, если будутъ садки по голубямъ или тарелочкамъ, съ сумазбродными пари на сотни или тысячи рублей, испытательныя поля съ двумя тремя чахлыми бекасами или доморощенными куропатками или перепелами, гдѣ они могли бы вывести изуродованныхъ вышею дрессировкою породистыхъ псовъ и похвастать ими передъ такими же спортсменами,

какъ они сами; наконецъ, устроить садку съ тренированными борзыми по замореннымъ бѣлякамъ или чуть живому волченку, покричать при этомъ о великихъ задачахъ правильной охоты, уходѣ за собаками и прочихъ хорошихъ охотничьихъ начинаніяхъ, но лишь покричать безъ толку и безъ дѣла (*Прим. ред. Псов. и руж. охота. „Оставаясь совершенно безпристрастной, редація обязана оговориться, что все перечисленное уважаемымъ авторомъ можетъ быть полезно и для охоты... Дѣло лишь въ томъ, чтобы устройство и садокъ и полевыхъ испытаній, и много другого соответствовало бы потребностямъ русской охоты и русскихъ охотниковъ, которыя, т. е. потребности, долго еще будутъ розниться отъ западныхъ. Нѣкоторыя общества и кружки имѣютъ целью именно „потребности охоты“, поэтому почтенный авторъ, какъ намъ кажется, немножко односторонне смотритъ на дѣло.“*) Дѣло—задача не ихъ, а потому дѣствительное дѣло охоты падаетъ, и будетъ падать, ибо тѣ оставшіеся еще гдѣ то разбросанными по Матушкѣ Руси, немногіе истинные охотники не могутъ постоять за дѣло охоты какъ по малочисленности, такъ и потому, что спортсмены энергично возстаютъ противъ возможнаго общенія съ дѣльными охотниками; если же, паче чаянія, все же составляется кружокъ или общество охоты, то большинство спортсменовъ ловко беретъ перевѣсъ, составъ членовъ кружка становится во власти ихъ, и можно навѣрное сказать, что на одного охотника приходится 100 спортсменовъ или компаніоновъ. При такой оппозиціи, при всемъ желаніи истиннаго охотника послужить дѣлу охоты, приходится вездѣ и во всѣмъ терпѣть полное фіаско, а потому нерѣдки случаи, что, пробившись годъ, два, три охотники отряхаютъ прахъ отъ ногъ своихъ, уходятъ изъ общества или кружка, проклиная ихъ въ душѣ.

Подъ вліяніемъ чисто спортивного направленія, молодое подрастающее поколѣніе, быть можетъ и

стало бы истинными охотниками, но попавшее въ извращенную семью, погибаетъ съ первыхъ же шаговъ, и можно съ увѣренностью сказать, что не далеко то время, когда настоящая охотничья семья, съ ея открытыми честными отношеніями и любовью къ охотѣ, канетъ въ Лету, а на ея мѣсто выступитъ спортсменъ во всей своей неприглядной наготѣ, процвѣтая, пропагандируя свои неприглядныя идеи и убивая поэтическія стороны охоты и ея послѣднихъ поклонниковъ.

Медвѣдь музыкантъ и памятная встрѣча.

Въ 49 № за 1895 годъ уважаемой „Охотничьей газеты“, товарищъ по страсти г. Бутурлинъ описываетъ игру дятла и, заканчивая свою замѣтку, говоритъ, что у сибирскихъ медвѣдей, по рассказамъ туземныхъ охотниковъ, есть аналогическое развлеченіе съ расщепленными пиями.

Такое заключеніе возстановило въ памяти случай, рассказанный однимъ изъ постоянныхъ моихъ спутниковъ по охотамъ въ Уралѣ, крестьяниномъ деревни Мостовой—Алексѣемъ Корешковымъ, заядымъ звѣровымъ охотникомъ. Разказу его, откровенно говоря, я не придавалъ вѣры, хотя мнѣ его подтверждали односельчане, но мнѣ онъ казался слишкомъ ужъ фантастическимъ и въ настоящее время, рискуя подѣлиться имъ съ товарищами по страсти, я оставляю всю отвѣтственность за правоту на совѣсти разказчика, а въ свою очередь лишь постараюсь, не уклоняясь отъ истины, передать слышанное.

Прежде чѣмъ перейти къ разказу, считаю не лишнимъ, для полноты, хотя-бы векользь представить дѣйствующее лицо. Алеха звѣроловъ, такъ звали и знали его все односельчане, былъ мужикъ зажиточный лѣтъ 35, родился и выросъ онъ въ своемъ медвѣжьемъ углу и своей мощной фигурой напоминалъ представителя хвойныхъ лѣсовъ—Топтыгина;

ростъ его больше 12 вершковъ, въ плечахъ косая сажень и благодаря работѣ съ дѣтства около лѣса и золотыхъ промысловъ, онъ обладалъ страшной физической силой; на работѣ Алеха былъ нѣсколько неповоротливъ, почти всегда серьезенъ и даже какъ бы угрюмъ, но какъ только бралъ ружье въ руки, подтягивался, заламывалъ шапку на затылокъ, такъ становился неузнаваемъ, даже черты лица какъ будто измѣнялись, принимая веселое, энергичное выраженіе. Во всѣхъ поступкахъ Алехи, движеніи и словахъ проглядывали глубокая страсть и любовь къ охотѣ; это былъ не промышленникъ, а истинный охотникъ.

Возвратившись съ глухаринаго тока, мы благодушествовали за чаемъ, а Алеха все время болталъ безъ умолку, рассказывая то объ одной, то о другой охотѣ по дичи, которою онъ балуется такъ, между прочимъ, отъ скуки ради, превознося охоту на звѣря, какъ то медвѣдя, лося и оленя, и, войдя въ экстазъ, онъ проговорилъ:—эхъ, что птичка, безобидная тварь!... другое дѣло звѣрина, а и ту одна ловко обошеть.

— Это кого-же ты звѣриной то величаешь? спросилъ я его, ибо этимъ именемъ у насъ награждаютъ лося и медвѣдя.

— Знамо Топтыгина; вотъ какъ:—безъ выстрѣла взялъ!

— Даже безъ выстрѣла!—это интересно рассказывай!

Алексѣй сдѣлалъ нѣсколько глотковъ чаю и, не торопясь, началъ свой рассказъ такъ:—лѣтъ пятокъ, а то, пожалуй, и всѣ шесть, вѣдь нынѣ 1873 годъ-то такъ всѣ шесть,—дѣло было по веснѣ, дрова рубили въ тѣ поры; отводъ-то былъ верстъ около десяти отъ деревни; ну вотъ

ладно,—закончилъ я это свою дѣлянку и направился къ дому, чуть только разсвѣтало. Иду, значитъ, прямикомъ,—што намъ дороги, вездѣ трахтъ: въ лѣсу, што у себя на печи, всякій кусть—братъ родной. Ладно! ...Погода задалась такая, што ни тебѣ вѣтра, ни гдѣ-то и ни че-то не брякнетъ, не щелкнетъ, словомъ—тишь, только пташечки сердешныя таково звонко, да яро чирикаютъ, потому весна, сердце радуется! Иду это я, иду, да останавлиюсь, послушаю,—больно хорошо, да радостно; вотъ она благодать-то Божія!

Прошелъ, почитай, ужъ половину дороги, только вдругъ слышу это, гдѣ-то вправо, не черезчуръ таки далеко, кто-то словно дрань деретъ, не умѣючи. Што, думаю, за оказія?! Отводовъ тутотка нѣтъ, видно кто нибудь озорничаетъ, може и изъ нашихъ ребятъ; дай пойду, посмотрю. И на голкъ-то двинулся, подошелъ нѣсколько—да прионнулся, сумленье пало, можетъ ослышался, аль игру дятла за дрань принялъ. Нѣтъ,—явственно слышу опять дранью брячатъ, равно какъ балуются; я и ну подвигаться, все приглядываюсь впередъ, по рѣдко-бору-то, чтобы скорѣе упризорить, кто это? и скоро таково, знай, пошагиваю.

Только вкатился это на увальчикъ махонькій, глядь, а впереди на пригоркѣ, не болѣ, саженьяхъ въ сотнѣ, самъ Топтыгинъ стоитъ на заднихъ лапахъ у дерева, ко мнѣ спиной, а дерево-то маланьей расщеплено, и что-то обнюхиватъ его. Вотъ-те, думаю, сусѣдъ односельчанинъ! Этотъ и бока намать можетъ за первый сортъ; даже оторопь малость взяла, а и узнать охота, за какимъ онъ тутотка лѣшимъ? да и боязно, потому, окромя махонькаго пожа, да топора, никакой оборонны съ собой нѣтъ.

Пока это мекаю, какъ диво то и только,—само объявилось зачѣмъ онъ туточка: на музыкѣ пришелъ поиграть, инструментъ, забаву себѣ нашель, пра—это енѣ дранью-то побрякивалъ, да таково занятно: захватить это правой-то лапой, рашепленные-то драпки отведеть къ себѣ и отнустить, ну, онѣ сперва-то здорово щолкнуть, а тамъ и запоютъ на разны голоса: дрень, донь, дынь... А онѣ ухо-то наведеть—слушать и какъ только утихнуть, енѣ вновь заведеть да отнустить и слушать.

Смотрѣлъ я, смотрѣлъ на ево проказу и поди-же мнѣ въ башку, баринъ, отчаянная штука! дай я спужаю ево, трусь вѣдь енѣ! а и подобраться-то мекаю, къ ему ловко будетъ, къ примѣру, какъ глухарю на току, пока енѣ занять музыкой—скачи безъ опаски. Эхъ! только-бы поигралъ еще малость—спужаю; да не горюхомъ, перекрестившись, и шастъ къ ему; топорикъ, знаете, въ руку и ну прыгать.

Прыгать было ловко, мягко; онъ себѣ поигриваетъ, а я-то подпрыгиваю, да подпрыгиваю... Страсть-то охотничья загорѣлась; выдумка-то больно пришла по сердцу, прыгаю, а самъ это нѣтъ, нѣтъ да и взмолюсь: Господи, Никола Батюшка, не выдай!.. и такъ это ловко подѣхалъ къ Топтыгину—въ притруть. Медвѣженко-то небольшой оказался, дослушивать музыку-то, а я ужъ и топоръ занесъ; только это онъ съизновъ взялся, чтобъ отводить дрань, а я какъ ухну, да хрясь ево обухомъ по загривку: что ты, мошь, подлець, тутотка дѣлаешь?! Енѣ хрюкнуть, какъ-то по свинячьи, да, не оборачиваясь, колесомъ отъ меня въ сторону и покатишь. Ну, думаю, видно ладно,—спужался ослопина, скатертью дорога, а мой никакъ будешь.

Отлегло на сердцѣ, опнулся я малость и пошелъ на ево слѣдъ; только вскорѣ гляжу,

слѣдокъ то далъ знатный: болѣсть-то сказалась здорово; я еще немного прошелъ да и свернулъ къ дому, потому не по пути намъ съ нимъ, а главное—собачку да ружье надо было добыть, чтобы расчетъ съ ними прикончить,—неча ему тутотка околачиваться около деревни, тоже скотину попортить да кого и испужать можетъ. До дому вереть пятокъ еще было; живой рукой это я ихъ отмахалъ, взялъ ружье съ полатей, изобиходилъ, собачку съ цѣпи спустилъ, палъ на верхнюю,—буланый подъ руку попалъ, и на рысяхъ покатылъ обратно къ мѣсту.

Сѣрко мой—собака до звѣря фартовая, знаетъ въ чемъ дѣло, живо это изъ глазъ скрылась. Сталъ это подѣзжать къ мѣсту; слышу—едва, едва лай доносится; я поспѣшать въ ту сторону,—видно нашла собака-то звѣря, такъ какъ-бы че не встрѣтилось ей,—тоже жаль. Не доѣхавъ саженой можетъ съ тридцать до собаки,—спѣшился, коня привязалъ по крѣпче, осмотрѣлъ ружье и подхожу. Собака изъ себя выходитъ, надрывается и все въ одномъ мѣстѣ брешеть, а и мѣсто-то тоже рѣдко-боръ, по увальчику,—видно-то далеко. Скоро запримѣтилъ я и собаку,—рвется милая, надрывается, подпрыгиваетъ, а передъ ней, что конна, звѣрь лежитъ,—видно кончился или изомелъ, да сплюха самъ на слѣдъ напоролся,—одна гольная кровь, ну, значить, правильно, есть и если не здохъ, то: все-же ослабъ, опаски нѣтъ, и подошелъ вплоть. Вѣрно,—прикончился только, теплый еще. Живымъ манеромъ освѣжевалъ я его, сбѣгалъ за конемъ, чтобы, шкуру значить, взвалить. На те, братецъ, дура скотина фордыбачиться начала; сколько еще съ ней промаялся, а все-же уговорилъ,—вѣдь не впервой ей подъ такой пононой ходить; оболокъ, да такъ въ поводу до самага дома и велъ ее.

Когда все это прикончилъ, раздумался это я на свободѣ, да и говорю самъ себѣ: ну, и дуракъ-же ты, Алеха, самъ на погибель лѣзь, а вѣдь у ты семья, ребята малые, жена молодая и проч... И далъ я, баринъ, себѣ съ той поры зарокъ въ другорядъ на рожна не переть, а охотиться честнымъ порядкомъ, съ капканомъ-ли, на берлогѣ-ли и проч., а дурь эту оставить и оставилъ и много ужъ перевелъ ихъ на своемъ вѣку въ одиночку или съ братомъ Васильемъ.

А вотъ, коли я тебѣ, баринъ, не надоѣлъ, то послушай еще расскажу случай тоже съ медвѣдемъ, когда я такъ напугался, што чуть было живота не лишился.

— Пожалуйста, Алеха, рассказывай.

Такъ вотъ, дѣло было тоже ранней весной, въ ту самую пору какъ глухарь играетъ во всю, ну, значитъ, я и не вытерпѣлъ, рѣшилъ безпримѣнно на утро подъ Липовую дернуть, что отъ деревни верстъ семь будетъ, токъ тамъ матерый, и почитай до полсотни глухарей играть, и мѣсто привольное, по кромкѣ болота, по карандарнику, и въ уваль по рѣдкорю. Ну, ладно, надумалъ и конецъ.

Управился около дома, и близко къ полночи собрался, ружье, что изъ солдатскаго передѣлано, зарядилъ самой ядреной самодѣльной, вмѣсто дробы, (самодѣльная дробь дѣлается такъ; изъ тянутой проволоки въ картчъ 000 англійская, рубятся прутики, которые кое какъ прокатываются между желѣзными досками, и дробь готова) и маршъ.

Ночь была темная, а какъ вступилъ въ лѣсъ, то еще темнѣе стало, но я знакомой тропой, что трактомъ, знай, пошагиваю. Скоро, однако, ужъ и Липовая

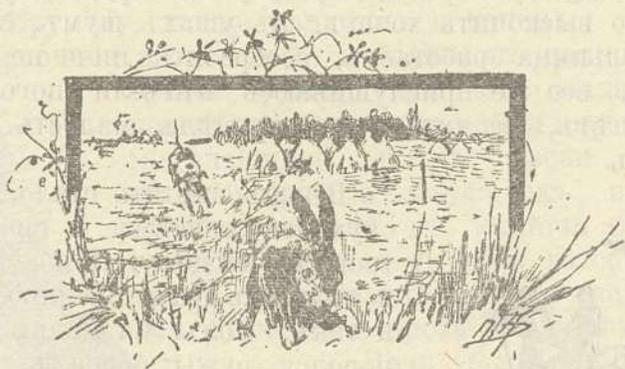

должна быть, въ лѣсу нѣсколько освѣтлѣе стало—луна взошла да и приглядѣлся-то я ужъ больно; только вдругъ гляжу это и глазамъ не вѣрю, на пути громади́ющая лѣсина бурей-ли поваленная, аль кто срубилъ, не знаю, но поперегъ тропы лежитъ. Я, это, ногу-то на нее и только перепрыгнуть осталось, какъ, вдругъ, передо-мной самъ Топтыгинъ всталъ и такъ рывкнулъ, что меня съ колодины ровно кто сдунулъ обратно. Отъ такой напасти, ажъ душа въ пятки ушла и ни живъ, ни мертвъ стою это я, не зная, что дѣлать—оторопѣлъ и ужъ въ умѣ съ родными прощаюсь—пропалъ! да съ отчаянности-то, вѣдь все равно пропадать-то, приложилъ—это ружье къ плечу и ужъ не помню, видно, между глазъ ему намѣтилъ и ахнулъ... Что было потомъ, сказать не сумѣю, только, пока дымъ-то еще не разошелся, ружье я бросилъ, самъ въ сторону съ тропы, да давай Богъ ноги на утекъ—къ дому. Долго бѣжалъ безъ передышки, выбирая все погуще лѣсокъ, всѣ глаза себѣ повыхлесталъ, чуть что не всю одѣжку на себѣ порвалъ, только чую, что доле бѣжать не въ могу—духъ спирать,—пріопнулъ. Сердце стучить,—точно выскочить хочетъ, въ ухахъ шумъ, словно гдѣ мельница работаетъ, сообразить ниче не могу, однако, все же прислушиваюсь нѣтъ-ли погони за мной, нѣтъ, не чутко, я и присѣлъ малость передохнуть.

Вскорѣ свѣтать стало, я ужъ очухался совсѣмъ и спокойно тронулся къ дому. Пришелъ это и прямо къ брату Василю, такъ и такъ, молъ, на медвѣдя напоролся, ружье бросилъ, а потому послѣдить надо ево да и ружьишко-то выручить. И какъ вспомнилъ все это, забила меня лихоманка, не то съ испугу, не то съ устатку, на нутрѣ какъ-то

ся нудно стало и въ голову вдарило,—заболѣла, такъ, что въ глазахъ потемнѣло и языкъ, ровно-бы, чужой,—не шевелится какъ надо. Добрался до дому и прямо на печь залѣзъ; да такъ почитай, что дней десять, а то и боле провалялся, присунулась ко мнѣ въ тѣ поры сильнѣющая горячка, какъ есть безъ памяти лежалъ, все-то медвѣдями турусилъ днемъ и ночью, такой-ли страшный сталъ, что всѣхъ изъ дому разогналъ и кабы не добрые люди, да тетка Арина, знать, прикончился-бы, а то отходили; только послѣ этой болѣзни долго я оправлялся, да силы нагуливалъ, а какъ оправился совсѣмъ, братъ Василий ружье мнѣ принесъ и разсказалъ, что испугавшій меня медвѣдь гдѣ, значить, всталъ передомной, такъ тутотка и остался, его бездыханнымъ нашель братъ Василий, весь зарядъ дроби пришелся пулей промежъ глазъ и сбродилъ медвѣжий черепъ, какъ стальной стамеской—какъ не скажешь спасибо старой туркѣ—выручила,—а то бы былъ мнѣ конецъ.

Не помѣсту пришлось.

(Воспоминаніе изъ прошлаго).

Давно это было. Мой покойный отецъ былъ друженъ съ двумя заядлы-ми охотниками, которыхъ я помню крайне смутно, но живы они въ памяти воспоминаніемъ того случая, о которомъ я и хочу подѣлиться съ товарищами по страсти.

Назовемъ этихъ господъ хоть Иванъ Ивановичъ и Петръ Петровичъ, полагаю, что отъ этого суть дѣла не измѣнятся.

Жили Иванъ Ивановичъ и Петръ Петровичъ настолько дружно, что гдѣ былъ одинъ, такъ, навѣрное, можно было встрѣтить и другого, а потому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что и на охоту они другъ безъ друга не ходили. Между тѣмъ, трудно себѣ представить что либо противоположное по характерамъ этихъ друзей: первый флегматикъ, скромный и аккуратный, какъ истый нѣмецъ, за что товарищи очень мѣтко прозвали его „увальнемъ“; второй—наоборотъ,—вспыльчивый, увлекающійся человекъ минуты, однимъ словомъ—вѣтерокъ, какъ его въ шутку и называли.

Всѣ близко знавшіе этихъ двухъ пріятелей только диву давались, какъ такіе два противоположные характера могли уживаться и какъ нижеслѣдующій инцидентъ не прекратилъ эту дружбу; на самомъ же дѣлѣ „инцидентъ“ не только обошелся благополучно, но не будь болтушки Степана, крестьянина, сопро-

вождавшаго ихъ на охоту и бывшаго свидѣтелемъ всего происшедшаго, такъ бы онъ и остался неизвѣстнымъ, ибо оба друга не обмолвились ни единымъ словомъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, позвольте вамъ представить обоихъ пріятелей и по наружности: Иванъ Ивановичъ—плотный мужчина, лѣтъ 35, невысокъ ростомъ, но дороденъ, круглолицъ и чисто выбритъ, плѣшивъ, почему зимой и лѣтомъ ходитъ въ черной папахѣ, нѣсколько заикается и употребляетъ въ разговорѣ частичку „съ“, на словахъ мягокъ и деликатенъ, одѣтъ всегда изысканно и предусмотрительно, что вполне оправдываетъ его выраженіе „присуще случаю.“

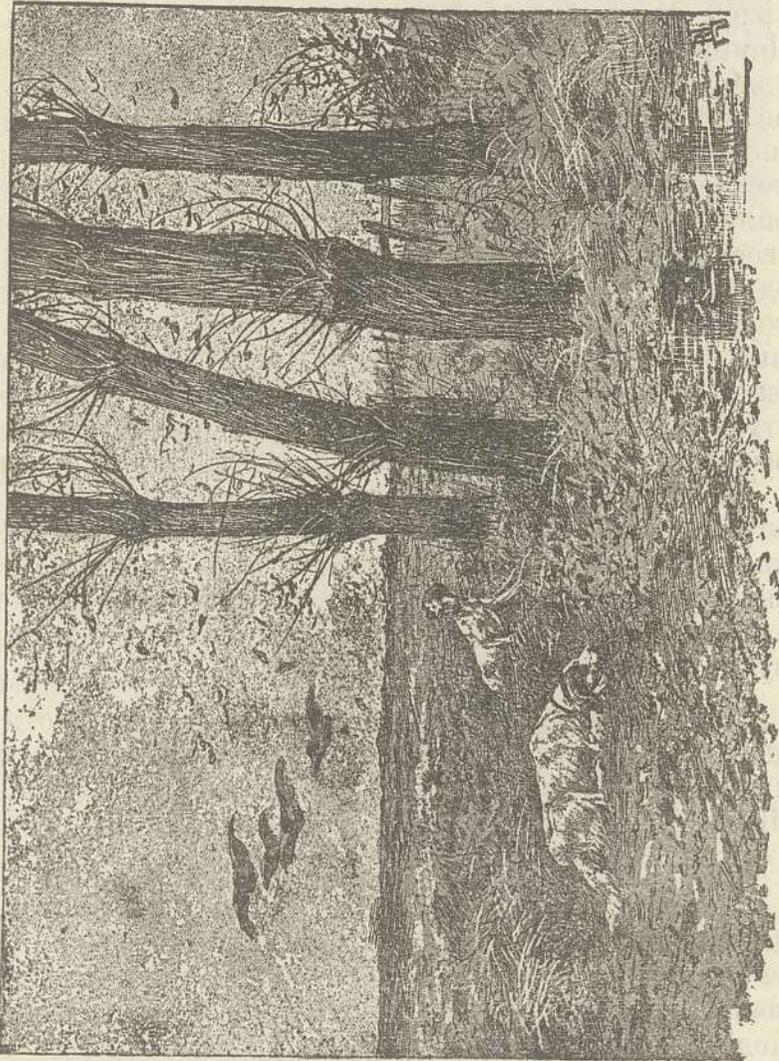
Петръ Петровичъ—контрастъ полный: высокъ и статенъ, блондинъ во цвѣтѣ лѣтъ, немножко неряха, близорукъ, но не хочетъ въ этомъ сознаться и надѣтъ очки, говоря, что его красивый носъ созданъ не для того, чтобы его портить, осѣдлавъ очками, а потому на охотѣ часто стрѣляетъ въ пенъ или кухту.

Охотники, бывало, какъ соберутся на охоту въ Истокъ, гдѣ останавливались всегда у Степана, такъ и пристанутъ къ нему рассказать, какъ онъ съ Ивановъ Ивановичемъ и Петромъ Петровичемъ охотился и какъ „не по...помѣсту при...пришлось-съ!!..“

Послѣ добраго стакана водки Степанъ начиналъ:

— Ну, извольте, такъ и быть расскажу, чисто што одна, значить, фантазія (вмѣсто оказія). Приѣхали это коло Ильина дня ко мнѣ съ вечера мои воспода (онъ всѣхъ охотниковъ останавливающихся въ его домѣ, называлъ—мои воспода), за чайникомъ да закусочкой разспросили на счетъ птицы, все какъ есть, поднесли мнѣ стаканчикъ, городской, важнѣющей водки, а утромъ приказъ дали, чтобы выходить. Я побѣгъ къ Мишкѣ Безпалову, а енъ не дома, я обратно, докладываю Ивану Ивановичу объ евтомъ, ну, инъ не надо, мы и безъ него обойдемся, я было говорю: Гришку Косого можно взять, паренъ прыткій—

не, говорить, не надо, ну, дѣло восподское, коли не надо, такъ, значить, неча и сумлеваться. Да и то, дичи тоже не возъ набьютъ.

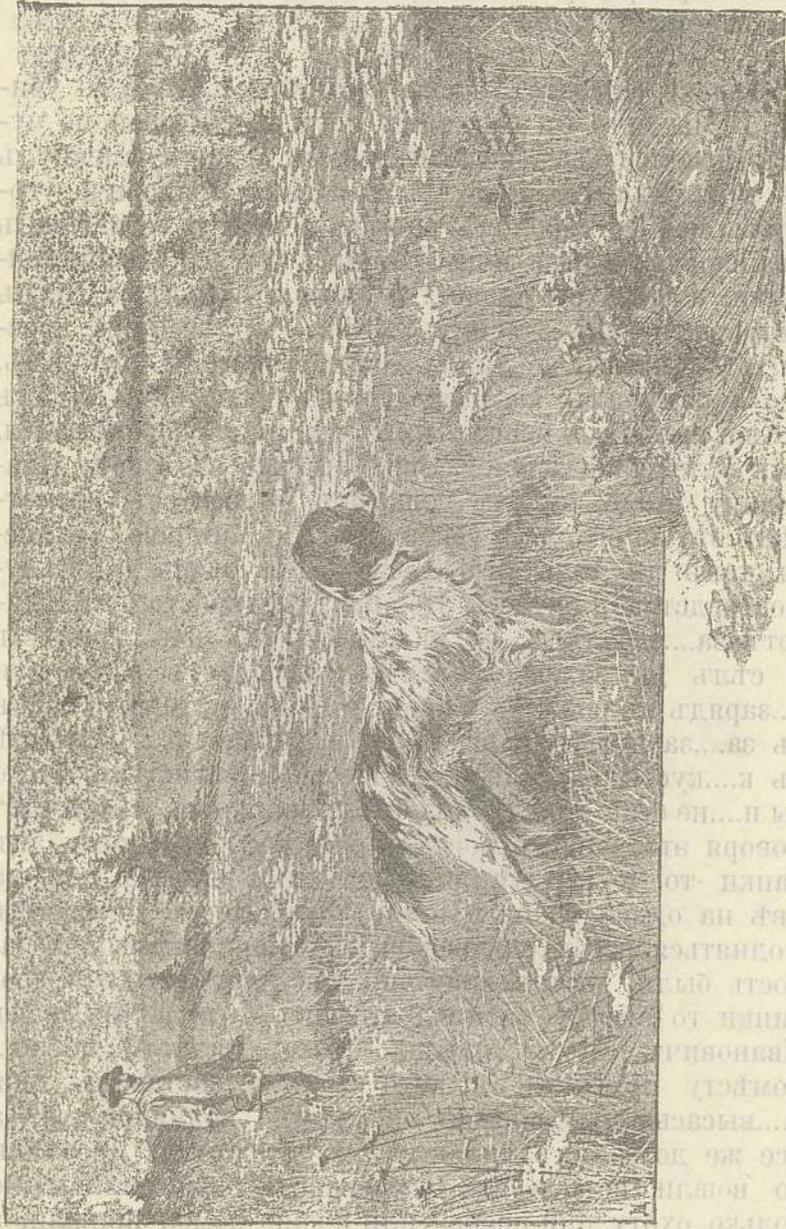

Утро это выпало баское, ни тебѣ вѣтерка,—тишь да гладь.... Вышли. Идемъ верету, другую и напоро-

лись, братцы вы мои, на выводокъ да а-гро-маднущій... Надо полагать изъ-подъ двѣхъ, але болѣ матокъ онъ былъ; Иванъ Ивановичъ это-разъ, разъ! пара есть, а мой тыкаль, тыкаль покѣлева здымались, хрясь, хрясь, въ бѣлый свѣтъ какъ въ копѣчку... Помирать полетѣли. Иванъ Ивановичъ въ смѣшку ударился: „Эхъ, вы, говоритъ, горе охотникъ!“ Задѣло, видно, эвто за живое Петра Петровича, и втемяшьяся, что ему Иванъ Ивановичъ помѣха, что при немъ, значить, стрѣльба идетъ у него плохо... Заспорили, потому меня дѣлить начали, но только скоро сговорились: Иванъ Ивановичъ уступку сдѣлалъ—одинъ пошелъ. Мы евто вправо, а енъ влѣво, уговорились къ завтраку сойтись, мѣста то все знакомья... Вотъ хорошо, замагали. Слышу Иванъ Ивановичъ наткнулся, видно, на разѣвшихся тетеревей, стукъ да стукъ... Но вотъ пофартило и намъ, нашли выводокъ, надо быть, не пуганный—далеко не летять, а пара какъ поднялась, такъ на первую сосенку и влѣпилась. Мой то—хлысь направо, хлысь налѣво!... ни шиша. Дождались тетеревята пока Петръ Петровичъ ружье вновь зарядилъ, и одного таки сшибъ, а другой снялся; енъ и того пужнулъ, да только жару поддалъ. Эхъ, горе стрѣлокъ.

Только на тебѣ, попритчилось намъ какъ то видно скружнули, да линію то и потеряли... Идемъ прямымъ ходомъ; да подъ разговоръ-то въ сторону Ивана Ивановича и премъ, а енъ, какъ на грѣхъ, стрѣлять пересталъ.

Перешли это покосикъ, сколокъ, какую-то дорожку да вдарились на прорубь съ мелкой порослью. Собачка наша прихватывать зачала, и я поотсталъ малость, чего она роется, а на барина то и не гляжу. Поди-жъ ты, напасть то тутъ и была!... Противъ собаки-то, такъ шаговъ 60, аль болѣ, въ кухтѣ осинника что то черное пошевелевается; баринъ то запримѣтилъ, шепчетъ—глухарь! Разъ туда.... а какой

такой глухарь тутъ, сколько лѣтъ въ евтомъ мѣстѣ его не было видно.

Только слышимъ послѣ выстрѣла: „Карауль убили!...“ Мы евто съ бариномъ ногъ подь собой не чумъ, несемся какъ рысаки добрые; я ужъ смекнулъ въ чемъ дѣло то, надо быть, Ивана Ивановича угостилъ мой то соколикъ. Добѣгли, такъ и есть: Иванъ Ивановичъ сидитъ и костюмчикъ его въ безпристойности, а рожа въ крови... Я такъ и ахнулъ, а Петръ Петровичъ какъ завопить: „Живъ ли ты, Ваня, прости, откликнись, погляди, глазки то цѣлы ли? Ахъ, что я надѣлалъ какъ я тутотка попалъ?... А самъ это на колѣняхъ передъ нимъ ползаетъ, перепужался, ажъ зеленый сдѣлался. Видно, жалко ево Ивану Ивановичу стало, видитъ человѣкъ убивается,—посмотрѣлъ это на его, да и говоритъ: „Ни...ничаво, Пе...петя, такъ то...только-съ е...спужался очень, а ду...душевередства н...нѣтъ... По...палъ-же просто: жи...животъ за...заболѣлъ, ну, н...надо было при...присѣсть и сѣлъ да за...задумался-съ, какъ тутъ р...разъ и з...зарядъ въ рожу-съ! Конечно-съ па...пахасъ в...васъ въ за...заблужденіе ввела, не н...нужно б...было мнѣ въ к...кусты е...садиться, а н...на чистинку-съ, этого бы н...не было-съ, с...самъ в...виновать-съ, е...сам-съ!“ Говоря это, баринъ рожу то вытеръ платочкомъ, анъ ранки то и выступили явственно; двѣ на лбу, да двѣ на одной щечкѣ. Помогъ ему Петръ Петровичъ подняться, избиходиться, потому припачкамшись малость были, да и говоритъ: „Дай другъ, я тебѣ дробинки то высосу, не такъ саднить будетъ.“ А Иванъ Ивановичъ ему въ отвѣтъ: Э...эхъ, другъ-съ, не по...помѣсту пришлось-съ, а то бы я за...заставилъ тебя в...высасывать, прежде ч...чѣмъ поднялся-съ“—а все же дозволилъ высосать да выдавить. Дробинки то вошли не глыбоко, скорешенько выкатились, но только охоту они прекратили и рано домой пришли, а какъ домой собрались ѣхать, то мнѣ тотъ и другой

по зелененькой бумажкѣ дали и говорятъ: „Ты никому не сказывай,“—я и молчалъ, покелева часто ѣздили, а теперъ—кто ихъ знаетъ гдѣ они!...

Отъ Тифлиса до Батума.

Путевыя замѣтки.

I.

Въ концѣ іюня мѣ-
сяца 1892 г. мнѣ,
по дѣламъ службы,
пришлось дѣлать
путешествіе по ли-
ній Закавказской желѣзной до-
роги отъ Тифлиса до Батума.

Съ особеннымъ удовольствіемъ соби-
рался я къ предстоящей поѣздкѣ,
планируя, какъ бы прослѣдовать всю
линію днемъ, чтобы такимъ образомъ
имѣть возможность любоваться гор-
нымъ участкомъ этой, покуда, единственной въ сво-
емъ родѣ русской дороги, во всей его красѣ, въ пер-
вый разъ въ моей жизни.

Разобравшись съ росписаніемъ поѣздовъ, я при-
шелъ къ тому заключенію, что нужно выѣхать изъ
Тифлиса утреннимъ поѣздомъ, также и обратно изъ
Батума, дабы смотрѣть весь путь.

Утро 27 іюня было роскошное: на небѣ ни облач-
ка, нѣжно голубая даль, освѣщенная яркими лучами
солнца млѣла и была подернута дымкомъ; жаръ еще
не покорилъ проснушагося южнаго дня.

Красивый вокзалъ станціи Тифлисъ и его платформа жили полною лихорадочною жизнью. Спуетъ пассажиръ отъ вагона къ вагону, спѣшно шагаетъ служащій на дорогѣ, бросая то въ ту, то въ другую сторону свои распоряженія; важно и безучастно смотритъ на эту суетлоку поѣздная прислуга, время отъ времени вытягиваясь въ струнку, козыряя проходящимъ старшимъ агентамъ дороги. Отъ общаго говора этой толпы стоитъ подавленный гулъ. Затерялось родное здѣсь слово, льется усиленно рѣчь армянина, грузина, перса и нѣмца-колониста.

Время идетъ, стрѣлка вокзальныхъ часовъ на цифрѣ 9 час. 30 минутъ; раздается третій звонокъ, и вслѣдъ за нимъ дребезжащій свистокъ оберъ-кондуктора... отвѣтный паровоза—и нашъ поѣздъ, снятый умѣлой рукой машиниста, плавно двигается отъ станціи.

Мелькаютъ колонны и лица знакомыхъ, какъ будто они уходятъ отъ насъ, а не мы отъ нихъ.

Вонъ тамъ, за послѣдней колонной, печально выглядываетъ доброе лицо почтенной старушки, орошенное слезами прощанія; она усиленно помахиваетъ бѣлымъ платочкомъ, порывисто поднося его къ влажнымъ глазамъ; она кого то проважаетъ? но кого—не рѣшишь, такъ какъ масса головъ выглядываютъ изъ оконъ вагоновъ, улыбаясь, помахивая шапками и разноцвѣтными платками.

Мой вагонъ былъ послѣднимъ. Я помѣстился на тормазной площадкѣ: передъ моими глазами открылась широкая площадь для наблюдений.

Въ горныхъ мѣстностяхъ полотно дороги обыкновенно пробирается или долиной рѣки, или по котловинѣ и только уже, за отсутствіемъ таковыхъ, по необходимости, лѣзится въ гору. Мы вступаемъ въ долину рѣки Куры. Съ лѣвой стороны пути, по каменистому ложу, въ крупныхъ берегахъ несетъ свои мутныя воды рѣка Кура; она неглубока, но мѣстами широка и страшно быстра. Кое-гдѣ, и то очень

рѣдко, видишь спокойное плесо, а то рябь и волна перекатная не сходятъ съ нея. Паденіе воды замѣтно даже невооруженному глазу. Да и немудрено ей и быть такой быстрой: рѣка горная, мѣстами она такъ сжата уступами скалъ, что только стихійная сила воды могла проложить себѣ такой путь. Въ подобныхъ мѣстахъ она очень красива и поражаетъ своимъ величіемъ. Вотъ покойно, широкой лентой несутся ея воды къ подножію голаго утеса, ставшаго имъ на пути, и лишь только коснулась рѣка своею могучею грудью суровой, холодной громады, пѣнясь сердито, ожила, навалилась плотнѣй и ползетъ у подножія утеса, какъ громадныхъ размѣровъ змѣя. Преграды для нея ничто: коли пробить или снести не можетъ, то, вскипѣвши, надувшись, она прочь отходитъ, или ласкаясь, шумя и бурля, огибаеть громаду и съ новой силой, быстрѣе несется, играя на солнцѣ серебристо-стальной чешуей, какъ кольчугой.

Съ правой стороны пути ютятся мирные безжизненные увалы, кое гдѣ покрытые мелкой колючкой зеленовато-желтоватаго цвѣта, какъ засыхающая трава, а за ними вдали, встаютъ горныя громады—одна другой могущественнѣе.

Тѣ, что ближе къ полотну, одѣты лѣсною чащей—отъ нѣжнаго граната, черешни, магноліи до дуба, сосны или ели; да и тѣ, что подалше отъ полотна, —одѣяніемъ едва-ли отстали отъ первыхъ и къ тому-же опоясаны тучкой ползучей какъ флеромъ, и увѣнчаны бѣлой шапкой, такъ что нескоро на глазъ разберешь, спустилось-ли облочко бѣлое на эти громады, или вѣчные снѣга вводятъ въ обманъ. Какъ хороша эта даль!

Черезъ каждыя 15—20 минутъ поѣздъ сбавляетъ ходъ, вступая на станціонные пути. Кратковременныя остановки у станцій, и опять летитъ со скоростью 35 веретъ въ часъ, все при той же божественной обетановкѣ, при безоблачномъ небѣ и южной нѣ-

гѣ; 40 градусный полудневный жаръ умѣряется въ пути постояннымъ притокомъ теплаго вѣтерка.

На 46 верстѣ путь отошелъ отъ рѣки, а на 47 вступилъ въ выемку, сдѣлалъ довольно крупный поворотъ и выскочилъ на лужокъ... да какой? Точно кто коврикъ узорчатый, бархатный бросилъ къ подножью насыпи: чего, чего тутъ нѣтъ. Разнообразіе цвѣта самой на видъ простой травы идетъ отъ нѣжно зеленого до самаго темнаго, чуть ли не чернаго. И тотъ, и другой отгѣняются каемкою бѣлою, сѣрою или же желтою по краю листа, или тѣ же цвѣта расположились узорчатыми пятнами по широкимъ листьямъ. Вся эта зелень усыпана всевозможнаго размѣра цвѣтами отъ фіалки трехцвѣтной до махроваго тюльпана луковицы, самыхъ яркихъ красокъ., Все или многое, что съ молодю привыкъ считать достояніемъ богатой гостинной или теплицы, здѣсь растетъ на вольномъ воздухѣ, попирается и пожирается домашними животными.

Пытаться описать эту роскошь природы нѣтъ силы.

Вотъ развѣ кистью и краской въ умѣлой рукѣ художника возможно еще воспроизведеніе чего либо похожаго, а словами и сотою доли не передашь того впечатлѣнія, которымъ такъ хотѣлось бы подѣлиться,

Смѣло, игриво проходитъ полотно дороги съ лужка на лужокъ, къ подножью мрачной горы или на самую гору, бросаясь то вправо, то влево и исподволь забираясь въ высь.

Первая красивая станція Гори, и противъ нея уѣздный городокъ Тифлисской губерніи того-же названія, расположенный по лѣвой сторонѣ рѣки Куры, около версты отъ станціи. Городъ на видъ маленькій, довольно чистенькій. Въ немъ сохранилась довольно прочно и по сіе время древняя крѣпость, имѣющая издали видъ свиной головы, отчего и городъ Гори, какъ говорятъ старожилы, получилъ свое названіе Гори, на грузинскомъ нарѣчій означаетъ—свинья.

Отъ этой станціи еще замѣтнѣе путь забирается выше и выше въ горы; мы приближаемся къ Сурамскому перевалу, высшей точкѣ закавказской жел. дор., на которой прежде поднимались поѣзда, но въ виду крайняго неудобства при слѣдованіи большого состава товарныхъ поѣздовъ, этотъ путь въ 1890 г. замѣненъ туннелемъ.

Полотно дороги тянется въ туннели до 4 верстѣ, дѣлая въ немъ легкій подъемъ и спускъ почти на половинѣ всего пути при значительной кривой.

Еще поѣздъ находится далеко отъ туннеля, а въ немъ уже суматоха: спуютъ по вагонамъ съ озабоченными лицами кондуктора, держа въ рукахъ огарки свѣчей, торопливо вставляютъ таковые въ фонари и зажигаютъ. Невольно рождается вопросъ: что случилось, для чего освѣщеніе днемъ.

Спрошенный по этому поводу, кондукторъ небрежно, мимоходомъ бросаетъ слово „туннель“ и исчезаетъ, а затѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго, рѣзкій свистокъ паровоза у зеленаго диска. Второй свистокъ но уже какой то подавленный, такъ какъ паровозъ вскочилъ въ эту страшную темную часть. Послушно слѣдуютъ за паровозомъ, какъ овечки за своимъ вожакомъ, вагоны глухо постукивая на стыкахъ.

Входъ въ туннель выложенъ широкою рамою тесаннаго гранита, идущаго крутою дугой съ солиднаго фундамента изъ такого же камня и разчитанъ на два пути. Стѣны отъ входа пока ярко освѣщаются дневнымъ свѣтомъ, тщательно тесаны и представляютъ то сплошную глыбу камня, то сланцы, но, по мѣрѣ удаленія въ глубь, чистоты въ отдѣлкѣ стѣнъ не такъ замѣтно. Еще двѣ-три минуты, вагоны накриваются едва замѣтно на одну сторону, начинается кривая. Прощай день съ его радостями и жизнью—наступила абсолютная темнота. Чувствуется могильная сырость.

Мѣстами изъ стѣнъ бьетъ фонтаномъ ключевая вода, съ шумомъ падающая въ водоотводную канаву, и время отъ времени съ потолка крупныя капли такой же воды ударяютъ по крышѣ вагона. Дымъ паровоза, не находя свободнаго выхода, ложится по крышамъ вагоновъ, клубясь, спускается по землѣ, пробиваясь между вагонами. Наступаетъ такая духота, что оставаться на площадкѣ становится невозможно.

Душно и страшно на площадкѣ, но неизяснимо жутко и въ вагонѣ: каждый толчокъ даже самый незначительный, который прошелъ бы незамѣченнымъ на открытомъ мѣстѣ, здѣсь больно отзывается во всемъ существѣ, и лѣзутъ въ голову невеселыя думы. Ну, что, если камень, водою подточенный въ стѣнѣ или въ сводѣ, да упадетъ на рельсы, и нашъ могучій стальной конь, на всемъ ходу да съ рельсовъ долой и врѣжется въ стѣну, а вагоны налетятъ на него и одинъ на другой, что будетъ?—спасенья вѣдь нѣтъ. Какъ больно, обидно дѣлается за свое пичтожество; охватываетъ такая жажда скорѣе увидѣть свѣтъ, что готовъ, Богъ знаетъ, что отдать за свѣтъ. Но минуты томленія близки къ концу: вотъ чуть замѣтная полоса свѣта скользнула по шероховатой стѣнѣ и радостно отозвалось въ изнывшемъ за этотъ короткій, въ сущности, промежутокъ времени, сердцѣ. Еще нѣсколько секундъ и подавленный свистокъ паровоза возвѣститъ конецъ страшнаго пути. Мы вновь возвращены бѣлому дню. Теперь какъ то ярче всѣ краски и жизнерадостнѣе каждый звукъ въ этомъ просторѣ.

Поѣздъ летитъ все еще на кривой, подъ уклонъ, огибая гору, въ которой только что былъ заключенъ. Впереди, сквозь густую зеленую листву замелькали станціонныя постройки; легкій поворотъ, и поѣздъ вступилъ на станціонныя пути. Празднично выглядитъ эта станція, а можетъ быть это только такъ кажется послѣ полученнаго нервнаго возбужденія.

Еще двѣ—три станціи, и на землю спустилась южная темная, многозвѣздная ночь. Наблюденіямъ конецъ. Но уходить въ вагонъ, завалиться на мягкомъ диванѣ и предаться кейфу положительно не хочется: такъ чудно хороша и отрадна эта южная лѣтняя, на значительной высотѣ, ночь.

Все спитъ, только рокотъ вагоновъ о рельсы, да рѣзкій свистокъ паровоза нарушаютъ великій покой, и гуломъ стоятъ по ущельямъ эти звуки, то приближаясь, то удаляясь....

Вотъ мелькаютъ огни у подножья горы,—то деревня не спитъ, или кибитки аула, а подальше и выше, такъ въ полгоры, точно зарево вспыхнулъ костеръ, какъ маякъ освѣщая зловѣщую тьму на большое пространство:—то пастухъ охраняетъ стадо отъ ночного бродяги, звѣря хищнаго—волка, барса, медвѣдя или хитраго „чикалка“ (такъ называютъ здѣсь шакала).

Повѣяло легкой прохладой, отдыхаетъ и нѣжится природа и люди послѣ знойнаго дня; дышется легко.

Къ большой торжественности картины и навѣяннаго ею обаянія изъ за горъ выплываетъ луна. Ея еще не видно; но правая сторона небеснаго свода уже блѣднѣетъ, блекнуть одна за другой звѣздочки, какъ бы все въ высь уходя; ясно выступаютъ на горизонтѣ темными пятнами горныя вершины, за нѣсколько минутъ еще утопавшія и сливавшіяся съ этой темносинею далью въ одно цѣлое.

Еще нѣсколько минутъ, поблѣднѣло полъ неба, и серебряный дискъ ночного свѣтила медленно встаетъ между горъ, обливая фосфорическимъ блескомъ ихъ бѣлоснѣжныя верхушки, и быстро всплывая все выше и выше, щедро сыплетъ на землю серебристый свой лучъ.

Ясно выдѣляются ближайшіе предметы и мягко утопаетъ даль въ серебристой мглѣ.

Сквозь листву деревъ мѣстами сверкаютъ, какъ расплавленное стекло, широкія воды рѣки или сере-

бристо-стальной змѣйкой вьется ручей по лужку или ущелью.

Причудливымъ рисункомъ легли на голые утесы, широкую проѣзжую дорогу или на полотно желѣзной дороги темныя тѣни лиственнаго лѣса и тихо ползуть, игриво мѣняя свои формы.

II.

Утро. Мягкіе, яркіе лучи встающаго солнца скользнули въ купѣ вагона черезъ окно, нарочно незанавѣшенное съ вечера, и разбудили

меня. Скоро оканчиваю свой туалетъ и занимаю наблюдательный постъ.

Поѣздъ давно миновалъ переваль и несется теперь по незначительнымъ уваламъ, спускаясь въ долину на морскомъ берегу.

Еще разнообразіе и пышнѣе окружающая растительность, мѣстами замѣтно и хлѣбопашество: то тутъ, то тамъ, около полотна дороги или нѣсколько поодаль, широкою полосою тянутся на далекое пространство кукурузныя поля съ доспѣвающимъ злакомъ.

Воздухъ свѣжъ и насыщенъ чуднымъ ароматомъ магнолій.

Часа черезъ полтора должно показаться море, которое будетъ лежать съ правой стороны нашего пути. Жадно слѣдишь взоромъ за каждой перемѣной въ пути и вливаешься въ даль, ища той необъятной водной шири. Уже не разъ глазъ обманывался видѣніями на горизонтѣ. Но, что это тамъ въ дали на небосводѣ? Блѣдетъ парусъ, точно лебедь, плывущій

въ синевѣ небесъ;—то паруходъ или лодка—никакъ не разберешь, тѣмъ болѣе, что виновника этого явленія, моря, не видно, а потому въ первый моментъ не вѣришь своимъ глазамъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ мы давно уже идемъ по краю берега, но только море скрыто отъ нашего взора густою порослью шестивеннаго лѣса, обвитаго дикимъ виноградомъ или особаго рода плющемъ, а потому сразу представившійся видъ въ дали, гдѣ своды неба слились съ поверхностью морской, кажется фантастическимъ.

Рѣзкій свистокъ паровоза освѣтилъ, что близко ст. Чаква; эта предпоследняя остановка къ Батуму, гдѣ поѣздъ стоитъ 5 минутъ.

Противъ станціи широкая лента песчаной отмели, лишенная растительности, открыла видъ на море во всей его утренней красѣ.

Торжественно спокойно это море въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ сравнительно съ остальными временами года.

Мѣрно и плавно волна за волной ползутъ по отлогому песчаному берегу прозрачныя синеватыя его воды, высоко вздымая свои пѣнящіеся гребешки и, какъ бы обезилѣвъ, разсыпаются мелкими брызгами между камнями и галькой, и какъ змѣйки, игриво хлынуть обратно; но далеко вода не уйдетъ,—подхваченная новой волной вновь опять возвращается и такъ же совершаетъ вторичный свой путь... Такъ ужъ тысячи лѣтъ изо дня въ день, мчатся чистыя воды по каменному берегу, то спокойно, то шумно бурливо,—шлифуя прибрежную гальку.

Срокъ остановки прошелъ. Поѣздъ тронулся. Последній перегонъ до Батума.

Путь отошелъ отъ взморья; видъ на море опять скрылся за густымъ лѣсомъ и мѣстами голыми утесами.

Проскочили въ нѣсколько десятковъ саженъ туннель и черезъ 15—30 минутъ показалась станція Батумъ—товарная, что расположена въ портѣ.

Еще издали, точно обгорѣлый лѣсъ, выдѣлились на нѣжно голубомъ небѣ высокія мачты всевозможныхъ морскихъ судовъ, пришедшихъ въ портъ сдать или принять грузы и пассажировъ. Кое-гдѣ на этихъ мачтахъ чуть замѣтно надуваются бѣлые паруса и лѣниво развѣваются красивые разноцвѣтные флаги.

На станціонныхъ путяхъ масса вагоновъ, которые ловко сортируются по путямъ умѣлыми приѣмами „маневровыхъ“ машинистовъ, рѣзко и неумолкаемо раздаются условные свистки паровозовъ съ ранняго утра до глубокой ночи. Тутъ жизнь кипитъ, какъ вода въ котлѣ.

Минутная остановка. Еще 4 версты и нашъ поѣздъ, лихо подведенный къ станціонному зданію Батумъ—городъ,—останавливается.

Конецъ моему путешествію на этотъ разъ. Опять поднялась суматоха не хуже, чѣмъ при посадкѣ въ вагонъ. Спѣшу убраться бока цѣлыми и, проскочивъ на вокзалъ, беру перваго попавшагося возницу, приказываю вести себя въ гостинницу.

